

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
<p style="text-align: center;">ЖЕНЩИНА И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА <i>Ф. И. Храмова</i></p> <p>Гендерное измерение исторических процессов в Республике Беларусь в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.).</p>	<p>WOMAN AND THE GREAT WAR <i>F. I. Khramtsova</i></p> <p>3 Gender dimension of historical processes in the republic of Belarus at the time of WWII (1941-1944).</p>
<p style="text-align: center;">ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО <i>Л. И. Фалюшина</i></p> <p>К вопросу о демократизации государственного управления (на примере государственной системы дошкольного образования).</p> <p style="text-align: center;"><i>Л. И. Старовойтова</i></p> <p>Система социальной защиты в современный период.</p>	<p>STATE AND SOCIETY <i>L. I. Falyushina</i></p> <p>7 To the issue of public management democratization (by the example of state system of preschool education).</p> <p><i>L. I. Starovoitova</i></p> <p>10 Contemporary social security system.</p>
<p style="text-align: center;">СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ <i>Е. В. Булычева</i></p> <p>Участие оргеонов древней Аттики в экономической жизни полиса (по данным договоров об аренде и продаже общественной земли в аттике IV в. до н. э.).</p>	<p>PAGES OF HISTORY <i>E. V. Bulycheva</i></p> <p>18 Ancient Attic orgeon participation in the economic life of the polis (based on Attic land lease and purchase agreements dated IV B.C.).</p>
<p style="text-align: center;">ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ <i>О. Н. Кондратьева, К. В. Пуерова</i></p> <p>Концепт «любовь» в метафорическом зеркале (на материале произведений русских сентименталистов).</p> <p style="text-align: center;"><i>Н. Н. Кошкарлова</i></p> <p>Грамматические особенности Послания Президента Федеральному Собранию.</p> <p style="text-align: center;"><i>И. С. Рогова</i></p> <p>Экстралингвистические характеристики английской нефтегазовой терминологии.</p>	<p>PHILOLOGY ISSUES <i>O. N. Kondratieva, K. V. Puerova</i></p> <p>25 The concept of «love» in metaphorical mirror (based on the writing of Russian sentimentalists).</p> <p><i>N. N. Koshkarova</i></p> <p>30 Grammar patterns of the President's message to the Federal Assembly.</p> <p><i>I. S. Rogova</i></p> <p>33 Extra linguistic characteristic features of English oil-and-gas terminology.</p>
<p style="text-align: center;">ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ <i>Ф. И. Храмова, Л. К. Пахомова</i></p> <p>Политическая социализация как междисциплинарный феномен.</p> <p style="text-align: center;"><i>А. А. Ромащенко</i></p> <p>История в эпоху капитализации субъективности.</p> <p style="text-align: center;"><i>Ф. А. Смирнов</i></p> <p>Эволюция ценностных основ западного мира на примере философии Мартина Хайдеггера.</p>	<p>A PERSON IN THE MODERN WORLD <i>F. I. Khramtsova, L. K. Pakhomova</i></p> <p>35 Political socialization as interdisciplinary phenomenon.</p> <p><i>A. A. Romashchenko</i></p> <p>40 History in the generation of subjectivity capitalization.</p> <p><i>F. A. Smirnov</i></p> <p>46 Evolution of axiological principles of the western world based on Martin Heidegger philosophy.</p>
<p style="text-align: center;">РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ МЕНТАЛИТЕТА <i>Ю. Л. Травников</i></p> <p>Формирование профессионального менталитета у учащихся высших учебных заведений.</p>	<p>THE ROLE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION IN MENTALITY DEVELOPMENT <i>Yu. L. Travnikov</i></p> <p>52 Development of tertiary students' professional mentality.</p>
<p style="text-align: center;">СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД <i>А. А. Шингарёва</i></p> <p>Формирование ценностных ориентаций в процессе профессиональной социализации личности студента.</p> <p style="text-align: center;"><i>Ю. Н. Марочкина</i></p> <p>К вопросу о сущности символа</p> <p style="text-align: center;"><i>С. Ю. Колесникова</i></p> <p>Учебный процесс в Саратовской семинарии после реформы 1867 года.</p>	<p>FRESH VIEW <i>A. A. Shingareva</i></p> <p>67 Forming the value system in the process of professional socialization of students' personality.</p> <p><i>Yu. N. Marochkina</i></p> <p>71 To the issue of symbol essence.</p> <p><i>S. Yu. Kolesnikova</i></p> <p>76 Academic activity in Saratov seminary after the reform of 1867.</p>
<p style="text-align: center;"><i>Информация для авторов</i></p>	<p>81 <i>Information for the authors</i></p>

ЖЕНЩИНА И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

УДК 159.9

Ф. И. Храмцова

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1944 гг.)

Предпринят теоретический анализ роли женщин в военно-политических процессах (1941-1944 гг.). Обоснована методология гендерного измерения военной истории Беларуси (1941-1944 гг.). Представлена типология депривационных статусов женщин в условиях немецкой оккупации. Обоснована решающая роль гендерного фактора новейшей истории.

Ключевые слова: исторический процесс, женская история, военный фактор, антропологическая парадигма, гендерное измерение, субъективность, сингулярность.

История Беларуси периода Великой Отечественной войны, несмотря на проведенные широкомасштабные исследования, до настоящего времени представляет теоретико-методологический интерес. По мнению белорусского историографа А. А. Ковалени, это связано, в первую очередь, с тем, что период Великой Отечественной войны отражает «неоднозначные военно-политические и социальные процессы», требующие «объективного освещения истории». Исследователь уточняет причины длительного замалчивания социальных проблем военной истории: «Идеологический диктат, акцент на изучении только положительного опыта, ограничение доступа к важнейшим архивным источникам, замалчивание или односторонняя трактовка ряда «трудных» вопросов ...» [2, с.3].

К одной из таких наиболее сложных проблем военной истории относится проблема общественно-политической роли белорусских женщин в Великой Отечественной войне (в особенности молодых женщин, в возрасте от 18 до 30 лет) как женской истории в контексте антропологической парадигмы. В этой связи актуален исторически объективный подход к раскрытию спектра проблем жизнедеятельности женщин в экстремальных условиях военного фактора. Антропологический дискурс историографии военного периода актуализирует включение гендерного измерения как объективного анализа социальности, ведущего признака в структуре субъективности, что позволяет измерить особый, сингулярный, опыт военного участия женщин в социально-политических процессах военного периода белорусской истории. Гендерный подход в исторических исследованиях состоит в выявлении и деконструкции полоролевых дифференциаций военного времени, а также в анализе латентных детерминант изучаемого феномена на полипарадигмальной и междисциплинарной основе как максимально объективного оценивания вклада женщин в победу советского народа над фашизмом. В этой связи методологию гендерного подхода составляют принципы гендерной теории субъекта, которая «разрабатывается не только в рамках дискурса философии или философской антропологии, но и других социальных дискурсов и дисциплин (таких, как политические науки, социология, психология, куль-

турные исследования, история, литература, право и т. п.), реализуя так называемый междисциплинарный подход к проблеме субъективности» [4, с.21].

Как показывает комплексный анализ, исследование положения женщин периода 1941-1944 гг. в исторической науке до настоящего времени осуществляется односторонне, в традиционном ключе. Вследствие этого в сознании общества, особенно молодой ее части, превалирует маскулинный тип развития военно-исторических процессов, основным субъектом которых выступают мужские ресурсы. Как правило, раскрываются вспомогательные, инструментальные аспекты деятельности женщин, связанные, в основном, с участием в рядах Красной Армии, в составе партизанского движения. На фоне традиционной военной историографии 70-80-х гг. следует выделить монографию В. С. Мурманцевой о подрывной деятельности женщин в тылу врага [10]. Исследование «История Белорусской ССР», а также энциклопедическое издание «Беларусь в Великой Отечественной войне. 1941-1945», представляя обширный исследовательский массив этого периода, предметно положение женщин не рассматривают [6], [1].

Значимым вкладом в становление женской военной историографии является работа российского исследователя Елены Сенявской «Психология войны в XX в.: исторический опыт России», в которой исследованы антропологические и психологические аспекты деятельности советских женщин в военный период: в тылу, на фронте, в условиях немецкой оккупации. Автор приводит большой фактологический срез, статистика включает свыше 150000 женщин, награжденных орденами и медалями [15]. Работы белорусских ученых-историков А. А. Ковалени, С. А. Новикова, А. К. Сервачинского, М. Г. Жилинского развивают тему деятельности германской администрации в отношении к женскому населению Беларуси [7], [11], [14], [5]. В работе А. Я. Павловой предпринят структурно-демографический анализ женского участия в партизанском движении на Беларуси [12].

Методологическую новизну в интерпретации женской военной истории представляют малоизвестные материалы по вопросам истории борьбы и выживания женщин Беларуси в условиях немецкой оккупации, опубликованные в материалах международной научно-практической конференции (Минск, 2005). Работа К. И. Козак «Женщины Германии и Беларуси в войне: социализация образа и его восприятие» впервые в белорусской историографии содержит попытку применения гендерного подхода к исследованию проблемы выживания женщин в условиях германского режима. К. И. Козак анализирует широкую базу архивных источников, свидетельств очевидцев, участниц военных событий. На этой основе интерпретируются моральные аспекты, мотивы жизнедеятельности женщин в условиях оккупации. Так автор отмечает, что некоторые из женщин вынуждены были зарабатывать проституцией, чтобы спасти от голодной смерти детей и стариков. Автор подчеркивает неоднозначность, драматизм женских историй военной оккупации, отмечая, что это не мешало тем же женщинам, рискуя собственной жизнью и жизнью своих близких, помогать партийному подполью, укрывать советских раненых [8].

Таким образом, предпринятый анализ рассматриваемой проблемы позволяет достаточно полно структурировать типологию депривационных статусов женщин в условиях немецкой оккупации как заложников военных действий, жертв насилия, произвола, геноцида со стороны оккупационного режима на территории Белоруссии:

- обязательная трудовая повинность в возрасте от 18 до 45 лет (в основном с целью замены мужской рабочей силы) как на оккупированной территории, так и на территории Германии путем принудительного тотального вывоза молодых работоспособных женщин (от 18 до 30 лет) в Германию с целью рабства, трудовой эксплуатации;
- узаконенное насилие, агрессия, массовый террор против женщин, в особенности молодых; применение шантажа; расстрелы женщин, детей и стариков; лишение человеческого достоинства, изнасилования; осквернение материнских чувств; лишение собственности, права на защиту;
- понуждение женщин к проституции в условиях социальной депривации, к обслуживанию немецких офицеров в организованных немецкой администрацией публичных домах г. Минска;
- незащищенность и произвол по отношению к женщинам как заложницам карательных ответных действий со стороны германских властей вследствие наступательных боевых действий партизанских отрядов.

Вместе с тем на оккупированной германскими войсками территории объектом особо жестокой дискриминации и геноцида являлись еврейские женщины. Именно еврейские женщины привлекались к изнурительным работам, подвергались массовому расстрелу по малейшему подозрению в нелояльности германскому режиму, в пособничестве партизанам, участии в антифашистской деятельности. В ходе гендерной реконструкции военных событий возникает депривированный образ женской истории, связанный с самопожертвованием, лишениями, испытаниями одной из самых жестоких войн в истории человеческой цивилизации, а также с полноправным военным участием женщин, в особенности молодых, в партизанском движении, в роли рядовых, разведчиков, медиков, командного состава, политруков, лиц хозяйственного обеспечения.

Гендерное измерение истории невозможно без антропологического подхода. Феномен участия женщин в социально-политических процессах определялся не только категорией принадлежности к полу. На первый план выступал антропологический фактор войны, когда гендерные различия на уровне идентичности человека в экстремальных условиях жизни утрачивают значение и уходят на второй план. В пограничных состояниях сознания, (угрозы смерти, смерти близких, бесконечных бедствий, лишений), психология субъективности утрачивает идентичность в общепринятом значении. Вследствие этого ведущим признаком гендерной субъективности выступает мета-фактор как осознание индивидом, независимо от категории пола, своей человеческой сути; как отражение универсальной социальности, объединенной проблемами выживания независимо от гендерных различий. В этой связи научный интерес представляют следующие исторические аналогии: ценные наблюдения, описанные Барбарой Эпштейн в работе «Женщины в движении Сопротивления в гетто Вильнюса и Каунаса (обоснование исследовательского проекта)». Анализируя участие еврейских женщин в Сопротивлении, она подчеркивает, что «многие опрошенные женщины сказали мне, что вступили в Сопротивление не потому, что были женщинами, а потому, что были людьми» [3, с.261].

Предпринятое гендерное измерение социальных и военно-политических процессов в Беларуси (1941 -1944 гг.) выявляет выдающуюся, многофункциональную роль женщин в разгромах над немецко-фашистскими захватчиками, которая проявилась в тылу, на оккупированной врагами территории, самоотверженной борьбе в рядах Красной Армии, в составе партизанских соединений, в антифашистском подполье. Гендерные различия статусов женщин в условиях немецкой оккупации отражают дуальный характер дискриминации: с одной стороны, женщины – жертвы фашистской агрессии, трудовой и сексуальной эксплуатации, тотального геноцида, идеологического давления; с другой стороны, женщины – это обреченные заложники противостояний германских войск и партизанских отрядов. В ходе карательных операций ответного характера германских властей на действия партизанских отрядов было истреблено множество белорусских деревень с женщинами, детьми и стариками. Анализ женского участия в военных процессах раскрывает гендерные особенности социальной субъективности женщины, состоящей в трансцендентальности как элемента духовно-нравственного потенциала, с особой силой влияющего на исход военных событий и динамику социальных процессов отечественной военной истории.

Предпринятая гендерная реконструкция исторических процессов в Беларуси (1941-1944 гг.) позволяет переосмыслить подлинное историческое и общественно-политическое предназначение женщин как мета-фактора демократии и преобразования общества. Методология гендерного измерения военно-политических и социальных процессов формирует объективный анализ, наиболее полную оценку всех аспектов, мотивов жизнедеятельности женщин как объекта и субъекта военной истории.

Библиографический список

1. Беларусь в Великой Отечественной войне, 1941-1945 [Текст]: Энциклоп.; Редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) и др. – Мн.: БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 [Текст] / А. А. Коваленя (руководитель авторского коллектива), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко и др. – Мн.: БЕЛГА, 2005. – 544 с.
3. Гендерные истории Восточной Европы [Текст]. Сборник научных статей / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. – Мн.: ЕГУ, 2002. – 416 с.

4. Жеребкина, И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии [Текст]. Уч. Пос. / Ирина Жеребкина. – СПб.: Алетейя, 2007. – 312 с. – (Серия «гендерные исследования»).
5. Жилинский, М. Г. Образование на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.) [Текст]: Автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/Бел.гос.пед. ун-т им. М. Танка. – Мн., 2002. – 21 с.
6. История Белорусской ССР [Текст]. В 5-ти т. /Акад наук БССР. Ин-т истории.-Мн.: Наука и техника, 1972-1975. – Т.4: Беларусь накануне и в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1938-1945 гг.) / Редкол.: И. М. Игнатенко (председатель) и др. – 1975. – 640 с.
7. Коваленя, А. А. Подготовка партизанской молодежи к вооруженной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками [Текст] // Страницы военной истории Беларуси: Сб. /Институт истории НАН Беларуси, Отдел военной истории, Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка, каф. Отечеств. и миров. истории; науч. ред А. М. Литвин. – Мн.: БГПУ, 1998. – Вып. 2. – С.157 – 171.
8. Козак, К. И. Женщины Германии и Беларуси в войне: социализация образа и его восприятие [Текст] / Женщины во Второй мировой войне: история борьбы и выживания. Материалы международной научно-практической конференции 4 марта 2005 года; Минск. отв.ред. В. Ф. Балакирев, К. И. Козак. – Мн., 2006. – 244 с.
9. Краткий психологический словарь [Текст] / Сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
10. Мурманцева, В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне: 1941-1945 [Текст]. – 2-е изд., пераб. И доп. – М.: Мысль, 1979. – 292 с.
11. Новиков, С. А. Экономическая политика нацистской Германии в Беларуси 1941-1944 гг. (обзор источников и германской историографии 1990-х годов) [Текст]. – Мн.: МДЛУ, 2002 – 219 с.
12. Павлова, А. Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.): источники и методы исследования [Текст]: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / БГУ. – Минск, 2003. – 20 с.
13. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941. – 1942 г. – Т.13 (2-2). – М., 1997. – С.212-215, С.349-350.
14. Сервачинский, И. Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июль 1941 - август 1944 гг.) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/БГУ. – Минск, 1999. – 16 с.
15. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России [Текст]. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с.

Статья поступила в редакцию 29.04.2011.

ХРАМЦОВА Флора Ибрагимовна – доктор политических наук, профессор кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии Российского государственного социального университета.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

УДК 338.26

Л. И. Фалюшина

К ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

В статье поднимается вопрос демократизации государственного управления. Автор раскрывает проблему на примере государственной системы дошкольного образования. Анализируется схема отношений управляемой и управляющей подсистем.

Ключевые слова: демократизация, дошкольное образование, государственной управление.

В условиях глубокого кризиса, особое значение приобретает создание эффективных технологий государственного управления макросистемами. Важно, чтобы технологии эти позволяли эффективно влиять на огромное количество объектов одновременно, и, в тоже время, позволяли оперативно и адекватно замечать все значимые дисфункции всех управляемых объектов.

Под термином **макросистема** мы понимаем крупную систему, состоящую из большого количества подсистем, которые, имеют свою структуру и специфику деятельности, своё предназначение (миссию). Такой макросистемой мы можем считать, например, государство.

Термином **микросистема** мы обозначаем структурное подразделение единой макросистемы, которое, несмотря на свою относительную независимость, является неотъемлемой её частью. Применительно к понятию государства, как макросистема, мы можем рассматривать как пример её микросистем: систему образования, систему здравоохранения, различные производственные системы и так далее. Но в данном случае, мы, в качестве макросистемы рассматриваем государственную систему дошкольного образования.

Что касается таких понятий, как **управляющая и управляемая подсистемы**, то разъяснения вкладываемых нами в них смыслов требует объяснения их специфики.

Управляющая подсистема ориентирована на выполнение **вспомогательной, обслуживающей** систему функции, призванной:

обеспечить жизнедеятельность и жизнестойкость системы в целом;

организовать деятельность управляемой подсистемы с целью повышения качества её функционирования для более успешного реализации того, за что общество «соглашается кормить» её сотрудников.

Кроме того, специфика деятельности управляющей подсистемы заключается в её особых функциях, ориентированных на выполнение определённого алгоритма действий по поддержанию жизнедеятельности системы дошкольного образования. Такими функциями являются:

- анализ взаимоотношений системы с её внешней средой;
- нейтрализация всех негативных воздействий окружающей среды на систему;
- усиление позитивных влияний окружающей среды на систему;
- создание необходимых условий для обеспечения нормальной жизнедеятельности системы;
- планирование, организация, координация деятельности управляемой подсистемы с целью наиболее полного выполнения ею своего предназначения.

Специфика деятельности управляемой подсистемы состоит в том, что её функционирование представляет собой деятельность, определяющую **основное целевое предназначение** системы, те деятельность, для которой, по сути, существует система.

Для успешного выполнения своих функций управляемая подсистема должна быть ориентирована управляющей подсистемой на осуществление алгоритма деятельности, главными «шагами» которого являются:

- изучение спроса населения в целом и конкретной социальной группы на образовательные услуги;
- изучение спроса конкретной социальной группы, являющейся её клиентом;
- изучение возможностей адаптации учреждения к запросам населения в целом и конкретного клиента;
- выработка механизмов адаптации деятельности к требованиям, как реального, так и потенциального клиента (требования к содержанию образовательных услуг, к их качеству, к их стоимости и т.д.);
- информирование (рекламирование, пропаганда и др.) населения и конкретного клиента о специфике деятельности ДООУ и его возможностях по выполнению социального заказа.

Таким образом, отношения управляемой и управляющей подсистем выстраиваются следующим, представленным нами в схеме образом.

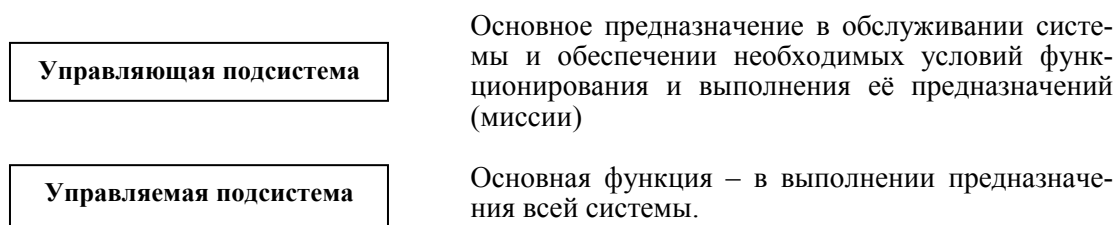

Рис. Схема отношений управляемой и управляющей подсистем

Это положение не меняется, если мы рассматриваем специфику государственного управления. Определяя специфику деятельности государственного управления, мы так же характеризуем её как деятельность, основное предназначение которой заключается в «обслуживании» управляемой системы, обеспечивая её жизнестойкость. Обратим внимание на то, что в наших определениях (относительно демократизации государственного управления) главный акцент делается не на степень интенсивности государственного влияния на систему (в нашем случае на систему дошкольного образования) а на эффективность механизмов, обеспечивающих основное предназначение государственной системы дошкольного образования. С этих позиций положение о том, что полная передача полномочий муниципалитетам есть способ демократизации государственной деятельности является на наш взгляд **НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ**.

Так в условиях, если отдельные муниципалитеты не выполняют свои функции на должном уровне, в частности, действуют вразрез с интересами обслуживаемого системой населения, то степень государственного воздействия в этом случае должна увеличивать-

ся. И если этого не случается, то неизменно возникает нарастание недовольства населения, то есть возникает кризис системы. Такие явления мы сейчас наблюдаем повсеместно, например массовые протесты, связанные с нехваткой мест в ДОУ, протесты родителей в Москве и Екатеринбурге, в связи с желанием родителей устроить на обучение своего ребёнка в элитную школу и так далее.

Таким образом, разрабатывая пути совершенствования механизмов управления государственными структурами, мы пришли к выводам.

1. О несостоятельности посылы о том, что демократизация государственного управления напрямую связана с уменьшением интенсивности государственного воздействия на «свои» объекты (в частности, о неэффективности полного «слепого» делегирования полномочий);

2. О необходимости переноса акцентов с вышеназванного положения на положение о том, что эффективность государственного воздействия на объект (именно с позиций демократизации государственного управления), определяется степенью «направленности» объекта государственного управления на интересы его потребителя (населения страны).

3. О необходимости, для развития идеи повышения демократизации государственного управления, более детальной разработки проблем:

- создания эффективного государственного мониторинга процессов, происходящих в управляемых им структурных подразделениях с целью оперативного выявления дисфункций в их деятельности (как дисфункция, в данном случае, будет рассматриваться именно игнорирование интересов потребителя);

- создания технологий эффективной коррекции деятельности управляемых подсистем.

И только такие подходы позволят нам осуществить идею истинной демократизации государственного управления, способного обеспечить деятельность государственного аппарата исключительно в интересах населения страны, а значит, сделать её истинно демократичной.

О наших исследованиях в этом направлении мы можем подробнее рассказать в следующих наших публикациях.

Статья поступила в редакцию 25.04.2011.

ФАЛЮШИНА Лариса Игоревна – доктор педагогических наук, Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (г. Ульяновск).

УДК 369.011.1

Л. И. Старовойтова

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Данная статья посвящена анализу состояния института социальной защиты населения в настоящий период, принципам, согласно которым она реализуется, а также ключевой проблеме социальной защиты – качеству жизни.

Ключевые слова: социальная защита, принципы социальной защиты, качество жизни, бедность, безработица, социально незащищенные слои населения, социальное партнерство.

Социальная защита как социальный институт, представляющий собой совокупность правовых норм, призванных решать определенные социальные и экономические проблемы, в международном контексте обычно имеет дело с установленными законодательством категориями граждан, которые в силу утраты трудоспособности, отсутствия работы либо по другим причинам не имеют достаточных средств для удовлетворения своих жизненно важных потребностей и потребностей нетрудоспособных членов семьи. В рамках систем социальной защиты таким гражданам при наступлении установленных законодательством неблагоприятных событий предоставляется помощь компенсационного характера в денежной и натуральной формах, а также в форме различного рода услуг. Кроме того, системы социальной защиты осуществляют меры профилактического характера, направленные на предотвращение неблагоприятных событий. Социальная защита осуществляется в различных организационно-правовых формах, включая такие, как индивидуальная ответственность работодателей, социальное страхование, адресная социальная помощь, государственное социальное обеспечение и др. Вместе с тем социальная защита, являясь по своему функциональному характеру достаточно целостной системой, представляющей собой самостоятельный социальный институт, имеет специфические особенности, связанные с технологиями оказываемых ею услуг. Так, технология предоставления пенсий существенно отличается от технологии оказания медицинской помощи, социально-реабилитационных технологий или технологий обеспечения безработных граждан. Таким образом, социальная защита в любом государстве – это комплексная система социально-экономических отношений, предназначенная для оказания разносторонней помощи нетрудоспособным или ограниченно трудоспособным лицам, а также семьям, доходы трудоспособных членов которых не обеспечивают общественно необходимого уровня жизни семьи. Эффективная социальная защита предполагает проведение политики, адекватно реагирующей на социальное самочувствие людей, способной улавливать рост социального недовольства и социальной напряженности, предупреждать возможные конфликты и радикальные формы протеста. Проводимая в современной России социальная политика строится по принципу, когда государство, признавая климат рыночных отношений, дополняет и корректирует рыночные механизмы перераспределения ВВП, ориентируясь при этом на гарантированное удовлетворение лишь минимальных базовых потребностей и оказание социальной помощи наиболее уязвимым категориям населения. Однако традиция активного участия государства в управлении экономическими и социальными процессами продолжает оказывать влияние на формирование системы социальной защиты, которая также включает в себя частную инициативу, создание благотворительных фондов, развитие страховых компаний.

Действующая система социальной защиты в России базируется на следующих принципах:

- принцип поощрительности – властными структурами с целью общественно-политического резонанса на те или иные социально значимые события, получившие общественную оценку, либо для поддержания государственных важных деяний, принимаются решения, ориентированные на социальную поддержку отдельных социальных групп, слоев населения, а в некоторых случаях – индивидов;

- принцип заявительности – социальная помощь предоставляется нуждающемуся гражданину по мере письменного обращения заявителя или лица, представляющего его интересы;

- принцип патернализма – обозначает государственную опеку по отношению к менее социально и экономически защищенным слоям и группам населения.

Отвечая на вызовы современной цивилизации, российское общество ищет оптимальные пути своего социального развития. В качестве главного вектора трансформационных преобразований определена стратегия устойчивого развития. Сущность данной стратегии предполагает гармоничную коэволюцию человека и природы в рамках целостного социума, функционирующего на единой социализационной и институциональной основе, где каждый человек по праву рождения может претендовать на справедливое распределение общественных благ и достойное качество жизни.

На сегодняшний день проблема качества как ключевая социальная проблема, которая все стороны жизни и приобретает действительно глобальный характер. От глубины и последовательности ее решения во многом зависит не только перспектива развития цивилизаций, общества, но и каждого человека в отдельности. При этом качество жизни людей играет ведущую роль в этом процессе. Ведь основной причиной появления и широкого распространения термина «качество жизни» в обществах с высоким уровнем потребления была смена механизма всего социального развития. На место сугубо экономических критериев пришли критерии качества жизни, а развитие человеческого потенциала стало целью и фактором экономического роста.

Этот показатель представляет собой интегральную характеристику физического, психологического, эмоционального и социального функционирования человека и в целом определяет эффективность действий в данном направлении.

В России вопрос о качестве жизни населения стоит остро. Анализ динамики текущих показателей качества жизни населения России отражает заметное ослабление позиций ключевых сфер – науки, образования, медицины, культуры. Наличие массовой бедности, резкое снижение социальных гарантий, депопуляция населения и проблемы репродуктивного здоровья, ухудшение нравственного здоровья населения, кризис социальных ценностей и падение нравов признаются всеми, в том числе и правительством, в качестве острейших проблем. Помимо объективных показателей, многое зависит и от субъективной оценки качества жизни самим индивидом и обществом в целом, и сейчас эта оценка в нашей стране более чем неудовлетворительная.

Состояние российской экономики обуславливает ограничение социальных гарантий минимально допустимым набором пособий для отдельных категорий населения и неотложными мерами поддержки попавших в экстремальные ситуации. В идеальном же варианте социальные гарантии должны распространяться на все общество, создавая благоприятный социальный климат для всех его слоев, для их беспрепятственного развития и взаимодействия. До недавнего времени социальные гарантии рассматривались в системе централизованного планирования и управления в узком смысле – как особый вид социально-экономических нормативов и служили инструментом текущего планирования. С одной стороны, они были связаны с представлением о минимальном стандарте уровня жизни, а с другой – с ресурсными возможностями экономики. С изменением характера функционирования национальной экономики изменяется и роль социальных гарантий, а также требования, предъявляемые к ним. Они становятся объектом законодательного регулирования, устанавливая границы государственного контроля над социальным развитием.

Выход из данной ситуации видится в стремлении освоить рыночные механизмы для эффективного использования ресурсов и лучшего учета потребностей и запросов населения, повышения уровня и качества жизни. Тем более, что общемировой исторический опыт свидетельствует, что с вниманием к качеству начинался выход из кризисных ситуаций во многих странах.

Необходимость ориентации социально-экономических преобразований на повышение качества жизни людей, возрастание степени обоснованности выбора стратегических целей социального развития региона обуславливает теоретическую и практическую значимость нормативного регулирования социальных процессов, важность разработки системы социальных стандартов качества жизни и неизбежно ведет к возрастанию роли государственной социальной стандартизации как одного из проявлений рыночных начал. Социальная стандартизация становится новой сферой регламентации важнейших параметров качества жизни в условиях социальной переориентации рыночной экономики, направлением новой социальной политики.

В настоящее время вопросам социальной стандартизации уделяется внимание в законодательной работе на федеральном и региональном уровнях управления.

Основой законодательной базы в области социальной стандартизации стало принятие законов Российской Федерации «О прожиточном минимуме в РФ», «О минимальном потребительском бюджете в РФ», «О минимальной заработной плате в РФ», «Об основах социального обслуживания населения в РФ». Это позволило установить такие важные социальные стандарты, как: уровень нищеты, бедности, уровень минимальной заработной платы, уровень компенсационных выплат для отдельных категорий населения и т.д.

Россия после поисков своего пути сделала выбор: стать правовым, демократическим, социальным государством. В какой мере Россия отвечает критериям, используемым мировым сообществом при характеристике социального государства? Экономическое состояние и социальная жизнь показывают, что пока наша страна ограничилась декларацией о социальном государстве. Социальная политика ещё не стала целью экономической реформы, скорее остается ее средством. Социальные результаты экономических преобразований в России и начало экономического кризиса оказались негативными для уровня и качества жизни населения.

Не секрет, что социальные проблемы, прежде всего, негативно сказываются на жизнедеятельности семьи. Государство предпринимает меры по увеличению семейных и детских пособий и выплат. Всё более весомым становится материнский (семейный) капитал, как мера государственной поддержки российских семей, в которых после 1 января 2007г. появился второй ребёнок (либо третий ребёнок (либо третий ребёнок или последующие дети, если при рождении второго или последующих детей право на получение этих средств не было реализовано). Это регулируется Федеральным законом №256-ФЗ от 29.12.06г. «О дополнительных размерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Следует отметить, что в настоящее время по просьбе женщины, имеющей сертификат, на основе соответствующего заявления и некоторых других документов, представленных в территориальный орган Пенсионного фонда, ей могут выдать единовременную выплату за счёт материнского капитала в размере 12 тысяч рублей. Примечательно, что эту выплату она может получить в любое время независимо от срока, истекшего со дня рождения (усыновления) второго или последующих детей в месячный срок после полученного разрешения. Такое положение будет распространяться на правоотношения, возникшие с 5 мая 2009г., и будет действовать до 1 мая 2010 года. Однако, в нескольких случаях может быть отказано в получении выплаты: если женщина лишена родительских прав и у неё отобран ребёнок, или уже были потрачены все средства капитала, или на счете осталось менее 12 тысяч рублей. Следует отметить, что материнский капитал ежегодно индексируется государством и составляет с 1 января 2009г. – 312162, 50 рублей.

Серьёзной социальной проблемой в условиях кризиса становится безработица. И хотя пик роста безработицы в России по заявлению правительства пришёлся в основном на январь – февраль 2009г. и оснований для ожидания «второй волны» нет, общая безработица всё же небольшими темпами увеличивается. За период с 27 ноября 2008 года по 28 января 2009 года по данным Минздравсоцразвития, количество официально зарегистрированных безработных увеличилось с 1315 тыс. до 1642 тыс., т.е. на 327 тыс. человек., за первую неделю февраля 2009г. по предварительным данным было зарегистрировано в органах службы занятости ещё около 100 тыс. человек. На 1 мая 2009 г. численность безработных в России составляла 7,7 млн. человек или 10,5% экономически активного населения.

По данным Министерства здравоохранения и социального развития РФ, число официально зарегистрированных в службах занятости безработных граждан составляет 2,25 млн. человек. По предварительным подсчётам специалистов примерно 10% нынешних выпускников вскоре пополнят армию безработных. Практика свидетельствует о том, что меры, предпринимаемые по преодолению безработицы, не всегда являются эффективными. Основной же упор в ближайшее время будет делаться на трудоустройство людей в сфере жилищно-коммунального хозяйства и агропромышленного комплекса.

Для улучшения этой ситуации, правительством были разработаны региональные программы поддержки занятости населения. Общее финансирование этой программы составляет – 43,7 млрд рублей.

Каждый регион должен представить в правительство РФ свою программу, которая будет финансироваться на 95% из федерального бюджета и лишь на 5% – из регионального. Программа, может включать такие меры, как вовлечение безработных в общественные работы, например в сфере сельского хозяйства или ЖКХ, переобучение безработных, выплата пособий по безработице авансом (при условии создания в регионе бизнес-инкубатора), а также стимулирование трудовой миграции как внутри региона, так и между регионами. Однако программа по борьбе с безработицей была представлена далеко не всеми регионами, не смотря на то, что 95% финансирования этих программ обеспечивается федеральным бюджетом.

Особенно тяжело положение пенсионеров. Несмотря на предпринимаемые государством меры и постоянное повышение размеров пенсий, подавляющая часть пенсионеров находится у черты бедности, что особенно наглядно проявляется в условиях кризиса, провоцирующего рост цен, снижение реальной стоимости рубля, повышение стоимости жизни. Рост цен на продукты питания в России, как показывает экономический анализ, существенно опережает общую инфляцию, а это существенно бьёт по карману большинства россиян и особенно пенсионеров, семей с детьми и других социально незащищённых категорий граждан. Статистические данные показывают, что, например, рекордный рост «черты бедности» зафиксирован в начале 2009г. в Москве. По сравнению с последним кварталом прошлого года прожиточный минимум для работающих москвичей увеличился сразу на 867 рублей, оставив далеко позади планку в 8 тыс. рублей. И, если, в расчёте на душу населения он составлял в 1У квартале 2008г. – 6648 рублей, то в 1 квартале 2009г. – 7386 рублей, в том числе: для трудоспособного населения соответственно 7510 и 8377 рублей, для пенсионеров – 4578 и 5030 рублей, для детей 5747 и 6307 рублей. Столь резкий рывок вверх черты бедности, по данным мэрии Москвы, произошёл из-за значительного повышения стоимости минимального набора товаров и услуг в мегаполисе в течение первых трёх месяцев нынешнего года. Цена же потребительской корзины для москвича трудоспособного возраста в апреле 2009г. составила 2486 руб. 26 коп., что всего на 0,4% выше, чем в марте. Как видно из приведённых данных, в 1 квартале текущего года прожиточный минимум для пенсионеров возрос на 452 рубля или почти на 10%. С 1 января 2008 года по 1 января 2009 года цена на самые востребованные пенсионерами продукты (хлеб, молоко, макароны) выросла на 24,4, 10,4% и 32,2 соответственно. В этом же году, по прогнозам специалистов, цены на продукты вырастут на 25-45%. Иными словами, для пенсионеров инфляция выше, чем для более обеспеченных слоев населения.

По прогнозу Минэкономразвития темпы роста инфляции составят 8,5%. Но ведомство Эльвиры Набиуллиной представило в правительство уточненный прогноз темпов роста инфляции на 2009-2011 годы, по которому рост инфляции составляет до 13%, а возможно и больше.

Как известно, в настоящее время Россия ищет свой путь пенсионной реформы, продолжает завершение формирования надёжной и сбалансированной пенсионной системы. Государство не только предпринимает определённые меры в этом направлении, в увеличении размера государственных пенсий, но и стремится активизировать, стимулировать самих граждан в дополнительном накоплении средств для формирования будущей пенсии, становясь соучастником этого накопления. К концу 2009 года пенсия может быть увеличена более чем на 30%, в результате чего к новому 2010 году средняя пенсия приблизится к 6,4 тыс. С учетом даже и льготной платы за коммунальные услуги, на которые рост тарифов в среднем по России составил 20%, планируемое повышение пенсий все же покроет возросшие расходы пенсионеров, хотя и с трудом.

Всё более значительной социальной проблемой, выделенной и в послании Президента, является создание безбарьерной среды для инвалидов. Это обусловлено постоянным ростом численности граждан с ограниченными возможностями, которая с 2001 по 2006 гг. увеличилась почти на 2 млн. и составляет сейчас около 13 млн. человек. В условиях экономического кризиса усложнилось социально-экономическое положение этой категории населения, замедлились процессы интеграции инвалидов в общество. Государство и общество предпринимают определённые, хоть и медленные, шаги в этом направлении, которые начинают всё более чётко проявляться в регионах Российской Федерации. Так, в соответствии с намерениями Правительством Москвы мерами инвалиды в ближайшее время смогут более комфортно чувствовать себя в столице. Предприятия и организации г. Москвы, создавшие удобную среду для граждан с ограниченными возможностями, станут отмечаться специальным знаком. Разработаны условия конкурса, призванного сделать столицу доступнее для инвалидов. В 10 номинациях конкурса, смотря на звание «Объект или территория безбарьерной среды» будут соревноваться учреждения социальной защиты и пенсионного фонда, больницы, поликлиники и аптеки, музеи, театры и кинотеатры, магазины, кафе и рестораны, спортивные комплексы и стадионы. А также свою заботу о людях с ограниченными возможностями продемонстрируют детские сады, школы, колледжи, вузы, офисные центры и предприятия, объекты дорожно-транспортной инфраструктуры, ДЕЗы и другие организации жилищно-коммунального и городского хозяйства. Отдельные номинации отведены приспособленным для инвалидов жилым домам, дворам и столичным зонам отдыха. Для участия в конкурсе предусмотрено направление заявки в окружную комиссию с описанием проведённых работ и фотографиями объекта до и после его приспособления для маломобильных граждан. Подведение итогов конкурса и награждение лауреатов намечено провести в декабре 2009г. – во время празднования Международного дня инвалидов.

Создание безбарьерной среды для инвалидов тесно связано и с укреплением их здоровья, с обеспечением необходимыми доступными и льготными лекарствами и услугами. Как уже отмечалось, кардинальное повышение качества медицинских и других публичных услуг также в числе главных задач, обозначенных Президентом РФ. Это, разумеется, напрямую касается не только инвалидов, но и всех граждан нашей страны. Всё более ощутимым препятствием в решении этой проблемы выступает рост цен на лекарства. Только с января 2009 года цены на лекарства выросли на 14%, а до конца текущего года, по прогнозам специалистов, рост может достигнуть 25%. В настоящее время государство приняло ряд мер по снижению и регулированию цен на лекарства. Разрабатывается нормативный акт о фиксированной цене на закупку жизненно важных лекарств (около 600 наименований). Эту цену производители должны будут декларировать и не смогут менять в течение года независимо от того, меняются ли коридоры валют. Особое внимание было уделено максимально возможному замещению импортных лекарств качественными российскими аналогами. Однако решение этой задачи в значительной степени осложняется тем, что российская фармацевтическая промышленность массово производит устаревшую отечественную номенклатуру дешёвых лекарств. Преодолеть зависимость от импортных препаратов, по мнению руководителей Национальной дистрибуторской компании, невозможно ни сейчас, ни в ближайшие 10 лет. По данным исследований, доля зарегистрированных дженериков в нашей стране составляет 78-80%, в то время как, например, в США она не превышает 25%, а в Японии – 20%. Поэтому сегодня граждане нашей страны полностью зависят от импортных субстанций и инновационных дорогостоящих лекарств. Реализация же Федеральной стратегии развития фармацевтической промышленности до 2020 года требует по расчётам ежегодных затрат из госбюджета в сумме 200 млн. долларов инвестиций, и решение этого вопроса в условиях финансового кризиса, как считают специалисты, пока остаётся открытым.

Практика показывает, не менее важной проблемой является повышение качества медицинского обслуживания. Согласно проведённым ВЦИОМ опросам, 49% граждан РФ недовольны качеством медицинской помощи в стране; 52% – укомплектованностью лечебных учреждений и квалификацией кадров; 54% – отношением к себе медперсонала; 68% жалуются на очереди. От 10 до 50% всех оказываемых услуг имеют дефекты. По данным Фонда ОМС, в первом полугодии 2007г. в России проведено 5,04 млн. экспертиз качества медицинской помощи. В результате было выявлено 2,6 млн. нарушений. Кроме

того, по экспертным оценкам, до 30% диагнозов в России устанавливается неправильно. Однако, в России нет органа, который специально занимался бы защитой прав пациентов. Поэтому Общественный совет по защите прав пациентов при Росздравнадзоре принял решение обратиться в Госдуму, Правительство РФ и к президенту с предложением создать в стране институт уполномоченного по правам пациентов. Эксперты считают, что он станет востребованным. Это подтверждается тем, что в одну только Лигу защиты прав пациентов (а это общественная организация) ежедневно обращаются до 400 человек. Кроме того, защитники настаивают на создании здравоохранной прокуратуры, которая должна контролировать пациентские судебные дела, а также на создании в стране службы страховых комиссаров, не зависящих от страховых компаний, что позволило бы давать объективные оценки качества медицинской помощи.

Требует дальнейшего совершенствования система медицинского и пенсионного страхования и укрепление финансовой основы страховых фондов. В соответствии с намеренными правительством РФ мерами предполагается отказ от Единого социального налога и переход на выплаты страховых взносов в Пенсионный и Медицинский фонды по новой шкале. Так, если ЕСН составлял 26%, то максимальная ставка взносов возрастёт до 34%. Однако, переход к этой ставке состоится не в 2010 году, как предполагалось, а годом позже. К тому же отдельной категории налогоплательщиков взносы не повысятся предположительно до 2015 года.

Растёт количество регионов с отрицательным балансом народонаселения (их уже более 70). А, как известно, состояние здоровья людей зависит на 10 % от медицинского обслуживания, на 10 % от наследственности и на 80 % - от социально-экономических условий и окружающей среды. Не находит объяснения и оправдания у подавляющей части общества такая социально-экономическая политика, которая ведет к социальной несправедливости, разделению общества на сверхбогатых и бедных, когда в числе последних в основном остаются те, кто своим неоплаченным в свое время трудом создал материальные и духовные ценности, которые теперь перераспределены не в их пользу. Разрыв в заработной плате у 10 % высокооплачиваемых и 10 % низкооплачиваемых работников по официальным данным достиг почти 20-ти кратного размера.

Мировой опыт свидетельствует, что эффективное развитие социальной сферы невозможно без прямого участия государства в финансировании и организации процесса социального воспроизводства населения. К тому же, культурная традиция России связана с развитием социальной сферы под патронажем государства. Поэтому нам представляется, что российское государство, диверсифицируя формы своего участия в социальном воспроизводстве населения, должно сохранить значительную и долгосрочную роль в социальной сфере. В современных условиях кризиса социальные функции государства должны стать доминирующими.

Но государство не должно нести это бремя в одиночку. Сегодня широко распространяются идеи о необходимости формирования разветвленного механизма социальной ответственности и регулирования социальных процессов, включающего и деловые круги, и самих работников и их объединения, и домашние хозяйства (семью) и другие институты гражданского общества (благотворительные организации, церковь). Распределение объема этих функций между различными субъектами должно быть динамичным в зависимости от направления социально-экономической политики, от степени развития демократии, от традиций, обычаев и других особенностей каждой страны.

В последние годы всё большую значимость приобретают новые технологии социального партнёрства, которые развивают и обогащают данную идею. В их числе проведение конкурсов социальных и культурных проектов. Такие конкурсы, с точки зрения исследователей, позволили, и это подтверждает, например, опыт Пермского края, реализовать следующие принципы:

- межтерриториальное, межведомственное, межсекторное взаимодействие в решении проблем социальной защиты населения;
- стимулирование и содействие общественным инициативам со стороны государственных институтов и бизнес-структур;
- общественная экспертиза государственных форм и методов социальной защиты;
- привлечение дополнительных финансовых ресурсов, формирование многоканального финансирования направлений социальной защиты;

▪ внедрение в практику новых ресурсных технологий, направленных на самообеспечение, самореализацию, саморазвитие.

Как правило, номинации конкурса социальных и культурных проектов формируются по предложениям администрации, хозяйствующих субъектов, негосударственных организаций и отражают нацеленность администрации региона на решение конкретных социально-экономических вопросов, связанных с проблемой повышения уровня самообеспечения населения, имеющего средний и высокий уровень ресурсных потенциалов. С каждым годом по количеству участников и привлекаемым средствам конкурсы становятся всё масштабнее. Развитие социального партнёрства способствует решению многих актуальных проблем социальной защиты, отработке новых форм оказания помощи семье, преодолению бедности, интеграции инвалидов в общество, конкретным проблемам социального обслуживания и т.д.

В результате использования новых технологий социального партнёрства складываются эффективные механизмы регулирования взаимоотношений, выполняющие функцию снижения социальной напряжённости и конфронтации социальных групп, повышения степени социально-экономической дееспособности конкретной личности.

Вопросы социального партнёрства в настоящее время вызывают широкий интерес у представителей так называемого третьего сектора, власти и бизнеса

Весьма важным представляется расширение социальных функций бизнеса. Из пассивного донора финансовых ресурсов (в форме налоговых и социальных отчислений) бизнес должен стать равноправным партнером государства, а может быть даже и основным, в деле социальной защиты населения, особенно его трудоспособной части. От того, насколько успешно он справится с решением серьёзно обострившихся социальных проблем, будет зависеть его конкурентоспособность и продуктивность. Поэтому необходимо поощрять социальную деятельность, проводимую предприятиями и организациями, через налоговые и иные льготы.

Переход к рынку в условиях дефицита материальных ресурсов, расстройств финансовой системы и денежного обращения предполагает необходимость для подавляющего большинства населения социальной защиты, гарантирующей поддержание приемлемого уровня жизни, поэтому участие государства в реализации социальных гарантий своим гражданам объективно необходимо.

Именно поэтому главной целью социального обслуживания является сохранение активного долголетия пожилых граждан и инвалидов, удовлетворения индивидуальной потребности данной категории населения в различных социальных услугах.

Право на социальную защиту является одним из основных социальных прав человека. Вместе с тем, оно подразумевает и наличие обязанностей со стороны получателя помощи. Это значит, что каждый человек должен сам активно участвовать в решении собственных проблем, а социальные институты готовы оказать ему в этом необходимое содействие. Программы «От пособия к самообеспечению» – направлены на комплексное решение проблем, связанных с преодолением бедности, и создание социально-экономических условий для перехода от получения социального пособия к экономической самостоятельности малообеспеченных граждан.

Система социальной поддержки населения всегда являлась важнейшим инструментом политики социального государства. Посредством социальной работы, она выступает как механизм, призванный защищать людей от неблагоприятных воздействий со стороны социальной среды и смягчать их последствия. В сфере социальной поддержки в числе важнейших приоритетов деятельности Правительства были и остаются снижение масштабов бедности, усиление адресности социальной поддержки, обеспечение эффективной защиты социально уязвимых семей, не обладающих возможностями для самостоятельного решения социальных проблем, повышение эффективности социального обслуживания населения, решение проблем беспризорности. Стоит отметить, что в протоколе Всемирного конгресса социальных работников, проходившего в Канаде (2000г.) подчеркивалось: «Профессия «социальная работа» способствует реализации социальных изменений в обществе, решению проблем человеческих взаимоотношений и укреплению свободы человека и его права на достойную жизнь. Используя теории человеческого поведения и социальных систем, социальная работа вмешивается в процесс на этапе, когда люди взаимодействуют с окружающей средой».

Таким образом, несмотря на то, что, впервые за последние годы, в 2009 году в России ожидается дефицит бюджета в размере (по словам Президента РФ Медведева Д.А) не менее 7%, задачей №1, выделенной среди 10 главных задач в Бюджетном послании на 2010-2011 гг., является исполнение государством социальных обязательств. А это, несомненно, предполагает направление основного внимания государства и общества на решение социальных проблем российского общества в условиях нынешнего финансового кризиса.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы современного профсоюзного движения [Текст]. – Казань: Медицина, 2000.
2. Буданова, М. А., Гостенина, В. И. Социальное партнёрство в системе социально-трудовых отношений [Текст]. – М.: Прометей, МПГУ, 2003.
3. Давос поднимается в гору [Текст] // Российская газета. – 29.01.2009. – № 13. – С.1.
4. Жуков, В. И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз [Текст] // СОЦИС.– 2008. – №10. – С. 30.
5. Замараева, З. П. Становление института социальной защиты населения в России [Текст]: монография. – М.: Издательство РГСУ, 2006.
6. Коммерсант.– 27.01.09. – С. 2; 30.01.09. – С.2.
7. Мамытов, Е. Г. Социально-трудовые отношения в условиях рынка [Текст]. – М.: МАКС Пресс, 2008.
8. Новый экономический словарь [Текст] / Под ред. А. Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2006.
9. Работник социальной службы.– 2001. – № 3. – С.16
10. Российская газета.– 28.01.2009. – С.5.

Статья поступила в редакцию 29.04.2011.

СТАРОВОЙТОВА Лариса Ивановна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и методологии социальной работы Российского государственного социального университета.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 340

Е. В. Булычева**УЧАСТИЕ ОРГЕОНОВ ДРЕВНЕЙ АТТИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОЛИСА (ПО ДАННЫМ ДОГОВОРОВ ОБ АРЕНДЕ И ПРОДАЖЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗЕМЛИ В АТТИКЕ IV В. ДО Н. Э.).**

Статья посвящена изучению вопроса об участии оргеонов (религиозного сообщества древней Аттики) в экономической жизни греческого полиса. На основании содержания договоров об аренде и продаже общественной земли анализируется характер участия данного сообщества в экономических сделках.

Ключевые слова: оргеоны, Аттика, договор, аренда, продажа, полис.

В древней Аттике IV в. до н. э. существовали земельные участки – теменосы, посвященные какому-либо божеству или герою, обычно примыкающие к месту культа или окружающие его [1]. Теменосы находились в распоряжении территориальных объединений (демов, фил и фратрий), но в основном принадлежали храмовым организациям. Прежде всего такими организациями являлись оргеоны¹. Как правило, оргеоны были членами частных религиозных ассоциаций, группировавшихся вокруг культов богов и героев. История их создания, по-видимому, уходит в глубокую древность, но впервые они отчетливо фиксируются для времени Солона. Об этом прежде всего свидетельствует учёный грамматик Селевк из Александрии (первая половина I в.н. э.) в специальном комментарии

¹ В историографии есть немало работ, посвящённых оргеонам. Как правило, исследователи рассматривают вопросы, связанные с историей появления этого сообщества, их участия в духовной жизни Аттики. У. Фергюсон отмечает, что для Аттики классической эпохи следует выделять две категории таких ассоциаций. Одни из них объединяли в своих рядах граждан, другие включали в себя иностранцев, проживающих на территории Аттики. Ferguson W. S. The Attic orgeones // Harvard Theological Review. 1944. 37. P. 73. (Прим. автора).

Н. Джоунс занимается рассмотрением оргеонов прежде всего как участников культового сообщества. Jones N. F. The associations of classical Athens. Oxford, 1999. Вопросы, связанные с организацией культовых мероприятий оргеонов подробно рассматривает отечественная исследовательница Ю. Б. Устинова. Устинова Ю. Б. Частные культовые сообщества у греков (Аттика VI-IV вв. до н.э. // Быт и история в античности. М., 1988. Э. Д. Фролов уделяет внимание многим вопросам, связанным с деятельностью оргеонов. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. Менее всего исследователи обращают внимание на проблемы участия оргеонов в экономической жизни полиса. (Прим. автора).

к скрижальям законов Солона (Seleuc. Ap. Suid)². Что представляли собой оргеоны первоначально – сказать трудно, но несомненна их связь с культом. Тот же Селевк из Александрии отмечает, что «оргеонами называются те, кто устраивают собрания в честь неких богов или героев» (Seleuc.ap. Suid). Для дальнейшего, более точного определения этой категории лиц, которые в Афинах назывались оргеонами, существенной представляется выступающая в древних текстах связь оргеонов с такими ячейками греческой гражданской общины, как роды и фратрии (Pollux. VIII. 107). Таким образом, объединения оргеонов – одни из наиболее древних на территории Аттики, ведущие своё происхождение, как минимум, с архаической эпохи и достигшие расцвета уже в послеклассическое время, в период эллинизма. Как отмечает И. В. Меланченко, современная наука располагает довольно скудными и часто противоречивыми сведениями о деятельности этих ассоциаций [2]. Надписи оргеонов, которые сохранились до нашего времени, в силу своей лапидарности, малоинформативны. Вероятно, причиной того, что объединения оргеонов практически обходят вниманием нарративные источники, можно считать, во-первых, их сугубо частный характер, во-вторых, отсутствие с их стороны попыток влиять на общественную и политическую жизнь, то есть определённый замкнутый характер, что присуще некоторым религиозным организациям древности. Центральное место в рамках деятельности этих объединений занимало отправление культа и организация религиозных мероприятий в честь бога или героя, которому был посвящён данный союз оргеонов. Для этих целей оргеоны собирались один раз в год и совершали жертвоприношения, после чего устраивали пир [3]. Э. Д. Фролов отмечает, что оргеоны встречались в течение года ещё несколько раз для проведения других церемоний, их деятельность была расширена [4]. Как отмечает Н. Джоунс, с конца классической эпохи получает развитие новая тенденция – оргеоном может стать любой, кто внесёт определённую сумму на нужды объединения [5]. По мнению Н. Джоунса, многие «спонсоры» получали в благодарность высшие должностные посты в руководстве ассоциации. Таким образом, члены объединения старались укрепить свою финансовую базу.

Оргеоны являлись активными участниками различных экономических операций в аттическом обществе. Экономический статус оргеонов может быть выявлен с помощью указаний в надписях об их участии в различного рода сделках, прежде всего по аренде и продаже общественной земли, а также по данным документов о закладных операциях с землёй и другими видами имущества. Кроме того, эти документы также дают представление о характере деятельности оргеонов, статусе этих объединений и содержат другие ценные сведения, позволяющие расширить наше представление о них.

Оргеоны участвовали в аренде земель, принадлежавших храмам. До нашего времени сохранились две надписи о сдаче в аренду земли святилищ оргеонами. Надпись о сдаче в аренду земельного участка святилища оргеонами героя Иатра найдена в начале XX в. и датируется 333 г. до н. э. (перевод текста надписи приводится по сборнику М. Плекета)³. Другая обширная надпись, посвящённая сдаче в аренду союзом оргеонов – почитателей героя Эгрета своего святилища, найдена в начале XX в. немецкими археологами у

² Что собой первоначально представляли оргеоны трудно сказать. Несомненно, что они имели прямую связь с культом. На это указывает сама этимология слова оргеоны – собрания в честь тайных священнодействий. Древние авторы отмечали, что оргеоны – это те, кто по демам в установленные дни совершают некие жертвоприношения (Pollux. VIII. 107). Иногда этим же словом «оргеоны» могли обозначаться и те, кто руководил обрядом священнодействия, т.е. жрецы. По подсчётам исследователей численность оргеонов одного объединения колебалась от 12 до 30 человек. См: Ferguson W. S. The Attic Orgeones // Harvard Theological Review. 1944. P.73. Ю. Б. Устинова отмечает, что их количество могло составлять и 100 человек. См: Указ. соч. М., 1988. С. 198. (Прим. автора).

³ Надпись содержится в сборнике М. Плекета: Pleket M. Epigraphica. Leiden, 1964. № 43. Перевод: «На следующих условиях сдал в аренду Харопс фалереец и оргеоны Героя этот сад Фрасибулу из дема Алопеки за 20 драхм арендной платы ежегодно на 30 лет. Выплачивать арендную плату в месяце таргелионе. Дозволяется Фрасибулу, ежели пожелает, возвести постройку за собственный счёт на участке за каналом. По истечении срока аренды Фрасибулу покинуть участок, забрав сосуды, деревянные части и двери, если к чему-либо не склоняет Харопс и оргеоны. Пусть Фрасибул поставит на святилище списки с этих соглашений. Время составления документа (начальствует архонт) Никократ» (Прим. автора).

подножия холма Нимф (к западу от Ареопага) и датируется 307/6 г. до н. э. (перевод текста надписи приведён по сборнику IG.II² 2499)⁴.

Документы оргеонов о сдаче в аренду теменосов демонстрируют заботливое отношение ассоциаций к имеющемуся в их распоряжении имуществу. В частности, об этом можно судить по тем строгим предписаниям, которые оргеоны предъявляют к арендаторам теменосов. В надписи о сдаче в аренду оргеонами святилища Эгрета арендатору предписано следить за деревьями, растущими на территории святилища, а в случае гибели хотя бы одного из них вырастить ему замену (IG.II²/2499, сткк. 15-20). Кроме того, арендатору поручено выполнение строительных и ремонтных работ (там же, сткк. 12-14). Подобные предписания возлагаются и на арендатора земельного участка Героя Иатра. В частности, речь идёт о том, что он должен проводить строительные работы на территории теменоса (сткк. 11-14). При этом говорится о санкциях, которые могут быть предъявлены к арендатору в случае невыполнения им возложенной на него ответственности. В арендном постановлении оргеонов Эгрета это происходит в виде прекращения арендной сделки и лишения арендатора права на строительные материалы (сткк. 21-26). Подобные действия оргеонов, скорее всего, свидетельствуют об их стремлении к сохранению и даже приумножению храмового имущества. По-видимому, забота о священной собственности была связана с тем, что религиозные организации считали его принадлежащем непосредственно богу⁵. Кроме того, как показывают документы из Аттики о сдаче в аренду имущества другими коллективами (филы, демы и фратрии), арендодатели получали права, связанные с распоряжением общественным имуществом, вплоть до судебного разбирательства [6]. Таким образом, забота об общественном землевладении являлась общепринятой практикой в Аттике в IV в. до н.э. Одним из важнейших условий арендного соглашения также являлось своевременное внесение арендатором арендной платы. В надписях о сдаче в аренду теменосами оргеонов её сумма не очень значительная – 20 драхм ежегодной арендной платы в договоре об аренде сада оргеонов героя Иатра и 200 драхм платит арендатор оргеонам святилища Эгрета, однако любые доходы помогали ассоциации поддерживать находящиеся в их распоряжении теменосы, совершать религиозные церемонии.

Используя данные этих надписей, а также другие документы и сведения нарративных источников, попытаемся представить статус оргеонов и их участие в экономической жизни полиса. Оргеоны строились наподобие гражданских корпораций, в надписях они

⁴ Перевод текста о сдаче в аренду святилища оргеонами Эгрета «Боги! Оргеоны сдали в аренду святилище Эгрета Диогнету, сыну Аркесила, из дема Мелиты на десять лет за плату 200 драхм ежегодно. Ему следует использовать храмовые земли и построенные здесь здания в соответствии с их священным статусом. Диогнет будет осуществлять побелку тех из стен, которые в этом нуждаются, и всё прочее будет пристраивать и оборудовать Диогнет, когда ему заблагорассудится. Когда пройдёт время, в конце десятого года ему следует уйти, забрав с собой древесину, черепицу и дверные створки, но он не должен ничего трогать, кроме этого. Он должен заботиться о деревьях, растущих в святилище, и, если, какое-нибудь из деревьев погибнет, пусть он заменит это и передаст то же самое количество. Диогнет должен платить арендную плату ежегодно кому-либо из управляющих оргеонов, ежегодно: половину – 100 драхм первого числа месяца боэдромеон, остальные – 100 драхм первого числа месяца элафеболиона. Когда же оргеоны в месяце боэдромеоне будут совершать жертвоприношения своему герою, пусть Диогнет предоставляет в их распоряжение открытым дом, где находится храм, и навес, и кухню, и ложа и столы для двух триклинеев. Если Диогнет не уплатит арендную плату в установленное время или не сделает другие дела, предписанные в арендном соглашении, аренда будет считаться недействительной, и он будет лишён древесины, черепицы и дверей, а оргеонам будет позволено сдать (святилище) в аренду кому пожелают. Если будет установлен какой-либо чрезвычайный налог (эйсфора), платить его оргеонам в соответствии с оценкой стоимости имущества. Диогнет пусть запишет условия соглашения на каменную стелу, которая установлена в храме. Срок аренды начинается с архонта, который будет после архонта Корэба». (Прим. автора).

⁵ Об отношении к храмовому имуществу, как принадлежащему непосредственно божеству, свидетельствует договор с Делоса (ID. 1416 В). В частности, в нём говорится: «Поскольку всё имущество и арендная плата принадлежат богу по данному постановлению, если арендаторы не внесут арендной платы в надлежащий срок или не передадут урожай в распоряжение гиеропеев, пусть платят гемиолион в указанное время» (сткк. 30-32). (Прим. автора).

называют себя общиной или союзом⁶. Судя по данным надписей, они собирались на собрания и принимали совместные постановления. Так, в надписи о сдаче в аренду имущества оргеонов Эгрета сказано, что арендатор должен действовать в соответствии с определёнными предписаниями (IG.II².2499, сткк.20-25), которые, скорее всего, вырабатывались совместно оргеонами. Выработанные ими постановления датировались временем правления афинских архонтов-эпонимов (IG.II².2499, стк. 30). Среди таких постановлений могли быть и совместные решения оргеонов о награждении отдельных членов сообщества, оказавших особенные услуги (Syll³.III №1096; Syll³. № 1097). Формой награды мог служить золотой веночек, который затем награждённый должен был посвятить обратно в святилище чтимого сообществом божества. Иногда, согласно совместному постановлению оргеонов, к этому добавлялось освобождение от членского взноса [7]. При этом постановления оргеонов, по-видимому, могли приниматься как частным образом, то есть только самими оргеонами без какого-либо вмешательства, так и совместно с полисной администрацией, что зависело от специфики рассматриваемого вопроса. Так, решения частного характера о награждении членов ассоциации оргеонов принимались ими самостоятельно (Syll³. № 1096,1097), а вопросы о сдаче в аренду земли святилищ они согласовывали с полисными структурами. В надписях об аренде сада героя Иатра и святилища оргеонов Эгрета сказано, что оргеоны должны поставить в святилище на всеобщее обозрение списки с соглашениями и указать время правления архонтов (Pleket.№ 43; IG.II².2499).

Судя по сведениям надписей, общины оргеонов имели своих должностных лиц: попечителей храмов, казначеев, так называемых устроителей праздничных пиров (Syll³.1096, 1097). Во главе администрации оргеонов был гестиатор, на которого возлагалась обязанность организации жертвоприношений и банкета [8]. В зависимости от величины объединения кроме гестиатора в администрацию могли входить также эпимелеты, казначей, секретарь и, конечно же, жрецы. В надписи об аренде оргеонов Эгрета сказано об управляющих оргеонов, которым арендатор должен передавать арендную плату ежегодно (IG.II².2499, стк.20). Судя по этому замечанию, можно предположить, что среди оргеонов выбирались управляющие, в обязанности которых входили различные экономические обязательства, в частности, сбор арендной платы.

Религиозные сообщества часто устраивали торжественные жертвоприношения и обязательные сопряжённые с ними ритуальные трапезы в честь какого-либо божества. Как часто устраивались такие церемонии – трудно сказать, возможно, один раз в год. В надписи об аренде земельного участка оргеонов Эгрета сказано о совершении жертвоприношения оргеонами Эгрета в честь своего героя в месяце Боэдромионе, когда арендатор святилища должен был предоставлять его открытым для названного сообщества (IG.II².2499, стк. 30). Однако Э. Д. Фролов полагает, что жертвоприношения могли совершаться неоднократно, а в случае, указанном в надписи об аренде земли оргеонов речь идёт о каком-то официальном празднике, но это не должно исключать проведения время от времени каких-либо других церемоний [9], поскольку сами сообщества устраивались для проведения таких празднеств, церемоний⁷. Средства для проведения празднеств религиозное сообщество получало от различных пожертвований. Во-первых, это могли быть попечения частных лиц – членов организации оргеонов. Так, в надписи из Пирея, повествующей о союзе оргеонов-почитателей фракийской богини Бендиды (329/328 г. до н.э.) сказано, что, «Эвфиес и Дексий, бывшие попечители храма осуществили своё попечение прекрасно, ревностно и достойно» (Syll³. № 1095, сткк.). При этом не сказано пря-

⁶ Например, в надписи-постановлении союза оргеонов-почитателей сказано: «Клеэнет, сын Клеомена, из дема Мелиты внёс предложение: постановить оргеонам: поскольку Каллиад, сын Филина, из дема Пирея и Лисимахид, сын Филина из дема Пирея являются мужами добрыми в отношении союза оргеонов Амина, Асклепия и Дексионна, похвалить их за добродетель и честность по отношению к богам и в отношении союза оргеонов и увенчать каждого из них золотым венком». Syll³.III.№ 1096.

⁷ В древней Греции существовали «священные календари», документы, которые в подробностях описывают, какие жертвоприношения (с оценкой их стоимости) полагалось совершать в течение года тому или иному сообществу. Дэвис Дж. Демократия и классическая Греция. М., 2004. С.186.

мо, за что следует хвалить граждан, но можно предположить, что речь идёт не только об их моральном долге, но и финансовой помощи для оргеонов и их святилища.

Во-вторых, средства поступали от сдачи в аренду принадлежавшего сообществу имущества. Об этом свидетельствуют надписи о сдаче в аренду имущества Героя Иатра и теменоса Эгрета. Содержание этих документов даёт возможность представить, какие виды собственности сдавали в аренду оргеоны, какую сумму они получали в виде арендной платы. Судя по всему, в аренду поступало немалое количество имущества. Так, в договоре оргеонов Героя Иатра сказано, что в аренду сдаётся земельный участок с хозяйственными постройками на нём (Pleket. № 43, сткк. 15-21). В надписи об аренде святилища оргеонов Эгрета также говорится о передаче в аренду земельного участка, с садом и с многочисленными хозяйственными и культовыми постройками на нём (IG. II²2499, сткк. 5-10; 20-30; 40). В первом случае арендная плата взимается в размере 20 драхм ежегодно, во втором она составляет 200 драхм, что также позволяет судить о том, что святилище оргеонов Эгрета было весьма масштабное. При этом возникает вопрос, насколько эта плата была высока и как она могла удовлетворить финансовые потребности оргеонов. В надписи из Пирея, датированной 329/8 г. до н. э. говорится, что оргеоны готовы увенчать попечителя святилища золотым венком стоимостью в 100 драхм (Syll³. № 1095, сткк. 9-10). В другом постановлении оргеонов, принятом после 350 г. до н. э., речь идёт о возможности увенчать золотым венком двух попечителей храма, при этом стоимость каждого такого венка составляет 500 драхм, то есть в целом – 1000 драхм (Syll³. № 1096, сткк. 7-8). Исходя из этого, можно сделать вывод, что оргеоны располагали немалыми средствами. Арендная плата, которую назначали оргеоны в случае сдачи в аренду святилища – 20 или даже 200 драхм вряд ли могла являться для них важной статьёй дохода. Скорее всего, сообщество оргеонов не столько заботилось о получении больших денежных средств от аренды, сколько старалось обеспечить должный уход за святилищем. Об этом свидетельствуют условия арендного соглашения. Так, в договоре о сдаче в аренду оргеонами святилища Эгрета сказано: «Он (арендатор) должен заботиться о деревьях, растущих в святилище, и, если какое-либо из деревьев погибнет, пусть он заменит его и передаст то же самое количество» (IG. II²2499, сткк. 15-20). Забота об уходе за землёй, принадлежащей храму, являлась одной из важнейших для различных территориально-административных и религиозных объединений в греческом мире. Так, в договорах об аренде земель святилищ, которую проводят аттические демы, арендатору постоянно предписываются требования тщательного ухода за землёй⁸. Подобные предписания содержатся и в договоре о сдаче в аренду храмовой земли святилища Аполлона с Делоса (арендаторы должны предоставить по окончании аренды то же количество фиговых и оливковых деревьев, а также виноградных лоз, которое было зафиксировано на участке ранее, в случае гибели какого-либо дерева, они должны возместить ущерб – ID. 1416 В, сткк. 41-45). При этом, как и в случае аренды оргеонов Эгрета с арендатора не берётся большая арендная плата⁹. Судя по этим данным, финансовая выгода не была основной целью сдачи священных земель в аренду. Отечественный исследователь В.Н. Андреев отмечает, что аттические сообщества являлись по своему характеру весьма патриархальными и для них аренда была не коммерческим мероприятием, а скорее патриархальным, данью традиции [10]. При этом к самим оргеонам полис предъявлял финансовые требования, которые прежде всего выражались в обязанности уплачивать чрезвычайный налог – эйсфору. Так, в надписи о сдаче в аренду святилища оргеонов Эгрета сказано: «если случится какой-либо чрезвычайный налог (эйсфора), то платить его оргеонам согласно оценке имущества»

⁸ В договоре об аренде земельного участка святилища бога Гермеса демоты предъявляют к арендатору следующие требования: «Пусть арендатор возделывает земельный участок попеременно. Половину он должен засеять пшеницей и ячменём, половину бобовыми» (IG. II²2493, сткк. 7-8). В том же договоре говорится: «Дважды ежегодно пусть окапывает смоковницы и все остальные плодовые деревья» (IG. II²2493, сткк. 10-11). В другой надписи, повествующей о сдаче в аренду сада Аполлона Ликея сказано: «Арендатор должен посадить новые (деревья), используя отростки от старых... На теменосе же нельзя рубить ни культурных, ни иных деревьев» (IG. II²2501, сткк. 11-14).

⁹ Так, в надписи о сдаче в аренду земельного участка демотов эксонейцев арендная плата составляет 152 драхмы ежегодно (IG. II²2492, сткк. 1-3); в постановлении о сдаче в аренду священных участков она варьируется от 88 до 152 драхм (Hesperia. 52. 1983. P. 106).

(IG.Π².2499, сткк. 37-39). Интересно отметить, что данные надписей свидетельствуют, что этот вид налога уплачивали не только частные лица, но и общественные организации, отдельные коллективы граждан, среди которых были демы, фратрии, а также оргеоны¹⁰. Так, в договоре о сдаче в аренду теменоса оргеонов Эгрета говорится, что эйсфору должны вносить оргеоны Эгрета (IG. Π². 2499, сткк.27-29). Арендодатель указывается в качестве основного плательщика чрезвычайного налога в договоре о сдаче в аренду земельного участка пирейцами (Agoga. XV, P.226, сткк.6-9). Кроме того, само по себе участие оргеонов во внесении чрезвычайного налога, по-видимому, может свидетельствовать о важных явлениях в жизни греческого полиса. Во-первых, поскольку налог был делом государственной важности, то значит оргеоны являли собой пример патриотов, преданных делу служения полису, неукоснительно выплачивающих эйсфору. Во-вторых, поскольку среди оргеонов были иностранные граждане, то их участие в уплате эйсфоры подтверждает появившуюся в науке, но ещё не совсем обоснованную точку зрения о том, что к её выплате были причастны иностранцы [11]. Судя по данным договора о сдаче в аренду теменоса оргеонов Эгрета, можно предположить, что за уплатой эйсфоры следила администрация оргеонов, которая была заинтересована в уплате этого вида налога (IG.Π².2499, сткк. 39-40). Выплата эйсфоры являлась делом государственной важности и потому за ней наблюдали должностные лица¹¹. Можно предположить, что с начала сумма налога поступала в местную казну, а затем, по-видимому, вместе с другими средствами отправлялась в казну полиса.

Кроме участия в процессе сдачи земли в аренду, оргеоны занимались также сделками по продаже общественных земельных участков. К середине IV в. до н. э. относится надпись о продаже оргеонами имущества, возможно, земельного участка (IG.Π².1599). К сожалению, текст надписи сохранился весьма фрагментарно, что не позволяет полностью раскрыть его содержание, но сохранившаяся часть договора может быть переведена следующим образом: «Общая сумма...От имени оргеонов...Эпимелеты...В Керамике. Однопроцентный налог: 10 драхм... Продав...Покупатель: Харий, сын Хар. Однопроцентный налог...Алкимах...Харелид». По-видимому, оргеоны наряду с другими ассоциациями Аттики участвовали в сделках по продаже¹². При этом сложно точно установить мотивы их участия в сделке. Вероятно, один из мотивов заключался в желании организаций избавиться от некачественного имущества, в том числе и земли, которое было в их распоряжении. Данные эпиграфики свидетельствуют, что часто в распоряжении ассоциаций находились окраинные земельные участки, горные массивы, рвы и холмы, а также нуждающиеся в ремонте помещения (IG.Π².1593,1594,1601), уход за которыми требовал немало усилий и средств, не имеющих в распоряжении коллективов граждан. В некоторых случаях организации, наоборот, старались выгодно реализовать объект продажи, чтобы получить достойную прибыль. Так, П. Гиро сообщает, что в ряде случаев даже на заброшенных участках была вода (водоёмы или колодцы), что позволяло продавцам получить немалый доход [12].

Таким образом, можно сделать вывод, что в IV в. до н. э. оргеоны принимали участие в экономической жизни полиса, являясь, как и другие ассоциации (демь, филы, родовые организации) деловыми участниками в социально-экономической сфере.

¹⁰ При аренде земельного участка пирейцев предписывается уплата эйсфоры пирейцами в соответствии с оценкой стоимости имущества (Agoga.XV, сткк.6-9). В надписи об аренде тейтрасийцев содержится подобное предписание, в котором говорится, что уплата эйсфоры возлагается на дем (Pleket. № 41, сткк.36-37).

¹¹ В арендном договоре дема тейтрасийцев сообщается, что арендная плата должна быть передана прежде всего демарху (Pleket. № 41, сткк.39-40). Таким образом, можно предположить, что за сбором эйсфоры следила местная администрация полиса. Единого государственного бюджета в Афинах не существовало. В классическую эпоху в полисе было несколько денежных касс, каждая из которых имела свои источники пополнения и свою структуру расходов. См: Меланченко И. В. Афинская демократия. М., 2007. С.58-59. В некоторых документах говорится о порядке выплаты эйсфоры. Так, в декрете из Милета о выплате эйсфоры жителями греческой колонии сказано, что милегяне сами должны произвести оценку стоимости имущества, а сведения обязаны представить вышестоящей инстанции (сткк. 55-61).

¹² Демь, фратрии, родовые организации участвовали в сделках по продаже земли и другого вида имущества, начиная с IV в. до н. э. (IG.Π².1593-1601).

В заключении сделаем некоторые выводы. Документы об аренде и продаже общественной земли в Аттике расширяют наши представления о религиозной организации оргеонов в IV в. до н. э. Оргеоны являлись религиозной ассоциацией, имеющей свою систему управления, статус, традиции и активно участвующей в экономической жизни афинского полиса. В их распоряжении находилось храмовое имущество, представленное прежде всего земельными участками, садами и хозяйственными постройками, которое передавалось в аренду. При этом, как показывают данные договоров об аренде, оргеоны предписывали арендаторам тщательно следить за этим имуществом, проявляя заботу о храмовой собственности и верность патриархальным традициям полиса. Оргеоны также демонстрировали неукоснительное соблюдение аттических законов, будучи исправными налогоплательщиками. Со временем, как показывает эпиграфический материал, участие оргеонов в экономических мероприятиях становится всё менее заметным, что, по-видимому, можно объяснить как общими изменениями в жизни афинского полиса (последствия македонского вторжения, упадок аттической экономики), так и постепенным сокращением роли оргеонов в полисной жизни.

Библиографический список

1. Андреев, В. Н. Аттическое общественное землевладение II [Текст] // Вестник древней истории. – 1972. – № 4. – С. 12.
2. Меланченко, И. В. Афинская демократия [Текст]. – М., 2007. – С. 133.
3. Устинова, Ю. Б. Частные культовые сообщества у греков (Аттика VI-IV вв. до н.э. [Текст] // Быт и история в античности. – М., 1988. – С. 198.
4. Фролов, Э. Д., Никитюк, Е. В. Альтернативные социальные сообщества в античном мире [Текст]. – СПб., 2002. – С. 212.
5. Jones, N. F. The associations of classical Athens [Текст]. – Oxford, 1999. – P. 260-261.
6. Булычева, Е. В. Правовые аспекты аренды общественной земли в Аттике в IV в. до н. э. [Текст] // Кентавр. – 2008. – № 4. – С. 34.
7. Фролов, Э. Д. Указ. соч. – С. 211.
8. Устинова, Ю. Б. Указ. соч. – С. 198.
9. Фролов, Э. Д. Указ. соч. – С. 212.
10. Андреев, В. Н. Аттическое общественное землевладение V-III вв. до н.э. // Вестник древней истории. – 1967. – № 2. – С. 58.
11. Jones, A. Athenian democracy [Текст]. – Oxford, 1964. – P. 57.
12. Guiraud, P. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine [Текст]. – Paris, 1893. – P. 416.

Статья поступила в редакцию 22.04.2011.

БУЛЫЧЕВА Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета.

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

УДК 821.161.1

О. Н. Кондратьева, К. В. Пуерова

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ (на материале произведений русских сентименталистов)

Настоящая статья посвящена особенностям метафорической репрезентации концепта «любовь» в литературе русского сентиментализма, в частности, объектом исследования становится биоморфная метафора, являющаяся одним из основных способов концептуализации данной эмоции.

Ключевые слова: концепт; когнитивная теория метафоры; метафорическая концептуализация; эмоции; любовь

Эмоциональная сфера имеет особую значимость для русской культуры. Практически в любой работе, посвященной описанию специфики русского национального характера, отмечается особая эмоциональность русского человека, импульсивность, склонность к открытому проявлению своих чувств. В целом же в выражении эмоций присутствуют универсальные (общечеловеческие) и национально-культурные компоненты. Эмоции, которые испытывает русский человек, как правило, отличаются высокой степенью интенсивности, «слабых эмоций (если исключить несколько разрозненных и явно периферийных лексем), антонимически противопоставленных сильным, в русской языковой картине нет» [Апресян, 1995: 54].

Одной из основных эмоций в русской культуре является любовь. С. Г. Воркачев относит данный эмоциональный концепт к классу телеономных концептов, т.е. высших духовных ценностей, образующих и воплощающих для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни [Воркачев, 2007: 37].

Любовь постоянно становилась объектом рефлексии, и ее образ видоизменялся в разные эпохи и в разных концепциях. Особенности языкового воплощения данного концепта в разных лингвокультурах посвящено значительное количество работ, однако материал произведений русских писателей-сентименталистов не привлекался для изучения, хотя именно в рамках данного литературного направления произошел переход от христианского понимания любви как одного из проявлений Бога (ср. Бог есть любовь: Ин. 3, 16; 1Ин. 4, 8) к пониманию любви как личностного чувства.

Интерес к отдельной личности, к ее душевному миру, ее чувствам – это было крупным открытием символизма. Воспевая красоту природы, восторженную дружбу и чистую любовь сентименталисты возвеличивали это благородное чувство как источник и критерий ценности человеческой личности. Следовательно, изучение концепта «любовь» в литературе русского сентиментализма позволит реконструировать его изначальные особенности и обогатить наши представления о данном концепте в русской культуре.

Концепт «любовь» обладает достаточно объемным метафорическим полем. По образному высказыванию С. Г. Воркачёва, понятийное ядро абстрактных концептов «как ядро кометы, окружено газовым облаком различных образных ассоциаций forсement коннотативных и метафорических». Эмоции и чувства представляют собой объекты ненаблюдаемого мира, и потому метафора – «это единственный способ воплотить в чувственном образе бестелесную и труднодостижимую абстракцию» [Воркачев, 2003: 57].

В концептуализации эмоций, в том числе и любви, первостепенное значение имеет биоморфная метафорическая система. Биоморфная система «способна характеризовать различные стороны непредметного мира и общие представления о бытии, развитии, причинно-следственные отношения через ассоциации с жизнедеятельностью биологического организма (человека, животного, растения)» [Балашова, 1998: 24]. В настоящей статье описаны основные биоморфные метафоры, характеризующие любовь в произведениях русских писателей-сентименталистов.

1. Метафора «Любовь – это человек». Самыми частотными в осмыслении любви являются метафоры живого существа, а именно антропоморфные метафоры. Любовь в произведениях русских писателей-сентименталистов предельно персонифицирована. Она предстает как существо, обладающее определенными физиологическими свойствами, а также как человек, играющий определенные социальные роли.

Уподобление любви живому существу происходило посредством физиологических метафор. Так, любовь, как и любой живой организм, обладает способностью дышать: *Глухая полночь, осенняя непогода, волнующаяся река должны быть свидетелями последних клятв, последнего вздоха любви!* (И. Лажечников «Спасская лужайка»); *Делить вместе и горе и наслаждение или принять на устах друга последний вздох любви и испустить на них же последний вздох жизни...* (И. Лажечников «Спасская лужайка»); *Многие барды, тоны унизив,/ Сельскую радость поют –/ Нравы невинных, кротких пастушек,/ Вздоху, утеху любви* (Н. М. Карамзин «К Д<митриеву>»).

Любовь обладает особым зрением: *Любовь имеет взор орлиный:/ Глаза чувствительной Алины/ Могли ль премены не видать?* (Н. М. Карамзин «Алина»), а также способна к лобзаниям и объятиям, выступающим как внешнее проявление сильного чувства: *Любовь твои стопы лобзает/ И нежной Матерью зовет; Любовь тебя на трон венчает/ И скиптр в десницу подает* (Н. М. Карамзин «К милости»); *Почто я жизни не лишилась/ В объятиях твоей любви?/ Не зрела б я твоей измены,/ И счастлив был бы мой конец* (Н. М. Карамзин «Раиса»).

К числу физиологических метафор, характеризующих изучаемый концепт, относятся «слезы любви», также являющиеся неким знаком особого эмоционального состояния: *Слезы, проливаемые не лицемерием, но истинным и сердечным чувствованием, нельзя почитать всегдашним знаком слабости: сама любовь небесная прослезилась при печальном зрелище двух сестер, плачущих о брате своем Лазаре* (М. Невзоров «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году»).

Любовь имеет собственный язык, понятный только тем, кто испытал на себе ее действие: *Марья вздохнула, как невинный ребенок, задумалась, для которого язык любви был еще нов, непонятен, и на той же коре робкою рукою написала несколько слов в ответ* (Н. Брусиллов «История бедной Марьи»). Мы можем слышать голос любви: *Напрасно взоры ее, полные огня и нежности, звали отовсюду милого друга сердца – сей милый друг не откликнулся на голос любви, не видал взора чувствительности, не являлся к объятиям ангельской невинности* (В. Измайлов «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьихих гор»).

Обратимся к гендерным метафорам: в данном случае любви присущи качества матери. Прежде всего, это способность давать жизнь, и любви в произведениях писателей-сентименталистов регулярно приписывается данная способность: *Едва был создан мир огромный, велелепный,/ Явился человек, прекраснейшая тварь,/ Предмет любви творца, любовью рожденный* (Н. М. Карамзин «Поэзия»); *Что любовь любовь рождает, –/ Сердце нравится любя:/ Может быть, она пленяет/ Жаром чувств своих тебя...* (Н. М. Карамзин «Странность любви, или бессоница»); *В сей день тебя любовь на свет произвела,/ Красною света быть, владеть людей сердцами; Осыпала тебя приятностей цветами; Сказала: будь мила! «Будь счастлива!» сказать богиня не могла* (Н. М. Карамзин «Любезной в день ее рождения»).

Любовь может характеризоваться чертами характера, присущими человеку, например, такими, как *красноречие* и *тщеславие*: *Любовь моя была красноречива: я успокоил милую, и все облака исчезли в ангельских очах ее* (Н. М. Карамзин «Сиерра – Морена»); *Он наслаждается вздохами, не понимая их, и счастье себе от самого скрывает. Любви свойственно, однако же, и тщеславие* (А. Клушин «Несчастный М-в»).

Иногда антропоморфная метафора может быть выражена через принадлежность к профессии: *Любовь – анатомист: где сердце у тебя, / Узнаешь, полюбя* (Н. М. Карамзин «Надписи на статуе Купидона (на сердце)). Любовь может выступать как некий наставник, учитель: *Прощая слабости другим, / Ты будешь слабым любим, / Любовь же есть святой учитель. И кто не падал никогда? / Мудрец, народов просветитель, / Бывал ли мудр и тверд всегда?* (Н. М. Карамзин «Соломонова мудрость, или мысли, выбранные из экклезиаста»).

Также любовь может выступать как властелин, царь, правитель и т.д. Главными лексемами будут являться глаголы «править», «царствовать»: *Вы одушевляли труды свои искусством, моим живописцем правит сердце – сама любовь* (А. Клушин «Несчастный М-в»); *Ты должен, молодой человек, – сказал он, – ты должен известить меня о происшествиях света, мною оставленного, но еще не совсем забытого. Давно живу я в уединении, давно не слышу ничего о судьбе людей. Скажи мне, царствует ли любовь на земном шаре?...* (Н. М. Карамзин «Остров Борнгольм»).

Любовь может обладать властью над человеком, т.е. может быть описана с помощью метафор царствующего субъекта, например: *Любить взаимно, страстно, / В слиянии сердец... Ах! счастье всечасно – / Такой любви венец* (П. Шаликов «Письма из Малороссии»); *Власть любви я ощутила / С первым взором на тебя; / И тогда ж тебе вручила / Тайно жребий мой – себя* (П. Шаликов «Письма из Малороссии»).

В отрицательном аспекте любовь выступает как злая сила, приносящая страдания герою: *Сии невинные забавы, сии игры мне уже начали тогда скучать; дыхание в груди моей спиралось, и я принуждена была, оставивши пляску и песни, сесть под березками и, нимало не уставши, – отдыхать – от любви, мучить уже меня начавшей* («Несчастливая Маргарита»); *Итак, любовь моя вселяет страх, а не жалость... Вот наказание порочной страсти!* (В. Измайлов «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор»).

Любовь выступает как субъект, способный омрачить жизнь человека, и даже причинить ему физический вред: *Не знал, – и ослепленный / Любовию своей, / Желал я, дерзновенный, / И сам любви твоей!* (Н. М. Карамзин «Прости»). В данном отрывке любовь выступает как субъект, способный ослепить человека, лишив его зрения и, тем самым, лишит способности здраво мыслить.

Любовь может отнять и человеческую жизнь, погубить, поэтому человеку необходимо контролировать свою страсть: *И они должны из нее извлечь для себя замечание быть господами над страстями своими и от пагубы любви остерегать сердце свое* («Несчастливая Маргарита»).

Из всего вышеописанного мы можем сделать вывод о том, антропоморфные метафоры являются одним из основных средств репрезентации любви. Это объясняется тем, что именно антропоморфный код культуры самый обширный и разнообразный. По мнению С.А. Кошарной, «антропоморфизм – свойство архаичных культур вообще, вне зависимости от национальной специфики» [Кошарная, 2002: 94].

2. Метафора «Любовь – это Бог». Особую роль в осмыслении концепта «любовь» имеют теоморфные метафоры. Как отметила М. В. Пименова, признаки божества (теоморфные признаки) часто переносятся в системы иных кодов культуры [Пименова, Кондратьева, 2006: 110].

Любовь в произведениях сентименталистов предстает как чувство священное, святое: *Скромность – подруга любви священной* (А. Клушин «Несчастный М-в»); *Ах! любовь и страсть такая / Есть небесная, святая! Ум блестящий, красота / Пред нею суета* (Н. М. Карамзин «Странность любви, или бессонница»), а также характеризуется как божественная: *То есть любви чистой, божественной, словом, при рассмотрении на нее все мое существо наполнено было чувством, мною доселе не ощущаемым...* («Несчастливая Маргарита»). Здесь мы можем говорить о том, что любовь трактуется как нечто священное, величественное и возвышенное.

Весьма показателен для демонстрации теморфной сущности любви следующий контекст: *Любовь! везде твоя держава; Везде твоя сияет слава; Земля есть твой огромный храм* (Н. М. Карамзин «Весеннее чувство»). Любовь представлена здесь не только просто как правитель («везде твоя держава»), но как правитель верховный, обладающий божественной властью, вся Земля становится «огромным храмом» для этого нового Бога сентименталистов – Любви. Световая метафора в данном контексте («сияет слава») особо подчеркивает мощь и силу любви, свет, который она дарит миру, а это также один из атрибутов Бога.

Помимо христианских образов в осмыслении любви сентименталистами присутствуют и языческие образы. Так любовь уподобляется не только Богу, но и идолу. Идол (от греч. *éidolon*, образ, подобие) – это материальный предмет, изображение Божества или духа, служащее объектом религиозного поклонения: *Любовь, бог ты или идол, правящий нами? Стрелы твои ужасны, раны неисцелимы* (А. Клушин «Несчастный М-в»). Кроме того, языческое происхождение имеют и представления о существовании бога/богини любви: *Почто, о бог любви коварный, / ты грудь мою стрелой пронзил? Почто Фаон неблагодарный / Меня красой своей пленил?* (Н. М. Карамзин «Песнь Сафина»); *Вообразите богиню любви, когда она вышла из океана...* (П. Макаров «Письма из Лондона»).

Посредством теоморфных метафор создается образ любви как некоего божества, обладающего безграничной властью над человеком, наполняющего его жизнь особым смыслом, способного дарить жизнь и отнимать ее, так как, согласно эстетике сентиментализма, любовь – это главная ценность, жизнь без нее невозможна и бессмысленна.

3. Метафора «Любовь – это растение». Сфера «мир растений» также активно используется при концептуализации различных эмоций и чувств. В изученном материале было отмечено прямое сравнение любви с растениями, например: *Он находил и другие случаи торжествовать над своим противником. Давно уже сравнивают любовь с розойю, которая пленяет обоняние и глаза, но колет руку: к несчастью, терние долговечнее цвета!*... (Н. М. Карамзин «Чувствительный и холодный»). В данном случае мы видим подтверждение того, что при всей своей красоте и величии (сравнение с розой как символом красоты, благоухания и нежности), любовь причиняет боль, наносит раны...И эта боль долговечнее неги...

Поскольку «вегетативный код предоставляет богатую систему эталонов, связывающих прототипические признаки растительного мира с ментальными и эмоциональными состояниями и характеристиками человека» [Пименова, Кондратьева, 2006: 100], то выделяется несколько способов и групп описания растений, которые обрисовывают мир и его фрагменты.

Одна из этих групп образована признаками видов растений, в состав которых входят цветы, злаки, плоды, деревья, трава. Для представления любви в текстах русских сентименталистов пользуются преимущественно метафоры, уподобляющие ее цветам: *И самым счастьем! – Так Милон, / Осыпанный любви цветами, / Ее нежнейшими дарами, / Вдруг стал задумчив* (Н. М. Карамзин «Алина»); *Представь мечту, углубленную в мыслях, готовую обнаружить сокровенные сети подозрения и усмотреть, где печаль исторгает цвет любви или как гордое величие устремляется в обиталище суеты* (А. Кропотков «Ландшафт моих воображений»). Подобные примеры свидетельствуют о «расцвете» любви, о ее прогрессирующей силе и мощи, Здесь любовь выступает как проявление щедрости и открытости, она показана как «дар». Усиливает ощущение того, что любовь – это нечто изящное, прилагательное «нежнейшие».

Сравнение любви с деревьями и кустарниками присутствует в следующем контексте: *Уже давно оплакал он мать ее, которая заснула вечным сном в его объятиях, но кипарисы супружеской любви покрылись цветами любви родительской – в юной Наталье он увидел новый образ умершей, и, вместо горьких слез печали, воссияли в глазах его сладкие слезы нежности* (Н. М. Карамзин «Наталья, боярская дочь»). Образ кипариса восходит к романской дохристианской традиции. По одной из версий кипарис символизирует надежду и память, в данном случае цветы символизируют вечность.

Фитоморфные метафоры, используемые для характеристики концепта «любовь», актуализируют естественный природный характер данной эмоции, ее динамичность, красоту и изящество. Кроме того, сентименталисты апеллируют к уже сложившемуся «языку

цветов», используя символическое значение отдельных цветов и деревьев, что позволяет акцентировать внимание на отдельных свойствах данной эмоции.

Таким образом, источниками метафорической концептуализации при осмыслении любви в границах биоморфной системы в произведениях сентиментализма могли быть три области: сфера существования человека, божественная сфера и сфера жизнедеятельности растений. Показательно, что сентименталисты совершенно не используют для изображения любви в своих произведениях зооморфные метафоры. Это объяснимо особым восприятием любви в эстетике сентиментализма. Биоморфная группа метафор актуализирует природный естественный характер данной эмоции, ее неподконтрольность человеку и ее особую сакральную сущность.

Библиографический список

1. *Апресян, Ю. Д.* Образ человека по данным языка: Попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С.37–67.
2. *Балашова, Л. В.* Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.) [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук / Л. В. Балашова. – Саратов, 1998. – 42 с.
3. *Воркачев, С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт: монография [Текст] / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
4. *Воркачев, С. Г.* Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.
5. *Кошарная, С. А.* Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира [Текст] / С. А. Кошарная. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та. 2002. – 288 с.
6. *Пименова, М. В., Кондратьева, О. Н.* Введение в концептуальные исследования [Текст] / М. В. Пименова. О. Н. Кондратьева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 178 с.

Статья поступила в редакцию 28.04.2011.

КОНДРАТЬЕВА Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

ПУЕРОВА Ксения Викторовна – студентка V курса факультета филологии и журналистики КемГУ.

УДК 808.51

Н. Н. Кошкарлова

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

Статья посвящена анализу грамматических особенностей Послания Президента Федеральному Собранию РФ. Послание Президента рассматривается как разновидность диалогического жанра. В работе выделены такие характеристики данного типа текста, которые позволяют изучать политическую коммуникацию через призму языковых данных.

Ключевые слова: Послание Президента, информационный диалог, тревога, адресат, целевая аудитория

Не вызывает сомнения тот факт, что усиление роли Президента Российской Федерации находит свое отражение в новых формах общения главы государства с народом, в формировании политики активного лидерства, в модернизации форм взаимодействия первого лица страны с обществом и прессой. Подобные изменения в общественно-политической жизни страны отражаются на языковом и речевом уровнях, когда тексты современных средств массовой информации (призванные сообщать о событиях в стране и мире) характеризуются высокой степенью разнообразия жанров. Текст, представленный на страницах того или иного печатного издания, сам по себе является жанром, так как вся человеческая коммуникация осуществляется в рамках соответствующих речевых жанров. В современной публичной коммуникации отмечается тенденция к преобладанию диалогических жанров над монологическими. Одним из самых продуктивных диалогических жанров в настоящее время является журналистское интервью, так как именно в этом жанре через непосредственное общение интервьюера и его собеседника со всей степенью полноты и доступности реализуется интерес к человеку и потребность в открытом общении. Воплощением специфики диалогических отношений власти с народом [1] является ежегодное Послание Президента России Федеральному Собранию РФ.

Не следует отрицать тот факт, что Послание Президента РФ не является информационным диалогом в прямом смысле этого слова, так как в данном случае мы не наблюдаем обмена репликами между коммуникантами, однако, данный вид текста преследует вполне конкретную и реализуемую с разной степени успешности цель – трансформация информационного и эмоционального состояния адресата. Приведем список свойств диалога, выделенных Т. Н. Колокольцевой [2]:

1. Антропоцентричность.
2. Демократизм.
3. Коммуникативный эффект.
4. Прагматический потенциал.
5. Экспрессивный потенциал.
6. Неожиданность, непредсказуемость.

Все эти черты присущи Посланию Президента как особому типу информационного диалога, специфичность которому добавляют:

- вариативность языкового наполнения текста Послания и возникновение новых смыслов, вбирающих в себя значение, индивидуальность автора и дух времени [1];
- сужение диапазона стилевых регистров, примитивизация понятий, превращение массово-информационного дискурса в форум для всего населения [3].

Рассматривая Послание Президента как разновидность диалогического жанра, мы считаем возможным выделить в нем некоторые структурно-композиционные и языковые

особенности. Целью настоящего исследования не является представление расширенной характеристики всех специфических черт Послания Президента как особого типа текста, мы сконцентрируемся лишь на его грамматических особенностях.

Говоря о грамматических характеристиках Посланий Президента Д. А. Медведева 2008, 2009, 2010 гг., следует обратить внимание на тот факт, что в Послании 2008 г. редко используется глагольные конструкции со значением «будущности», так как целью данного текста выступления была констатация фактов и описание положения дел в стране. При этом общую тональность всех трех Посланий Д. А. Медведева можно охарактеризовать в парадигме «тревога, тревожность». М. В. Гаврилова [1], анализируя Послания Президента В. В. Путина, говорит о нейтрализации напряженного эмоционального фона. Однако, уже при новом президенте В. И. Карасик [3] обращает внимание на то, что риторика Д. А. Медведева ориентирована на сигналы тревоги. Находим этому подтверждение и в последнем Послании. Президент назвал демографическую проблему «серьезной угрозой», «вызовом для всей нашей нации». Можно предположить, что с целью снятия стилистики напряженности своих выступлений и желая стабилизировать общую ситуацию в стране в 2009 г. Д. А. Медведев давал конкретные обещания народу по изменению положения дел с использованием глагольной лексики «будет, будут»: *Я надеюсь /, что благополучие России в относительно недалёком будущем **будет** напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей /, изобретений /, открытий /, от способности государства и общества находить и поощрять талантливых и критически мыслящих людей /, воспитывать молодёжь в духе интеллектуальной свободы / и гражданской активности //.* *На нашей территории **будут** проложены современные высокоскоростные оптические магистрали /, установлено оборудование повышенной производительности / и в полной мере задействован потенциал уже построенных линий /, их же тоже немало //.* *Кроме того /, в следующем году государственные услуги **будут** доступны и через электронные каналы связи //.* ***Будет** сформирована комфортная среда для осуществления в России исследований и разработок мирового уровня //.* *Уже в следующем году **будет** введён новый норматив занятий физкультурой / – не менее трёх часов в неделю / и обязательно с учётом индивидуальных особенностей детей //.* ***Будут** внедрены обязательные курсы переподготовки и повышения квалификации на базе лучших российских вузов и школ //.* *Что здесь **будет** сделано //? Во-первых /, **будет** введён институт социально ориентированных некоммерческих организаций //.* ***Не будут** также облагаться налогом на прибыль гранты на поддержку программ охраны здоровья, развития физкультуры и массового спорта //.* По нашему мнению, Послание 2010 г. отличается от предыдущих двух в плане грамматических особенностей в силу сохранения стилистики и риторики напряженности. Антиномия подобного рода объясняется сохраняющейся социальной напряженностью в стране: с целью предотвращения конфликтов различного рода Д.А. Медведев усиливает свою роль как руководителя государства и необходимость исполнения подчиненными его поручений за счет использования конструкции «модальный глагол + инфинитив»: **Необходимо** *провести технологическую модернизацию детских поликлиник и больниц, повысить квалификацию их сотрудников //.* *Для семей с тремя и более несовершеннолетними детьми **надо** ввести дополнительные налоговые преференции //,* *в частности увеличить размер налогового вычета до 3 тысяч рублей в месяц на каждого ребёнка начиная с третьего //.* *Свою решающую //, принципиальную роль в охране окружающей среды **должно** сыграть наше гражданское общество //.*

Трансформация эмоционального состояния адресата может происходить через вовлечение целевой аудитории в круг обсуждаемых проблем, создания чувства приобщенности, единения и значимости всех и каждого как гражданина страны. С этой целью в Послании Президента часто используются личные местоимения в парадигме «мы-инклюзивное»: **Нам** *нужно организовать масштабный и системный поиск талантов и в России, и за рубежом //.* *Обращаю внимание, что вопросами здравоохранения **мы** занимаемся не ради самой отрасли /, а для того /, чтобы выросла продолжительность жизни и увеличилась рождаемость //.* *Разумеется /, **мы** не должны забывать и о нашем старшем поколении //.* *И /, наконец /, **мы** начинаем реализацию утверждённой программы софинансирования государством добровольных пенсионных накоплений граждан //.* (Послание 2008 г.) *Престиж Отечества и национальное благосостояние не могут до бесконечности определяться достижениями прошлого /, ведь производственные ком-*

плексы по добыче нефти и газа /, обеспечивающие львиную долю бюджетных поступлений /, ядерное оружие /, гарантирующее нашу безопасность /, промышленная и коммунальная инфраструктура / – всё это создано большей частью ещё советскими специалистами /, иными словами /, это создано не **нами** // Настало время **нам** /, то есть сегодняшним поколениям российского народа /, сказать своё слово /, поднять Россию на новую /, более высокую ступень развития цивилизации // **Нас** объединяет одно /, как минимум одно / – понимание того /, что перемены необходимы и что только от нас самих зависит /, какой будет Россия для наших детей и внуков /, какое место займёт в будущем мире // **Надо** признаться /, что в предыдущие годы **мы** сами недостаточно сделали для решения унаследованных от прошлого проблем // **Мы** так и не избавились от примитивной структуры экономики /, от униженной сырьевой зависимости /, не переориентировали производство на реальные потребности людей // **Нашим** приоритетом была и останется поддержка людей /, оказавшихся в трудной ситуации // **В-третьих** /, в следующем году **мы** приступим к реализации проектов повышения энергоэффективности во многих городских кварталах // **Мы** будем активно участвовать и в международном проекте использования термоядерного синтеза // **А с теми** /, кто будет мешать **нам** /, разберёмся // **Мы** преодолеем отсталость и коррупцию /, потому что мы сильный и свободный народ /, достойный нормальной жизни в современном /, процветающем /, демократическом обществе // (Послание 2009 г.) Эти процессы /, модернизация в нашей стране начались в непростое для всего мира время / – время глобального кризиса /, а минувшим летом **мы** столкнулись с аномальной жарой и пожарами // **Мы** смогли стабилизировать экономику после значительного спада /, и в этом году экономический рост составит около 4 процентов // **Чтобы** поднять пенсии и провести модернизацию здравоохранения /, **мы** пошли на целый ряд непростых решений /, включая увеличение обязательных страховых взносов // (Послание 2010 г.)

Таким образом, Послание Президента Д. А. Медведева является ярким отражением в языке процессов, происходящих в обществе. По нашему мнению, оно представляет собой эффективный механизм речевого воздействия на массовое сознание. Грамматические характеристики текстов Послания дают благодатную почву для изучения политической коммуникации через призму языковых данных, которые, в свою очередь, отражают личность Президента и положение дел в стране (мире).

Библиографический список

1. Гаврилова, М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Гаврилова Марина Владимировна. – СПб., 2005. – 468 с.
2. Колокольцева, Т. Н. Роль диалога и диалогичности в современном коммуникативном пространстве (на материале средств массовой информации) [Текст] / Т. Н. Колокольцева // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. – С. 50-56.
3. Карасик, В. И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы [Текст] / В. И. Карасик // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография. – Нижний Тагил, НТГСПА, 2010. – С. 164-183.

Статья поступила в редакцию 28.04.2011.

КОШКАРОВА Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

УДК 651.926

И. С. Рогова

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье приводится анализ английской нефтегазовой терминологии в отношении её наиболее важных экстралингвистических характеристик. Рассматриваются время и место появления первых терминов, причины возникновения терминосистемы, распространённость терминологии и перспективы её развития.

Ключевые слова: терминология, экстралингвистические характеристики, паспортизация терминосистем, эволюция терминологии.

Общие представления о любой отрасли знания можно получить, имея определённый набор критериев для выявления наиболее значимых особенностей данной совокупности терминов.

Впервые такие критерии были предложены С. В. Гринёвым в 1993 году [1]. Всего автор рассматривает четыре группы критериев: исторические, «формальные» (размер терминосистемы, структурный состав терминов, средняя длина терминов, мотивированность и систематизированность), семантические и функциональные (нормированность, общепринятость и употребительность терминологии). Эта первая попытка всесторонней характеристики терминосистем представляет существенный интерес не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку может рассматриваться как весьма перспективный способ паспортизации терминосистем [2].

Вслед за С. В. Гринёвым проблемой оценки терминосистем заинтересовалась С. Г. Казарина, которая в 1998 году на основе сравнительного рассмотрения терминосистем медицинских специальностей разработала дополнительные и важные в практическом отношении критерии целостности и модели образования [3].

Несколько модифицированная схема всесторонней характеристики терминологии была предложена в 2003 году Л. В. Ивиной [4]. Анализируя терминосистему венчурного финансирования, автор включила ряд новых характеристик, дающих возможность более полно представить изучаемую систему терминов. С точки зрения автора, более обоснованным и в методологическом отношении более целесообразным представлялось разделение всех характеристик на две большие группы: экстралингвистические и лингвистические с выделением в рамках каждой из них более конкретных характеристик. Итоговая схема рассмотрения экстралингвистических характеристик выглядит следующим образом: время и место появления первых терминов, причины (мотивы) возникновения терминосистемы, распространённость терминологии.

Однако, отражая прошлое и настоящее терминологии, данная схема не сообщает о перспективах дальнейшего развития терминов той или иной области. На важность «прогностического» аспекта анализа указывает З. Р. Палютина, которая вслед за М. С. Каганом считает его необходимой составляющей исследования терминосистемы [5].

С учётом последнего, рассмотрим экстралингвистические характеристики английской нефтегазовой терминологии.

ВРЕМЯ И МЕСТО ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ТЕРМИНОВ

Каждая из научных дисциплин имеет свой исходный момент, с которого ведёт свою историю её язык. Для нефтяной промышленности это 1859 год, когда Эдвин Дрейк в штате Пенсильвания получил первую американскую нефть. По выражению Роберта Лангенкампа, составителя одного из словарей по нефти и газу, нефтяная промышленность «родилась на поросших лесом холмах западной Пенсильвании и росла в засаленной одежде и табаком во рту» [6]. Не секрет, что в погоню за нефтью, сулившей баснословные деньги, бросились бывшие горняки, моряки, фермеры, погонщики мулов, лесорубы,

кузнецы и простые искатели приключений. Эта довольно пёстрая компания и стала творцом “of a salty and expressive language” (пикантного и выразительного языка).

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

Возникновение той или иной терминологии связано с развитием соответствующей научной отрасли. Далее терминология эволюционирует вместе с данной отраслью, отражая постепенность познания человеком осваиваемых объектов действительности. Начало промышленной добычи нефти и газа ознаменовало переход человечества в новую эпоху, в которой обеспечение адекватной коммуникации напрямую зависело от своевременной номинации новых реалий.

Известно, что, чем больший путь прошла наука в своём развитии, тем большую часть среди её терминов составляют «старые», возникшие в предшествующие современному этапы формирования этой науки. Такие термины имеют устоявшуюся, выработанную в процессе длительного отбора форму.

На заре развития нефтяной промышленности в США использование зарубежного опыта в этой отрасли было крайне незначительным и, следовательно, не могло повлечь за собой многочисленных иноязычных заимствований. Нет здесь и столь характерного для других терминологий широкого использования элементов греческого и латинского языков, что частично объясняется общим культурным уровнем первых нефтяников: основная их масса не знала ни латыни, ни греческого и никакого другого иностранного языка. Однако незнание иностранных языков компенсировалось своего рода языковой изобретательностью первых нефтяников. Общеупотребительные слова родного языка образно переосмысливались для обозначения новых явлений, инструментов и оборудования, выполняемой работы и тех, кто эту работу выполнял.

РАСПРОСТРАНЁННОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ

Многие сходятся во мнении, что мир стал “обществом углеводородов”, а мы, на языке антропологов, “людьми углеводородов”. Процесс глобализации мировой экономики особенно ярко проявляется в нефтегазовой отрасли. Нефтяные и газовые компании занимаются реализацией крупномасштабных проектов в десятках стран мира одновременно. А если взять крупнейшие сделки по слиянию компаний, то и здесь лидером является нефтегазовая промышленность.

Можно констатировать, что сейчас нефть и газ добываются во всех частях света, кроме Антарктиды. Такой же распространённостью и степенью востребованности характеризуется и нефтегазовая терминология, в особенности английская, поскольку именно ею, как наиболее универсальной, приходится пользоваться в условиях постоянных интернациональных контактов.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Данная терминология во многом парадоксальна: бок о бок здесь сосуществуют консерватизм, что выражается в нежелании расставаться со старыми терминами, пережившими и технологии и технику, которые они обозначали, и активное словотворчество. Последнее, очевидно и будет характеризовать дальнейшую эволюцию терминологии, необходимость в использовании которой не только не отпадёт со временем, а, возможно, лишь станет ещё более острой, судя по темпам развития нефтегазовой промышленности и возрастающему спросу в данной сфере.

Библиографический список

1. Гринёв С. В. Введение в терминоведение [Текст]. – М., 1993. – С. 69-78.
2. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) [Текст]. – М., 2003. – С. 69.
3. Казарина С. Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий [Текст]. – Краснодар, 1998. – С. 73.
4. Ивина Л. В. Там же. – С. 71-83.
5. Палютина З. Р. Цивилизационный подход к терминологии [Текст]. – Уфа, 2002. – С.112.
6. Robert Langenkamp. The Illustrated Petroleum Reference Dictionary. – Pennwell, 1994. – P.11.

Статья поступила в редакцию 25.04.2011.

РОГОВА Ирина Сергеевна – старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного горного университета.

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 316.334.3:316.614

Ф. И. Храмцова, Л. К. Пахомова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье представлен обстоятельный теоретический анализ категории «политическая социализация» и ее структуры на основе работ отечественных и зарубежных авторов в русле междисциплинарного подхода. Предложена оригинальная трактовка исследуемого феномена как сложного динамико-синергетического образования.

Ключевые слова: политическая социализация, адаптация, индивидуализация, интеграция, политическое образование, политическое воспитание, политическое развитие, политическое «я» в индивиде, политическая культура, мета-производство и мета-воспроизводство.

Категория политическая социализация относится не только к собственно категориальному аппарату политологической науки. Сущность категории состоит в ее междисциплинарной природе. Поэтому феномен политической социализации выступает объектом исследования различных отраслей современного социогуманитарного знания, предметом которого выступают тенденции, противоречия, закономерности становления политической в индивиде на различных этапах его жизнедеятельности.

Итак, этимологически понятие «политическая социализация» относится к родовому понятию социализация, возникновение которой, как известно, связано с генезисом становления политической экономики. Именно в этой сфере впервые применен термин социализация в значении «обобществление» земли, средств и орудий производства. Как уточняет Л. В. Мардахаев, в гуманитарную отрасль науки данный термин введен в научный оборот американским социологом Ф. Г. Гиддингсом в работе «Теория социализации» (1887) в значении «развитие социальной природы или характера индивида, подготовка человеческого материала к социальной жизни» [3, с.43].

Политологическая интерпретация понятие социализация была предпринята в конце 50-х гг. XX века Д. Истоном и Г. Г. Хайманом. Первые разработки теорий политической социализации связаны с именами западных ученых Э. Фромма (концепция «авторитарной личности»), Г. Маркузе (теория «репрессивной культуры»), М. Хоркхаймера (теория «авторитета семьи»). По мере становления и развития отечественной российской политической науки, с начала 90-х гг., оформилось отдельное направление исследований политической социализации как механизма производства и воспроизводства политической системы общества. Несмотря на разноаспектные исследования предмета, отсутствуют единые подходы, четкие формулировки теоретических основ политической социализации, особенно, в области российской и белорусской политологии. Достаточно размыты принципы, критерии политической дидактики. Фундаментальные политологические приращения состоят, в основном, за счет работ западных политологов, идеи которых требуют нового политического контекста, учета национального и глобального факторов.

Основная методологическая проблема, на наш взгляд, состоит в том, что наблюдается разрыв между политической наукой и психолого-педагогической наукой, ее отдельными отраслями: социальной педагогикой, социальным воспитанием, ювеногогикой, семейной педагогикой, социальной и возрастной психологией. Теоретический опыт выше обозначенных отраслей знания требует активной политологической интерпретации. Недостаточно, по-нашему мнению, современными теориями политической социализации интегрируются фундаментальные достижения отечественной и зарубежной философии, права, естествознания. Если мы признаём, что политическая наука – это диалектический синтез всех уровней политического знания, то необходимо расширение методологического спектра политической науки на основе актуальных идей междисциплинарных сфер научного знания. В настоящей работе предпринята попытка увязать в спектре сущности категории политическая социализация широкий парадигмальный диапазон. Это обогатит комплексный подход в изучении политической социализации как целостности социального универсума на макро- и микро-уровнях. Современные исследования политической социализации осуществляются в рамках различных научных школ, здесь нет единой концепции. Придерживаясь интегративно-комплексного подхода, мы выделяем продуктивные теоретические идеи, положенные в разработку категории политическая социализация.

Исходной методологической позицией для нас является понимание индивида как объекта и субъекта политической социализации, разработанное в рамках диалектико-материалистического подхода (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Гегель). В психодинамической теории (З. Фрейд) нами выделена конфликтологическая природа политической социализации и на основе этого актуализирована необходимость снятия противоречий между потребностями и побуждениями личности, ограничениями и целями социума. Здесь социализация – процесс дисциплинирования, в особенности, направления индивида со стороны общества в процессе самоопределения. Дидактическим основанием разработки категории политической социализации для нас являются закономерности формирования внутреннего плана политического сознания как следствия научного мировоззрения, сформулированные в рамках когнитивного подхода или теории интеллектуальных схем (Ж. Пиаже). В рамках бихевиористского подхода (или теории социального научения) для нас значимы выводы о типах, методах моделирования поведенческих проявлений личности, что, по существу, составляет содержание политических технологий социализации (Д. Уотсон). Разработанная категория политической социализации предусматривает включение механизмов адаптации, индивидуализации и интеграции, которые интерпретированы нами на основе теорий социального развития личности в рамках деятельностного подхода (П. Блонский, Л. Выготский, А. Леонтьев). На основе в нашей работе подчеркивается политическая роль процессов расширения круга социальных отношений; общения; мобильности, опыта общественной деятельности и самоуправления в молодежной среде. В традициях гуманистического подхода, разработанного в трудах Э. Фромма, К. Роджерса, А. Маслоу, политологическую ценность представляют идеи личностного роста и самоактуализации, самовоспитания и саморазвития, взаимоуважения и сотрудничества для гражданского становления молодежи.

Роль политического образования как динамического средства трансформации политических систем выявлена в работах Д. Адельсона, Д. Бартелеми, К. Вайсмунда, В. Гагеля, Д. Истона, Б. Клауссена и др. Для нас значим междисциплинарный подход к исследованию политической социализации как непрерывного процесса самоидентификации индивида. Такой тип методологии описан в работах В. Айхлера, Л. Колберга, Л. Фон Мизеса, П. Массинга, Х. Пласса, Д. Уайльке, Г. Хаймана, В. Хиллиген, Р. Энгельгарта.

Проведенная теоретико-методологическая актуализация данной категории показывает, что это одно из самых сложных динамико-синергетических образований, имеющее различные социально-политические аспекты: политико-идеологический, воспитательный, образовательный, развивающий, диагностико-прогностический, социальный. Обосновать сущность, структуру этого феномена следует на основе сопоставления разных точек зрения на предмет исследования. Отправной точкой такого подхода является анализ работы А. И. Щербинина «Политическое образование» (2005), в которой по-новому ставятся проблемы политического образования, рассматриваемого как фундаментального эндогенного фактора, влияющего на «политические процессы и развитие политического ми-

ра», а также как «специфическое средство идентификации личности в меняющемся мире» [6, с.5]. Нам близка позиция А. И. Щербинина в понимании политического образования, гражданского воспитания и практики преподавания как важнейших составляющих политического процесса; как целостной системы воспроизводства политического мира. Вместе с тем, трактовка автором приоритетности политического образования в методологическом соотношении к политической социализации, на наш взгляд, является спорной, научно неубедительной, основанной на политической традиции зарубежной научной школы, которая соотносится с общекультурной западной традицией и требующей учета особенностей этнической культуры и исторических традиций общества. Так, А. И. Щербинин утверждает, что «политическое образование включает в себя целенаправленную политическую социализацию, дополненную осознанной ориентацией и политической позицией, а нередко и деятельностью, нацеленной как на сохранение, так и на изменение окружающего политического мира» [2, с.14].

Точка зрения А. И. Щербинина подкрепляется мнениями западных политологов Н. Вайсберга, Д. Натана и Р. Реми, Д. Патрика, К. Дженикс и Р. Ниemi, Ф. Гринштейна, Р. Сигела. Анализ точек зрения исследователей по данной проблеме позволяет сделать вывод об отсутствии единства в понимании авторами общего и различий понятий «политическое образование» и «политическая социализация». По сути, большинство ученых рассматривают данные понятия в тождественном значении: любой вид политического образования, равно, как и политического обучения, понимается в значении социализации. Понятие «политическая социализация» авторами трактуется как главный аспект политического образования. А. И. Щербинин ссылается на подход Р. Сигела, который приравнивает политическую социализацию к политическому обучению и политическому образованию. А. И. Щербинин приводит мнение Д. Патрика: «... он (Д. Патрик – Храмцова Ф. И.) предлагает попытаться понимать политическую социализацию как главный аспект политического образования, имеющий отношение к научному опыту, нацеленному на формирование человеческих потенциалов с целью поддержки социокультурного порядка» [6, с.15].

В описанных подходах просматривается в определенной степени размытость интерпретаций анализируемых понятий, разрабатываемых вне полипарадигмального контекста, без учета личностного фактора феномена политической социализации, согласно которому индивид не только объект, но и субъект деятельности, общения, познания, это активная саморазвивающаяся личность. Мы полагаем, что проблема методологического соотношения категории «политическая социализация» и категории «политическое образование» имеет принципиальное значение для развития политической науки и должна рассматриваться в русле фундаментальных принципов общей и политической дидактики, а также новейшей философии социального воспитания. Обоснуем нашу позицию. Общеизвестно, что проблема личности в науке понимается как целостное единство сознания, отношений, деятельности, отражающее биопсихосоциальную сущность индивида на уровне природного, культурного и экзистенциального измерения. Такой подход к пониманию проблемы личности как объекта познания представлен в трудах Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, Б. П. Битинаса, А. А. Бодалева, К. К. Леонтьева, Б. Д. Парыгина, А. В. Петровского, С. Л. Рубинштейна и других исследователей. Позиции авторитетных отечественных ученых составляют теоретический фундамент ведущего принципа общей дидактики – триаду обучения, воспитания и развития, которая, как мы полагаем, применима исключительно в образовательной сфере. Аргументируем методологический посыл. В педагогическом энциклопедическом словаре понятие дидактики рассматривается как триединая функция обучения: «... разрабатывая проблемы отбора содержания образования, устанавливая принципы обучения, нормативы применения методов и средств обучения, дидактика выполняет нормативно-прикладную, конструктивно-техническую функцию. В единстве этих функций дидактика – понимание сущности процесса обучения, реализация его образовательной, воспитательной и развивающей функций» [4, с.69].

Такая постановка вопроса потребовала применение положений новейшей философии социального воспитания. В работах ученых Б. П. Битинаса, Н. А. Озмона, Р. Мерельмана, К. Мориса, Д. Миларет подчеркивается, что политическая социализация – это процесс усвоения культурных ценностей, политических ориентаций, форм политического поведения, приемлемых для данного общества. Социализация постулируется как двух-

уровневый процесс интеграции человека в общество и с обществом путем механизма индивидуализации, имеющего решающее значение и трактуемого как процесс обретения индивидом и развития собственного «я», индивидуальных сущностных сил, на основе перевода опыта прошлых поколений в индивидуальный опыт личности. По мнению методолога философии социального воспитания Б. П. Битинаса, «социализация и индивидуализация человека соотносятся как сущность и явление. Индивидуализация зависит от социализации, однако характеризуется огромным числом конкретных признаков, которых лишена социализация» [2, с.19]. Отсюда следует заключить, детерминизм социализации и индивидуализации – это диалектика общего и единичного: специфический социальный опыт поколений существует в индивиде и через индивида. В рамках предмета исследования это положение значимо, ибо индивидуализация предполагает учет гендерного различия индивидов в виде проявления, развития единичного, как части общего. Автором подчеркивается пролонгированный характер политической социализации как процесса становления «политического» в индивиде от этапа раннего детства до этапа завершения жизненного цикла. Исходя из выше отмеченного, сформулируем положения нашей позиции.

Положение первое. Поскольку социализация человека протекает в соответствии с закономерностями онтогенетического развития, то логично выделить её поэтапный, последовательный характер, который выражается как переход от одной фазы жизненного цикла человека к другой. Поэтому, применяя ведущий принцип общей дидактики – триаду воспитания, обучения и развития, подчеркнем, что основой политической социализации являются взаимосвязанные и последовательные процессы политического воспитания, политического обучения, что в совокупности составляет фундамент получаемого в последующем – политического образования человека.

Положение второе. Механизмы политического воспитания и политического обучения, в свою очередь, ведут к качественным политико-ценностным изменениям внутреннего мира личности, которые обозначаются нами категорией «политическое развитие» (становление политического «я» в индивиде).

Положение третье. Закономерным следствием политической социализации как двустороннего процесса интериоризации и экстериоризации политических ценностей общества выступает политическая культура личности, которую мы понимаем как интегративный способ политической деятельности, субъективированную политическую идентичность.

Положение четвертое. Как подчеркивает, Г. Алмонд, важнейшим источником политической социализации является половая принадлежность индивида [1, с.113]. Модернизация общества детерминирует процессы трансформации гендерных ролей, института семьи, гендерного статуса женщины. Активизация женского гендера способна гуманизировать и кардинально изменить жизнь общества. Следовательно, категория политическая социализация нами рассматривается как родовая. В качестве видовых категорий выступают политическое воспитание, политическое обучение, политическое развитие. Таким образом, нами аргументировано: политическая социализация не является частью политического образования, именно политическое образование является компонентом и механизмом политической социализации. Политическая социализация – более широкая и более емкая политологическая категория, имеющая четко выраженные функции мета-производства и мета-воспроизводства политической культуры общества [5, с.119]. Структурными, логико-смысловыми и процессуальными компонентами политической социализации являются политическое воспитание, политическое образование, политическое развитие. Результатом политической социализации следует считать политическую культуру индивида и общества. Следовательно, политическая социализация – это многоаспектная политологическая и педагогическая категория, выступающая как процесс, условие, проявление и результат политического развития личности.

Библиографический список

1. Алмонд, Г., Пауэлл, Дж., Стром, К., Далтон, Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие / Сокр. пер. С англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 112.

-
2. *Битинас, Б. П.* Введение в философию воспитания. – М.: Фонд духовного и нравственного образования. – 1996. – С. 19.
 3. *Мардахаев, Л. В.* Социальная педагогика: Учебник. – М.: Гардарики, 2006. – С. 43.
 4. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад; Редкол.: М.М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 69.
 5. *Храмцова, Ф. И.* Гендерное измерение политической социализации молодежи в Республике Беларусь. [Текст] монография / Ф. И. Храмцова. – Минск: Бестпринт, 2009. – 236 с.
 6. *Щербинин, А. И.* Политическое образование: Учебное пособие / А. И. Щербинин – М.: Весь мир, 2005. – С. 5.

Статья поступила в редакцию 29.04.2011.

ХРАМЦОВА Флюра Ибрагимовна – доктор политических наук, профессор кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии Российского государственного социального университета.

ПАХОМОВА Лола Карловна – аспирант кафедры содержания и методов воспитания Академии последипломного образования, директор общеобразовательной школы № 48 г. Минска.

УДК 172.16

А. А. Ромащенко

ИСТОРИЯ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи процесса генетики идеологических установок современного человека и понимания исторического процесса в контексте постиндустриального капитализма.

Ключевые слова: история, субъективность, мировоззрение, онтология истории, капитализм.

Что такое история и в каком отношении она находится к конкретному человеку, живущему в конкретную эпоху? Эти вопросы можно отнести к вечным вопросам, на которые нет однозначного ответа. Поэтому они в принципе и могут быть включены в пространство философского дискурса. Отсутствие однозначности в ответах на вопросы отнюдь не свидетельствует об их беспочвенности. Все вопросы философии не могут иметь финальной качественной составляющей, поскольку философия не является наукой в строгом смысле этого слова и философ не может точно сказать, что на сегодняшний день проблема, например, совести решена, снята и более не будет подниматься как проблема. Философия – это, скорее, сам путь, нежели то, куда движется мыслитель. Следуя самобытной и в своем роде уникальной мысли М. К. Мамардашвили, можно вспомнить его изречение по поводу механики философского дискурса, противопоставленной проблематике научной рациональности: «Что такое проблема? Это то, что можно разрешить. А тайна? Это нечто, в чем, несомненно, можно участвовать и не знать об этом. Например, совесть. Мы соучаствуем в ней, а не знаем. Вот тут тайна. Это называют тайной бытия. Не в том смысле, что есть тайна бытия, когда что-то якобы вообще ускользает, как тайна в предмете от моего рассуждения и от научного постижения. Не это имеется в виду. Имеется в виду, что нет человека без тайны» [2, с. 62]. Соответственно этому, можно сказать, что философия – это, во-первых, процесс, имеющий *органическое* начало (допустим, 7 в. до н. э.), а так же способный обрести *синтетический* конец (дата, видимо, еще не определена (имеется в виду отечественная философия), но механизм запущен в лозунге и требовании инновационности от науки и образования). Во-вторых, философия не может обойтись без отвлечения от предмета мысли (абстрагирования), с одной стороны, и отказаться от участия в процессе мышления тех структур, которые входят в качестве составных элементов в поле личностных интенций (тайн человеческой судьбы и совести). То есть в последнем случае опыт философии – это опыт самого себя, где вопросы философии коррелируются не с целесообразностью производства, а с вопросами выбора и ответственности, судьбы и ностальгии. Наконец, в-третьих, при всем отвлеченном характере философского процесса путь движения мысли философа, сопоставимый с личностью самого человека, участвующего в этом процессе, оказывается в высшей степени практически применимым, поскольку отвлеченность мысли дает мыслителю возможность (пусть мнимую) взглянуть со стороны на те формы существования, которые претерпевает человек, и, как следствие, шанс и почву для критики. В данном случае, пытаясь ответить на вопрос о существовании истории как формы существования современного человека, можно сказать, что она как таковая предстает именно тем событием (хотя точно неизвестно, событие ли это?), в котором соучаствует человек. Каковы формы подобного соучастия? Событийность истории при этом выступает с различных ракурсов, которые можно структурировать как многоплановые явления.

С одной стороны, история на уровне повседневного опыта человека предстает не как событийность в собственном смысле слова, а как процесс, *дискретно* состоящий из событий, то есть история в такой перспективе обнаруживает свою театральность или образность, где доминантой являются «возмущения» событий, искажения плавности пер-

спективы. Такое понимание истории структурирует ее в качестве системы, существующей и развивающейся в соответствии с целью. Целеполагание исторического процесса является неотъемлемой частью как политики, с одной стороны, так и культуротворческого процесса, – с другой. Обе эти полярности синтезируются в целом, понимаемое как идеология.

С другой стороны, историческая событийность может пониматься как некое осознание человеком своей причастности к происходящим процессам, где первостепенное значение приобретает возможность выбора (участие/неучастие, заинтересованность/безразличие). В последнем случае оппозиции парадоксальным образом безразлично выступает так же как выбор и одновременно участие. Такое понимание истории замыкается на ее *субъектности*, где отправной точкой существования исторического процесса выступает субъект, понимающий исторические события как контекст существования. При этом человек, несомненно, является субъектом истории даже в том случае, если он находится в массе, толпе. Данную дифференциацию в понимании исторического процесса пытается снять традиция журнала «Аналлы», в частности в лице, как нам кажется, выдающегося историка европейской цивилизации Жака Ле Гоффа. В своей знаменитой книге «Цивилизация средневекового Запада» он в принципе пишет именно об этом: «Концепция тотальной истории включает в себя не только то, что другие традиции мысли именуют культурой или цивилизацией, – она подразумевает также и материальную культуру – технику, экономику, повседневную жизнь (ибо люди в процессе истории строят жилища, питаются, одеваются и вообще функционируют), равно как и интеллектуальную и художественную культуру, не устанавливая между ними ни отношений детерминизма, ни даже иерархии. В особенности она избегает понятий «базиса» и «надстройки», которые насилуют постижение исторических структур и их взаимодействие. Тотальная история должна опираться на социальную историю, которая и есть подлинное содержание истории, как ее справедливо понимал Марк Блок» [1, с.4]. Однако даже в таком в принципе «дистиллированном» подходе к историческому процессу, где отправной точкой самого факта истории выступает так называемая материальная культура, в которой происходит манифестация ценностей и смыслов, сложно удержаться от идеологического обобщения. Оба вышеозначенных понимания истории (дискретность исторического процесса и признание легитимности субъекта истории) являются следствием самой специфики того, для чего нужна история. При попытке ответа на этот вопрос появляется проблема, равная той, с которой сталкивается гуманитарная мысль в вопросе о связях человека и культуры в целом. С одной стороны, человек является творцом и источником культуры; с другой же, – культура является условием существования человека.

То же самое и история, но на уровне более конкретном, где исторический процесс выступает как часть культуры и эффекта социализации при включении в эти структуры идеологического характера. Дело в том, что история как таковая является феноменом (в кантовском понимании), полностью замкнутым на самого себя, то есть чистым пространством символизации. Событие, (возможно) происходящее с человеком в пространственно-временном интервале и сам человек, участвующий в этом событии, является переменной величиной, парадоксальным образом сочетающей в себе как символы коммуникативных практик идеологического характера, так и отсылку к «действительности» при минимизации ноуменальной части до необходимого уровня в процессе идеологической обработки. То есть, иными словами, происходящее событие (или событие произошедшее), несомненно, должно носить характер реально случившегося факта, но манифестация данного события осуществляется в контексте символической цензуры. При чем цензура в данном случае не обязательно связана напрямую с властью. Власть в процессе цензурирования присутствует только как отправной момент, частный импульс для общего потребления; она задает тон (официальный, если рассматривать власть с точки зрения непосредственного диктата), который расходится волнами по полю всего разнообразия общественных отношений. Если бы властные отношения присутствовали на всех уровнях тональности феноменологии исторического события (а это может происходить и происходило в обществах тоталитарного типа), то в повседневном опыте человека не было бы в принципе понятия выбора, способного быть сопряженным с сомнением и критикой. Его выбор подменяется целью, сопряженной с общественными интересами. При этом вопрос о соотношении частного выбора и общих целей развития более чем интересный, поскольку

ку сегодня, находясь в условиях демократических реформаций, тоталитарные общества прошлого или настоящего понимаются как непосредственное насилие и принуждение. Однако, как будет ясно в последующем, наличие выбора (не важно, в опыте повседневности или политического решения) косвенно свидетельствует сегодня (а в самом широком смысле исторической перспективы: начиная с Нового времени) о трагической подмене понятий, произошедшей как в пространстве политической феноменологии, так и в отношении конкретного «частного» случая человеческой жизни, где структурирующей силой выступает именно особое понимание истории, возникшее с расцветом капиталистических отношений в Европе.

Таким образом, история как факт и история как наука представляют собой пространство действия фантомов, структурированных идеологическим камертоном власти. Фантомность понимается как особое состояние предмета истории, который сам по себе расположен в прошлом, то есть фактически не существует сам по себе, но может и *действительно* проявляться посредством структур идеологии исторической целесообразности, приобретающей черты актуальности и действительности. В этой связи можно утверждать, что исторический факт не способен существовать самостоятельно как по причине отсутствия самого факта, так и по причине того, что несамостоятельность истории связана напрямую с тем, что можно условно обозначить как социальная герменевтика.

Что такое социальная герменевтика? Это та часть культуры, которая впитывает в себя как интенции трактовок и реконструкций текстов (классическая герменевтика), так и моменты вовлеченности субъекта в трактуемый факт (В. Дильтей), где процесс герменевтики сопряжен с конституцией самосознания человека (Г. Г. Гадамер). При этом социальность герменевтики в такой перспективе выступает как форма толкования исторических процессов, произошедших в прошлом и происходящих в «настоящем». Естественно, социальная герменевтика как инструмент, сложенный из социальной формы «*предпонимания*» и социального же *самонаблюдения* (В. Дильтей), манифестирует в очевидной форме именно в процессе критики как неотъемлемого инструмента герменевтического опыта происходящего события, то есть события, которое только становится фактом исторического пространства. Участие человека в происходящем событии невозможно представить вне структур предпонимания, которое является отправной точкой герменевтики вообще. Предпонимание – достаточно сложный феномен, который имеет статус экзистенциальности в хайдеггеровском смысле, то есть в отношении социального бытия человека (как бы это тавтологично не звучало) его существование сопряжено со структурами мировоззрения, ценностей, норм, морали и нравственности, которые, в свою очередь, предположены самонаблюдению.

Феномен критики при этом выступает в качестве структурирующего ядра, поскольку явление исторического события, во-первых, не в состоянии существовать самостоятельно, как уже говорилось, и, во-вторых, не способно оказывать сколько бы то ни было активного давления вне бинарности оппозиций и точек зрения. В свете этого в качестве догмы демократической формы существования общества постулируется многоплановость и плюральность чего бы то ни было: оппозиционность и бинарность присутствует на всех уровнях повседневности человека от вкусовых предпочтений до политических решений. Критика в обществе – залог свободы человека, свободы, заложенной в праве выбора. Так ли это? Для того чтобы продемонстрировать механику социальной герменевтики на уровне повседневного опыта человека и общества в целом, необходимо обратиться к молекулярной физике *предустановок*, которые выступают в качестве регулятива для деятельности.

На современном этапе развития культуры высшим достижением последней является гарантия прав человека, в которых право выбора (политического или эстетического) определяется уровнем самосознания данного человека. Данная гарантия проистекает из требований гуманистичности и плюральности в отношении к всевозможным формам человеческого существования. То есть современный *самосознающий* человек априори является свободным существом, свободно же ориентирующимся в среде множественности оценок и суждений исторических феноменов. Однако в такой перспективе встает ряд существенных вопросов, которые сами по себе не носят подрывного характера, но, поставленные в перспективе поиска первоисточка современной социокультурной ситуации, могут прояснить ряд парадоксов.

Во-первых, что выбирает современный человек? Выбор в различных областях существования обусловлен различными формами субъективного предпочтения, желания и экономических возможностей. В процессе выбора опора на субъективное предпочтение выступает сегодня в качестве достаточного основания для потребления, которое становится формообразующим условием современного человека. Субъективность является тем требованием свободы человека, которое сопутствует ему на протяжении всей его жизни. Если поведение человека не обусловлено личностным выбором, то такое поведение воспринимается негативно в том смысле, что данный человек - часть толпы, «стада».

Выбор человека сопряжен с его желанием в первую очередь. «Я хочу» – это постоянная величина современного существования. При этом основной задачей современной политической системы и власти в целом становится обеспечение доступности объекта желания, удовлетворение максимального числа потребностей человека. Это ни в коей мере не противоречит форме репрессивности культуры, поскольку репрессия порождает желание, которое может быть удовлетворено в порядке замещения или восполненности в символической форме. Иными словами репрессия культуры порождает соблазн, выраженный в форме многообразных социальных практик межсубъективного взаимодействия, маркетинговых политик (в первую очередь) и политических структур. Более того, отсрочка в исполнении желания порождает *страх неполноценности* как в социальном пространстве, так и в области повседневного индивидуального опыта. Такую форму страха древние обозначали как зависть, то есть смертный грех, убивающий душу. Современная же культура постулирует страх неполноценности в качестве отправной точки в формировании потребления и, более того, как естественное состояние человека. Лозунг современной культуры: «Ты должен хотеть или умереть». Этот лозунг в онтологическом плане выражен в следующем: «Желаю, следовательно, существую». Жизнь современного общества – это не столько потребление, сколько желание потреблять. Либидиозные потоки, служившие долгое время для культуры формообразующей силой, сегодня превращены в потоки потребления, где творческая активность минимизирована и выражена в парадоксальной аксиоме *искусства потребления*, ставшего в современной культуре эквивалентом декадентствующего субъекта XIX века, больного сладким и соблазнительным «шоуголизмом». Таким образом, человек желает обладать чем-то не сам по себе, а в соответствии с тем, что ему предложено; человек хочет и выбирает не столько конкретную вещь, сколько желание вещи.

Во-вторых, когда человек стал свободным? Вопрос о выборе в той перспективе, в какой он ставится в современную эпоху, напрямую зависит от того, каковы основания выбора человека сегодня. Как отмечалось выше, единственным достаточным основанием для человека в процессе своего выбора становится *субъективность* желания, понятая парадоксальным образом как желание само по себе. Субстратом желания выступает субъект, одаренный правом выбора. Каким образом и когда субъективность становится воплощенным желанием человека и самим человеком, а так же с какими социальными процессами это связано?

В принципе этот вопрос уже задавался в истории философии, и ответ был однозначно получен: «Через Декарта и после Декарта “субъектом” становится в метафизике преимущественно человек, человеческое “Я”. Как человек входит в роль подлинного и единственного субъекта? Почему этот человеческий субъект накладывается на “Я”, так что субъективность становится тут равнозначна сфере “Я”?» [3, с. 118].

Задаваясь таким вопросом, Хайдеггер указывает на то, что экспансия субъективности на сферу повседневности (иными словами на сферу Я) теснейшим образом связана с понятием власти и ее трансформацией в Новое время. Власть как политический акт в таком ракурсе расширяет свои инстанции: власть становится не только *властью-над...*, она проникает в отдаленные уголки человеческого Я, буквально осуществляя экспансию в мир бессознательного, проявляя новое, ранее не виданное свойство «воли к власти». Как? Очень просто: провозглашая права человека, как бы это парадоксально не звучало.

На фоне секуляризации церковного мировоззрения, когда почва *надежности* (от слова надежда) мира пошатнулась, необходимо было формирование новой надежды, которой с этого времени становится легитимированная наука в форме заботы о субъекте. Наука, используя субъект-объектные отношения как инструмент, переносит данные отношения на «жизненный мир» человека, гарантируя как само собой разумеющееся его

права. Именно научная революция Нового времени является тем спутником власти, без которого она сегодня не мыслима. Научный дискурс, начиная с эпохи Нового времени, очерчивает контуры власти, выступая как основная инстанция, которая заботится о человеке: о его теле, о его выборе и цели существования.

Однако не сама наука является причиной экспансии субъективности на мир Я. Власть, понимаемая в новом модусе «власти ради власти», использует новый математический бинарный аппарат научного мировоззрения для достижения всей глубины бессознательной области человека. Наука в данном процессе получает свободу, власть – аппарат давления на человека и в то же время капитализацию самой науки. То есть новoeвропейская наука, пойдя на сделку с властью ради свободы и легитимности своих действий, сама оказывается заложником властных отношений нового образца, подчиняясь капиталистической форме производства (инновационность науки).

Таким образом, достаточно абстрактная ницшеанско-хайдеггеровская формула «воли к власти» в данном случае приобретает достаточно конкретные очертания: власть, перейдя с конкретно-осязаемой формы власти над телом в качестве непосредственного насилия в абстрактную форму власти над душой, начинает функционировать по принципу увеличения капитала. При этом капитал в данном случае нельзя понимать как некую сумму материальных богатств. То, что сегодня называется капитализмом – это именно формообразующая сила власти. Капитал сегодня – это «эйдос» современного общества, в котором нельзя выделять ни начало, ни конец; нельзя определять его границы, можно только указать на то, что капитал направлен на самого себя и он является той силой, призванной структурировать в пространстве и во времени человеческие ресурсы. Более того, действие капитала – это не производство конкретного продукта как ответа на желающий спрос, это воля к власти ради самой власти, к капиталу ради самого капитала. Для капиталистической формы существования современного общества нет особого значения, что производить: так как капитал – это система символического обмена, то в соответствии с этим производство само по себе так же носит символический характер, где конечная вещь как продукт производства чаще всего расположена в пространстве соблазна и соблазна, нежели в поле ее применимости. При этом сам человек соблазняется так же и властью: те институциональные формы власти (прежде всего, демократической), которые она сегодня вынуждена принимать, воспринимаются как «царствие небесное на Земле», в котором воплощены права гражданина, где человек чувствует свою причастность к общему делу, и где, наконец, человек чувствует заботу о себе благодаря наличию выбора.

Такая забота в итоге выражается в ряде ключевых особенностей и характерных чертах субъективности, которые можно систематизировать следующим образом. Во-первых, субъект целостен, что выражается как в единстве всех его проявлений (параноидальное тождество и единичность субъекта), так и во вновь обретенной цели существования. Во-вторых, начиная с Гегеля, субъект понимается как историческая проекция и форма исторического бытия, где обнаруживается та самая целесообразность, которая свойственна для историографии Нового времени. При этом целостность истории, связанная у Гегеля с понятием самосознания, проистекает из «вожделения» как первой характеристики самосознания.

Таким образом, забота о человеке и гуманизм XXI века – это та обитель, где вскармливается целостность истории, ее идеальность и пластичность. При этом сама история предстает как своеобразная «подложка» для желающего субъекта, а наличие желания в человеке, выраженное в выборе, – эта форма контроля власти за самим человеком. Та множественность и плюралистичность современной культуры, представленная в «мультикультурности» и космополитизме, где каждый человек является уникальным и неповторимым явлением в истории, оборачивается жесточайшей унификацией человека, где особенность выбора каждого («я хочу *это*, потому что я такой *особенный*») выливается в итоге в единство и системность всех желаний и возможностей, конституируемых властью. Вырваться из этого единства не возможно, так как современный субъект не в состоянии отказаться от своего «вожделения», делающего его «господином» в гегелевском понимании. Отказаться от выбора означает сегодня стать рабом, не испытывающим самосознания и причастности к общему делу истории. Поэтому современное понимание истории – это не некое новое понимание исторического процесса, освобожденного от пут идеологичности и целостности (школа Анналов). История сегодня – это все та же старая

новоевропейская форма самосознания и целесообразности субъекта, построенная на новых рельсах капиталистической и символической экономики желания.

Библиографический список

1. *Жак ле Гофф*. Цивилизация средневекового запада [Текст]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
2. *Мамардашвили, М. К.* Трансценденция и бытие [Текст] / Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. Составление и общая редакция Ю. П. Сенокосова. – М.: Лабиринт, 1996.
3. *Хайдеггер, М.* Европейский нигилизм [Текст] / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993.

Статья поступила в редакцию 25.04.2011.

РОМАЩЕНКО Александр Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Саратовского государственного технического университета.

УДК 141.2

Ф. А. Смирнов

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ ЗАПАДНОГО МИРА НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

На основе философской концепции, отражающей восприятие человеком сути бытия (Das Geviert), сформированной немецким философом XX века Мартином Хайдеггером, автором дается краткое описание фундаментальной трансформации ценностных основ западного человека, произошедшей со времени древней Греции, вплоть до настоящих дней.

Ключевые слова: Четверица, бытие, мышление, небо, земля, боги, человек, Хайдеггер

Современный мир переходит в качественно иное состояние. Меняется фундаментальная основа мышления человека и всего общества – философия существования и мировосприятия. И если XX век можно практически полностью считать веком традиционным, то новое тысячелетие характеризуется качественным ускорением времени, эволюцией человечества, с которым стало происходить *нечто*, пока трудноуловимое, но частично уже ощущаемое. Из двух возможных путей – биологизации техники и роботизации человека, мы выбрали последнее.

Для того чтобы лучше понять суть текущего времени, а также нащупать путь дальнейшего ментального развития западного человека, мы должны увидеть полную картину развития мировосприятия западной цивилизации, мышления западного человека. Осознание такого фундаментального движения позволит нам хоть частично понять то колоссальное влияние, которое оказывалось Западом на Россию [1, 33-156], нашу культуру и мышление еще с петровских времен и привело к неосознанной двойственности наблюдаемого сегодня сознания (псевдоморфоз по О. Шпенглеру).

За основу нашего анализа мы возьмем некоторые работы одного из великих философов не только XX века, но и, пожалуй, вообще всей западной мысли, немца по происхождению – Мартина Хайдеггера (1889 – 1976). Этот человек примечателен тем, что посвятил свою жизнь осмыслению всей западной философии за более чем 2500 летний период – от досократиков (Анаксагор, Гераклит, Парменид), а также Аристотеля и Платона, до поздних, «завершающих» философов – Декарта, Канта, Ницше и др. Западная философия видится Хайдеггером в форме циферблата часов, где дневному времени отводится период расцвета древней Греции. Однако все то, что происходило с западноевропейским мышлением позже, медленно, но верно погружалось в ночь, вплоть до Рене Декарта и Фридриха Ницше. Помимо этого, Хайдеггер представлял себя тем человеком, на плечи которого выпал тяжелый груз ответственности – помыслить причину ошибок прошлого и предложить новое, Второе Начало.

Одной из ключевых идей Хайдеггеровской мысли выступает **Das Geviert** или Четверица, которую мы и поставим в центр своего исследования. Упрощенно Четверица по Хайдеггеру – это проекция бытия (sein), то есть выражение сущности всего существующего, одновременно в зависимости и вне зависимости от человеческого сознания. Das Geviert состоит из двух осей: Неба и Земли, Богов и Людей. При этом Четверица мыслится как единое целое, как единство всех четырех элементов, единство четырех областей всего мира [2, 143-209].

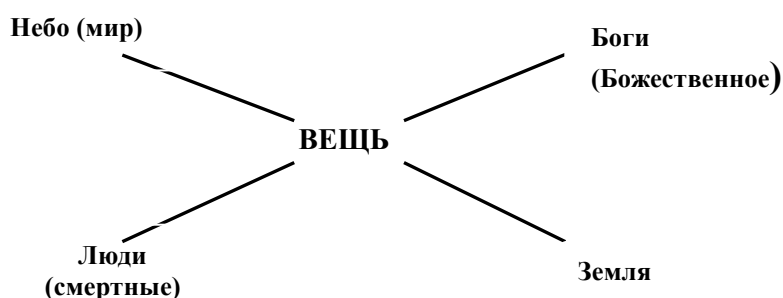

Схема №1. Человек – сын Бога/Природы. Первозданная Четверица

Небо – это то, что дает порядок. Небо есть лицо мира в его открытости, обращенное к тем, кто смотрит на мир. Благодаря же Земле все становится присутствующим, то есть *при-сути*, тем, на чем все стоит, то есть *на-стоящим*.

В своей статье «Строить, проживать, мыслить» [3, 143-144], написанной в 1951 г., Хайдеггер следующим образом определяет Землю: «**Земля**, служащая носительница, цветущая подательница плодов, раскинувшаяся в камнях и потоках, плодящая всходы и зверье. Мы говорим «земля», но думаем и об остальных трех, так как однобоко мыслить Четверицу нельзя».

О Небе Хайдеггер пишет: «**Небо** – это ход солнца в облаках, изменчивый путь луны, блуждающий блеск созвездий, времена года, их смена, свет и сумерки дня, мрак и прозрачность ночи, погода и непогода, облака и голубая глубина эфира. Мы говорим «небо», но думаем и об остальных трех, так как однобоко мыслить Четверицу нельзя».

Хайдеггер описывает **Божественное**, упоминая еле уловимых, но ощущающихся в присутствии, подмигивающих Богов: «Божественные несут нам весть подмигивающего Божества. Из священного владычества Божественна являет свое настоящее Бог или удаляется в свое сокровище. Мы говорим «Божественное», но думаем и об остальных трех, так как однобоко мыслить Четверицу нельзя».

Наконец, о смертных Хайдеггер пишет следующее: «**Смертные** суть люди, их называют смертными, поскольку только они могут умереть, умереть – это значит осилить смерть как смерть. Умирает только человек, умирает постепенно, пока он остается на Земле, под Небом и перед Божественным. Мы говорим «смертный», но думаем и об остальных трех, так как однобоко мыслить Четверицу нельзя».

Так как речь идет именно о *первозданной Четверице*, важно отметить также следующее: «Смертные живут, спасая Землю. Оставляя ее самой себе. Смертные живут, воспринимая Небо как Небо. Они предоставляют светилам идти своим чередом, они не стараются сделать погожей непогоду и наоборот, они не превращают день в ночь, а ночь в день. Смертные живут в той мере, в какой они ожидают Божественных как Божественных». И еще: «Смертные живут в той мере, в какой они, будучи смертными, ведут способность умереть к благой смерти, а не к пустому исчезновению и не к бессмысленной задержке в земном пребывании. В спасении Земли, в восприятии Неба, в ожидании Божественных и в направлении своей жизни к смерти сбывается проживание как четверичное украшение Четверицы».

В центре Четверицы стоит Вещь, то есть то, что является квинтэссенцией восприятия себя остальными четырьмя элементами.

При рассмотрении взаимоотношений Богов и людей, этих двух миров, Хайдеггер использует два вида написания бытия – **Sein** и **Seyn**, между которыми открывается фундаментальная разница. Если *sein*-бытие – это сущее сущего, то есть все земное, то, что пребывает среди людей, включая и метафизику (эйдосы) Аристотеля. То *seyn*-бытие принадлежит к области сакрального, божественного. *Seyn*-бытие – это не только прообразы вещей, но и также *бытие бытия*, то есть Нечто, которое определяет Божественное, и вообще все то, что есть над миром.

Примечательно, но начиная с 1930-х гг. у Хайдеггера встречается написание *sein* или *seyn* перечеркнутых крест на крест, то есть вобравших в себя Четверицу.

Тот самый фундаментальный и определяющий все дальнейшее развитие мышления элемент (сбой) трансформации Четверицы, был заложен в Древней Греции – в метафизике Платона и Аристотеля.

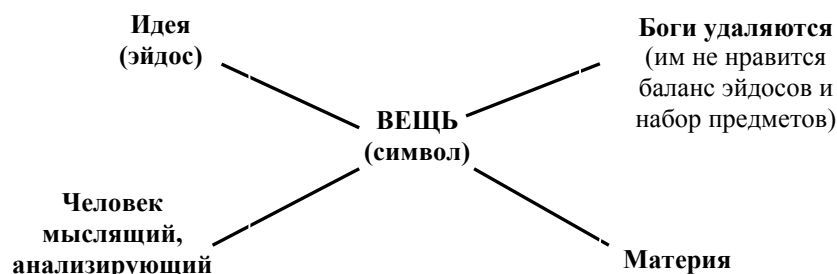

Схема № 2. Человек анализирующий.
Четверица меняется с древнегреческой философией

Именно здесь, началось мышление сущего сущим. С этого момента удаляются Боги, которым не нравится то, что у любой вещи есть свой метафизический прообраз (эйдос). Таким образом, и Земля постепенно перерождается в действительную материю.

Именно эта идея и пустила свои корни, развернулась, углубилась в последующие почти 2000 лет, благодаря, как утверждает Хайдеггер, работе немецкой и в целом европейской философской мысли.

Но одним из важнейших переломных моментов является период работы таких мыслителей как Рене Декарт (XVII век) и Фридрих Ницше (XIX век). Именно Декарт со своим «Cogito Ergo Sum» (я мыслю, следовательно – существую) бросает вызов всей природе, утверждая, что сознание человека определяет содержательное наполнение мира, а не Бог или природа, как это считалось ранее. С этих пор основополагающую философскую роль начинает играть человеческое мышление.

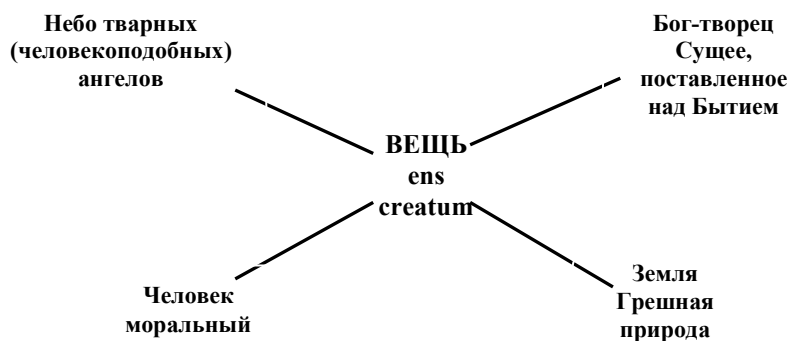
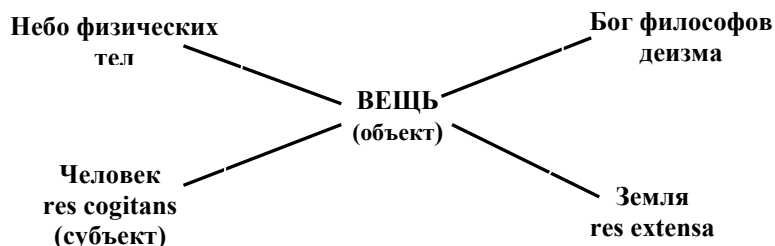

Схема № 3. Человек перерождающийся.
Перерождение боготворческого начала в человеческое определение порядка вещей (ens creatum – творец Бог, либо человек)

Наконец Фридрих Ницше в своем фундаментальном труде «Так говорил Заратустра» (1883—1891) пророчески дает точное определение жизнотворчества подавляющей массы людей западной цивилизации: «Бог мертв. Мы убили его – вы и я!» Следствием чего, словами все того же мудреца Заратустры, разворачивается страшное и необратимое

действие: «*Пустыня растет!*» Пустыня как *ничто*, растет прямо из самого сердца сущего [4].

Таким образом, получаем человека – властелина природы. Небо мыслится как совокупность физических, астрономических тел. Бог превращается в символ.

*Схема № 4. Человек – мыслящий субъект (res cogitans), определяющий реальность в своем сознании (res extensa) (согласно Р.Декарту).
Вещь – как объект действия*

Далее мир перерождается в площадку противоборства государств, движимых политическими и экономическими факторами. Небо используется в сугубо экономических, геополитических или военных целях. Земля используется только для извлечения из нее дохода, беспощадно и безвозвратно выкачиваются природные ресурсы, испытывается ядерное оружие. На передний план постепенно выходит алчная сущность человека, деньги начинают играть одну из ролей – определяющих отношение к чему угодно.

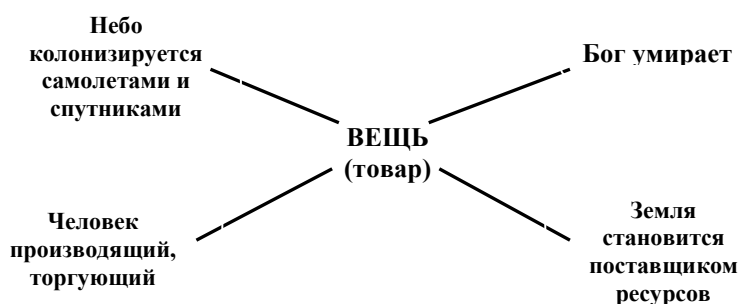

Схема № 5. Человек экономический и политический

Таким образом, XX век становится ключевой переходной эпохой на пути к совершенно новому и трудно мыслимому периоду времени. Не случайно Мартин Хайдеггер взял на себя роль ревизора сложнейшей гуманитарной дисциплины, помыслив все то, что было наработано человеческим умом. Таково движение и близость к завершению Первого Начала. Отсюда, кстати, и «Закат Западного мира» Освальда Шпенглера (1918), и «Кризис современного мира» Рене Генона (1927), и «Постижение истории» Арнольда Джозефа Тойнби (1934-1961) и более поздний «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы (1992).

Отсюда же и глобальный финансово-экономический кризис (2007-??? гг.), который совершенно определенно является не только финансовым и не только экономическим, но фундаментально-общечеловеческим кризисом, который должен получить свое дальнейшее, более существенное воплощение в недалеком будущем.

Человеческая природа такова, что пока земной шар не треснет, вряд ли что-то побудит нас хорошо задуматься. Не случайно Фридрих Ницше призывал «познать самого себя» и проницательно замечал – «как только мы познаем что-то, нам это что-то на-

додаает. Неужели мы так себе надоели, что готовы познать себя и отбросить в сторону?»

Вместе с тем, проекция Четверицы наших дней и вовсе ужасает. Современный мир под давлением ускорения и нарастания потоков информации активно виртуализируется. Жизнь нового, «модернизированного» человека уже не мыслится без бесконечных потоков, исходящих с экрана телевизора или рекламного видео-щита. Монитор компьютера – наш неразлучный спутник и на работе и дома, не говоря уже об экране мобильного телефона.

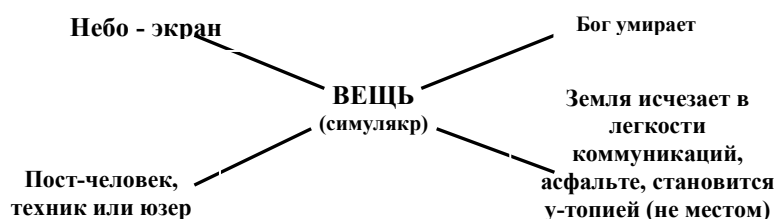

Схема № 6. Постчеловек. Вещь – симулякр
(от лат. *simulatio* - видимость, притворство)

Земля – больше не земля, а просто площадка, либо забетонированная, либо площадка перед монитором, либо отравленная отходами, замусоренная местность.

Человек перерождается, становится абсолютным заложником техники. Виртуальный мир, создание параллельных реальному миру характеров и образов разделяют человеческое мышление, *развлекают*, то есть *отвлекают* его. Кстати, в этой связи очень интересна этимология слова *Дьявол* (греч. δίαβολος) – *разделяющий на части, дробящий, рассеивающий*.

В то же время, под влиянием глобализации, а, следовательно, активного распространения доминирующей культуры, важной особенностью современного общества становится **концентрация на текущем, сиюминутном, мелочном**. И если человеческое сознание способно удерживать определенное количество интересов, увлечений, направлений изучения, то, благодаря концентрации на мелочном, из нашего сознания вытесняются считавшиеся совсем недавно важными и неотъемлемыми элементами жизни культурные действия, такие как чтение классики, например. Жизненно важным теперь совершенно естественно видятся: *шопинг, sightseeing, выбор одежды, пирсинг, рефрешинг (выпивание освежающих напитков), SMS-ing, ТВ-контемпляция (лат. наблюдение, зрительное погружение при отключении всей воли), дансинг, уик-эндинг, релаксация, спортинг, курение, свимминг в бассейне, листание глянца, пользование средствами личной гигиены, макияж, найт-клуббинг (посещение ночных клубов), лиснинг (ношение наушников с играющей музыкальной информацией), интернавтика (нажатие на баннеры и ссылки в сети Интернет), корректный и короткий ответ на несложные вопросы* [5, 513-514].

И вот в один прекрасный момент, когда вышеописанные проекции окончательно воплотятся в жизнь, будет активирован дискурс по поводу необходимости Второго Начала, в этот раз совершенно осознанный. А может быть и не будет. Но все равно на смену дьяволу должна выйти идея второго пришествия, Второго Начала в форме нового отношения, возвращения к первозданной чистоте Неба и Земли, восстановления памяти о Боге, причем уже в ином, более глубоком его осознании. Вместе с тем, должен родиться новый человек.

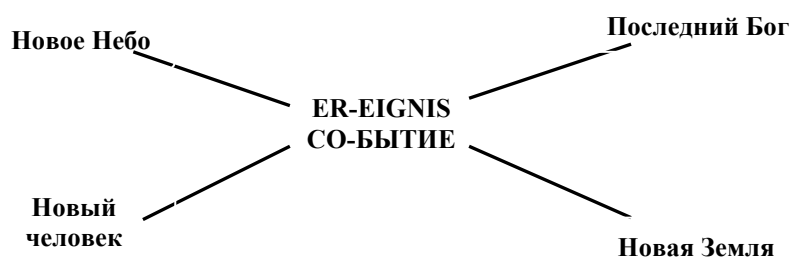

Схема №7. Человек – просветленный хранитель. Второе Начало. Er-eignis, по Хайдеггеру, великое Событие, свершение, колоссальный переход в новое состояние.

Библиографический список

1. Дугин, А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии [Текст]. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. – С.33 – 156.
2. Дугин, А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала [Текст]. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2010. – С.143 – 209.
3. Heidegger, M. Vortrage und Aufsätze [Текст]. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2004. – S.143 – 144.
4. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра; Сумерки идолов, или Как философствуют молотом [Текст] / Перевод с нем. К. А. Свасьяна. – М.: Мир книги, Литература, 2006.
5. Дугин, А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию [Текст]. – М.: Академический Проект; Трикста, 2010. – С.513 – 514.

Статья поступила в редакцию 20.04.2011.

СМИРНОВ Федор Александрович – аспирант Московского Психолого-социального института.

РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ МЕНТАЛИТЕТА

УДК 37.013

Ю. Л. Травников

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА У УЧАЩИХСЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Данная статья посвящена исследованию современных теоретических основ анализа процессов формирования менталитета у студентов в высшей школе, в ней исследуется эволюция понятия «менталитет», вычленяются его признаки, дается характеристика уровням менталитета, излагается содержание процессов его формирования.

Ключевые слова: менталитет, ценностная ориентация педагогов, теория формирования менталитета, ментальный процесс, архетип сознания и его генезис.

В настоящее время с понятием «менталитет» связывается понимание и оценка происходящих в обществе различных процессов. Само слово «менталитет», корень которого – начало множеству других широко распространенных слов, агрессивно ворвалось в научную лексику, а из неё быстро перешло в язык повседневного общения людей, вызвало моду на это понятие, изрядно запутав его смысл. В то же время менталитет приобретает статус научной категории, используемой в различных общественных науках. Определения менталитета все чаще встречаются в различных публикациях, начиная от учебников для средних школ и кончая научными трудами.

К сожалению, во многих случаях понятия «менталитет» и «ментальность» используются как новомодный термин с весьма неопределенным содержанием, хотя и ориентирующим на какие-то особенности личностного и группового сознания и поведения людей.

Научный спектр понимания природы ментальности в наши дни чрезвычайно широк и достаточно не определен. Показательно, что ни в одном из энциклопедических словарей, философских, психолого-педагогических справочников, учебников по естественным и гуманитарным дисциплинам до 1993 года не только не давали определение ментальности и менталитета, но и почти не упоминали эти феномены. Только в последнее время произошло введение их в основном в социально-политическую публицистику, психолого-философскую литературу на правах научно признанной категории.

Понятие «менталитет» существует в научном языке со второй половины XIX века и прошло становление в психологии, истории, социологии, философии и культурологии.

Категория «менталитет» чаще всего трактуется как сугубо психологическая (или социально-психологическая).

Это позволяет выделить перечень ключевых слов и категорий, относящихся к психологической характеристике менталитета. К числу таких ключевых понятий можно отнести: «образ мышления»; «эмоциональные и ценностные ориентации»; «взгляд на мир»;

«стереотипы сознания»; «мотивационную сферу»; «убеждения»; «идеалы»; «стереотипы поведения»; «традиции»; «обычаи»; «национальный характер»; «народный дух».

При всей своей несомненной важности психологическая интерпретация не может считаться достаточной для целостной характеристики исключительно емкого и многоаспектного понятия «менталитет». Чрезвычайно важно исследовать истоки этого понятия, обратившись к исторической, культурологической, философской и социально-политологической проблематике.

В отечественной исторической науке этот термин начал приобретать права гражданства лишь в самые последние десятилетия нашего века.

С точки зрения историка, ключевыми словами, определяющими сущность категории «менталитет», являются: «картина мира», «изменчивость», «наследственность», «отбор», «умонастроение», «ценностные ориентации», «текучесть» и вместе с тем «устойчивость», «спонтанность», «мировидение», «образ мира».

Представители исторической науки сходятся в выводах о том, что энергия народной ментальности не уступает по глобальным последствиям, связанным с действием порождаемых ею общественных сил, разрушительным катаклизмам освобожденной энергии атома [1, 2].

В ряде публикаций, посвященных философским, культурологическим, политологическим и социологическим аспектам проблемы менталитета, наиболее часто используются следующие категории: «мировоззрение», «социальные нормы», «социальные стереотипы», «дух эпохи», «образ мыслей», «социальная идентификация», «индивидуальное, общественное и массовое сознание», «самосознание и самопознание», «социальная память», «общественное мнение», «социальные установки», «массовые настроения» и т.д.

Отдавая должное бессознательной (генетической, интуитивной) составляющей менталитета, мы все же полагаем, что его исследование на сколько-нибудь реальном технологическом и доказательном уровне немислимо без изучения соответствующих исторических, религиозно-философских, культурологических, идеологических, политических и, далеко не в последнюю очередь, образовательных парадигм, доктрин и теорий, господствующих в том или ином пространственно-временном измерении и подготавливающих ту самую «почву», на которой произрастает индивидуальное и коллективное (общественное) сознание, индивидуальное и общественное мировидение и, конечно, обогащаются и конструируются новые теории.

Именно в социальной сфере, а отнюдь не только на уровне сознания, самосознания или подсознания личности, формируются те критериальные основания и ценности, с которыми человек сознательно или подсознательно сверяет свое отношение к жизни, свое поведение и поступки. Именно глубинные, «корневые», относительно устойчивые, стабильные ментальные качества и характеристики, а отнюдь не подвижные и конформистски «гибкие» элементы индивидуального и общественного сознания, чувствительные ко всевозможным манипуляциям и деформациям и потому переходящие во времени, являются объектами социального сознания и охраняются в долговременной социальной памяти, предопределяющей содержание и структуру социально-генетического кода и личности, и общества [1, 3].

Где начинается формирование менталитета? В семье и, конечно же, в учебных заведениях.

Только сфера образования (при надлежащем подходе, конечно) способна аккумулировать в себе наиболее ценные компоненты культуры, существенно влияющие на ментальность, педагогически трансформировать их в целях адаптации к реальным познавательным возможностям студентов (курсантов) и последовательно организовать процесс активной жизнедеятельности и жизнестворчества воспитуемых в высших учебных заведениях.

В сложившейся российской действительности недооценивается достаточно очевидный факт: **именно образование держит руку на пульсе человеческих ценностей и идеалов, индивидуального и общественного мировоззрения, поведенческих приоритетов и конкретных поступков будущих управленцев и специалистов.** Именно образование может реализовать органически присущие ему менталеобразующие функции. Функции высшего образования не могут быть сведены к воспитанию, направленному, по существу, на встраивание в некоторую умозрительную модель идеализированной личности конъюнктурно модного для данного этапа и данной политической ситуации стандартного набора личностно-общественных добродетелей.

Без целенаправленных, последовательных во времени, преемственно связанных и по целям, и по содержанию, и по собственно педагогическим технологиям менталеобразующих усилий, без должной координации и многопланового (кадрового, правового, материально-технического, информационного, научно-методического) обеспечения этих усилий рассчитывать на успех в столь сложном деле не приходится.

Не исчерпывают функций высшего образования и задачи развития умственных способностей и физических кондиций студентов (курсантов), хотя сами по себе технологии развития личности, основанные на использовании психологически обоснованных диагностических процедур, позволяют судить о степени совпадения целей образования и его результатов, чем преимущественно описательные и трудно проверяемые педагогические стандарты уровня и качества образования.

В своем высшем проявлении **усилия сферы образования высшего учебного заведения должны быть сфокусированы на выполнении следующих главных задач.**

- Трансляции из поколения в поколение и закрепление в каждом последующем из них сложившихся, наиболее стабильных духовных, мировоззренческих и культурных ценностей соответствующего социума, предопределяющих основания его специфического менталитета.

- Обогащения индивидуальных и общественных ментальных качеств данного социума общечеловеческими нравственными ценностями.

- Коррекций и преобразования в необходимых случаях тех ценностных жизненных ориентиров, которые как на личностном уровне, так и на уровне социума в целом определяют наиболее вероятное поведение и поступки курсантов, направляют и концентрируют их «ментальную энергию» на достижение поставленных целей.

Стоит ли говорить о том, что **ментальные качества оказывают сильнейшее влияние на формирование и развитие всех остальных.** Вот почему именно группе ментальных качеств должна принадлежать приоритетная роль. Россия всегда была духовно богатой страной, что оказывало доминирующее влияние на формирование менталитета. Вот почему не менее бдительно, чем государственную границу страны, надо беречь наш менталитет, наш национальный дух. Но для этого надо понимать, что лежало и лежит в его основе.

Под воздействием объективных условий, исключительно противоречивых реалий нашего времени, в педагогической среде стремительно меняется вся система социальных ценностных ориентаций, социально-психологических установок, отношений. Меняются не только плотность, избирательность, но и сам стиль межличностных отношений. Отражая действительность, принципиально иной становится социальная структура, деформируются практически все общественные процессы, протекающие в вузовской среде. Необходимость в изучении новых сложных тенденций и явлений становится очевидной, настоятельной потребностью сегодняшнего общества. Без целостной картины социальной динамики и изменения ментальных характеристик невозможно сделать и шага в направлении реформы образования и модернизации высшего образования, о которой столь много говорится сегодня не только в России, но и за ее пределами и которая столь необходима России как суверенному государству.

Исследование ментальных ориентации студентов (курсантов) к переменам в обществе, актуально и потому, что **педагогическая профессия в российском обществе исключительно остро нуждается в возрождении в наполнении новым ценностным смыслом, что должно привести к возрождению и повышению престижа педагогов в обществе,** отдельных группах и конкретной личности на новой качественном уровне. Высшая школа должна принять новый образ и занять свою социальную нишу в новом обществе, соответственно изменив свои отношения с обществом и изменившись сама. Только серьезная реструктуризация, культурная, социальная, экономическая, поможет высшей школе органично влиться в новые общественные отношения, оказывая в свою очередь определенное стабилизирующее влияние на формы и характер общественной жизни.

Современная высшая школа испытывает потребность в создании теории формирования ментальных предпочтений у юношей и девушек, избравших любимую профессию. Ее отсутствие, с одной стороны, не дает возможности на научной основе обеспечить преемственность ментальных ценностей, традиций, идеалов, характеризующих подготовку ученых кадров в прошлом, выявить их существенные признаки, актуальные для современной практики обучения, определи условия и факторы процесса

формирования профессионального менталитета к социально значимой деятельности. **С другой стороны**, отсутствие теории формирования профессионального менталитета студентов (курсантов) не позволяет установить многочисленные противоречия и недостатки, которые выступают в виде блокираторов реформ, от успешного проведения которых зависит жизнь и благополучие нынешнего и будущих поколений граждан России, включая даже тех, кто на данном этапе развития не испытывает симпатий к своей стране.

Профессиональный менталитет студентов (курсантов) определяется наличием особого социально-психологического типа личности, в структуру которого входят как типичные формы психологического отражения действительности, так и специальные системы ценностной ориентации, экспектаций, социальных установок, индивидуально раскрывающихся в направленности на военно-профессиональную деятельность, в которой осуществляется совершенно особый тип взаимоотношений и взаимодействий индивидов и определяется особая позиция в них молодых людей.

Безусловно, **профессиональный менталитет органично включает** особенности переживаний, представлений, воззрений общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, исторически определенного состояния.

Однако профессиональный менталитет студента (курсанта) включает и другие важные специфические моменты, в том числе профессиональные мотивы, на основе которых и формируются профессионально-значимые качества, ценностные ориентации, обуславливающие статусную роль и имидж, аттитюды, имеющие определенную общественную выраженность и направленность.

Цель профессиональной деятельности органично взаимосвязана с ментальностью общества и менталитетом деятеля (личности). Преобразующий и целеполагающий характер деятельности позволяет субъекту выйти за рамки конкретной ситуации, вписывает ее в более широкий контекст общественно-исторического бытия, формируя менталитет этого субъекта деятельности как общественного индивида и как профессионала.

Рассматривать проблему профессионального менталитета студента (курсанта) можно исходя из положения, согласно которому **профессиональный менталитет является определяющим условием реализации духовно-творческого потенциала личности в профессиональной деятельности**, что делает труд студента (курсанта) вуза качественно отличным от всех других производственных, культурных и иных сфер деятельности. Поэтому представляется возможным рассматривать феномен ментальности, **профессиональный менталитет студента (курсанта) в динамической системе: профессиональная деятельность, мотивы, ценностные ориентации, трансформация и динамика осознания социальной роли.**

Развитие менталитета, включая профессиональный, **связано, прежде всего, с формированием определенных архетипов сознания.** Каждый архетип может включать значительное количество критериев его оценки, связанных с видами менталитета. Развитие видов менталитета связано с генезисом потребностей, которые выражают зависимость их от конкретных условий существования (окружающей среды, способности отражения, системы отношений и т.д.)

Бессознательное развитие не является монотонным процессом, оно складывается из целого ряда более или менее устойчивых длительных периодов, определяемых характером жизнедеятельности человека. Период – промежуток времени, в течение которого зарождается и развивается все хорошее и плохое, что было у родителей и что принадлежит индивиду: правильность и адекватность образов восприятия действительности, непосредственное единение с природой, уверенность и спокойствие, чувствительность к собственным потребностям.

Социальная как более высокая форма складывается на основе биологического развития и включает последнее, преобразуя его соответственно своим законам. В ходе развития биологическое сменяется социальным, но не заменяет и не устраняется. Оно начинает развиваться в новых условиях. Ментальное развитие человека осуществляется общественным образом, что обязательно приводит к изменению его биологических качеств и формированию новых, социальных качеств.

Человеческий индивид рождается с определенным набором биологических свойств и физиологических механизмов, которые выступают в роли основы его архетипа. Причем эта основа такова, что обеспечивает развитие при соответствующих ус-

ловиях именно специфически человеческих форм психического отражения, связанного с его менталитетом.

В психике представлены и упорядочены образы и события прошлого, настоящего и возможного будущего, что связано с развитием менталитета личности. Психические образы столь же внутренние, столь и внешние. **На уровне человеческого прошлого события прошлого выступают** в образах опыта, представлениях памяти; **настоящего** – в совокупности образов, переживаний, умственных актов; **образы возможного будущего** – в побуждениях, намерениях, целях, а также в фантазиях, грезах, сновидениях и т.п. **Определяющими признаками психических представлений являются:** отражение, дающее образ предметной среды, в которой действуют живые существа, их ориентация в этой среде и удовлетворение потребности в контакте с нею. Эти контакты в свою очередь по принципу обратной связи контролируют правильность отражения. У человека контрольной инстанцией служит социальная практика. Психические образы выступают как единые циклические системы, рефлекторные по своему типу, имеющие историю. Рефлекторность означает первичность объективных условий жизни организма и вторичность их воспроизведения в психике, закономерный переход воспринимающих двигательных эффектов и их «обратное» влияние на образ. Такое понимание рефлекторной природы психики было впервые разработано И. М. Сеченовым.

Развитие ментальных чувственных процессов имеет свои особенности, связанные с перестройкой психофизиологических реакций человека под воздействием меняющихся условий среды и по мере его взросления. Исследованиями установлено, что динамичность возбуждения в своем развитии обнаруживает нарастание и оптимум в 18-21 год, понижение в 22-24 года, некоторый подъем – в 25-28 лет, а затем вновь понижение, после чего наступает стабилизация на относительно низком уровне. Динамичность торможения, напротив, не только не понижается с возрастом, а несколько даже увеличивается, обнаруживая в своем развитии оптимумы в 19, 22-24 и 22-33 года [3, с. 86].

В ходе формирования менталитета личности чувственные процессы организуются в иерархическую систему, в которой одни процессы занимают ведущее положение, другие же остаются потенциальными, нереализованными тенденциями. Чувственные процессы определяют одну из важнейших характеристик направленности личности курсанта в профессиональных группах. Направленность же личности студента (курсанта) характеризуется совокупностью устойчивых ситуаций. Ментальная направленность личности студента (курсанта) характеризуется ее интересами, склонностями, убеждениями, идеалами, в которых выражается профессиональное мировоззрение.

Особую группу составляют высшие ментальные процессы, в которых выражено все эмоциональное богатство отношений студента (курсанта) к социальной действительности. К этой группе принадлежат, в частности, нравственные чувственные процессы, которые определяют отношения к социальным учреждениям, государству, к другим людям, к самому себе.

Поскольку студент (курсант), как и любой человек, является субъектом жизнедеятельности, он выступает в качестве носителя психики и сознания. Поэтому и путь научного познания сущности осознанных и неосознанных образов и представлений архетипов индивидуального и общественного сознания лежит в основе видов жизнедеятельности.

С точки зрения теории отражения ментальное представление – это не тень ощущений и восприятий, а обобщенный ментальный образ предметов и явлений объективной действительности и субъективной картины мира. Формируется и развивается оно так же, как и все другие психические явления и условия материального взаимодействия субъекта с объектом. Наиболее характерная особенность ментального представления состоит в том, что в нем соединяется образность (наглядность) и в то же время обобщенность архетипов индивидуального и общественного сознания. В ментальном представлении отражаются не только отдельные предметы, но и типичные свойства более или менее значительных по объему групп предметов. В этом смысле оно является собирательным ментальным образом. При переходе от восприятия к представлению происходит схематизация образа. Существенной особенностью представления является его панорамность, дающая субъекту как бы возможность выхода за пределы актуальной (наличной) ситуации.

Один из уровней ментального процесса – вербально логическое, понятийное мышление (речемыслительный уровень). На этом уровне в отличие от ощущений и восприятий мышление – это ментальный процесс социально опосредованного отражения.

Это выражается, прежде всего, в том, что, решая ту или иную задачу, субъект оперирует понятиями и методами мышления, сложившимися в ходе исторического развития общества, в которых зафиксирована общественно-историческая практика (архетипичные образы). На уровне понятийного мышления как бы развиваются рамки индивидуального опыта, а точнее, индивидуальный опыт включается в огромный багаж знаний, накопленный человечеством (картина мира).

Таким образом, уже сложилась традиционная иерархия развития ментального процесса, излагаемая в литературе: раздражительность (наинизший уровень живой природы), чувствительность (отражение посредством нервной системы), психика (субъективно переживаемое ощущаемое отражение) и сознание (социально сформированная и ориентированная психика). Каждая нижележащая форма является основой для вышележащей, то есть приобретает в силу специализации такие дополнительные свойства, которые нельзя целиком свести к свойствам нижележащей формы.

Сознание – высший уровень психического отражения и саморегуляции. Эмпирически оно выступает как непрерывно меняющаяся совокупность чувственных и умственных образов, во взаимодействии видов ментального и социального сознания.

Когда речь идет о социальном сознании, то подразумевают высший уровень социального отражения и саморегуляции. Основу ментального сознания составляет такая система осознанных и неосознанных психологических образов и представлений архетипов, которая обнаруживается в природных, культурных видах жизнедеятельности. Если сравнить эти два понятия, то можно сказать, что их специфика заключается в разных формах психического отражения и саморегуляции [3, с. 124]. Как об этом пишут А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский «Если вычесть из общественного сознания то, что составляет общечеловеческое начало, в «остатке» мы найдем менталитет данного общества» [9, с. 254].

Таким образом, ментальное сознание связано с глубинными процессами, с переменными величинами, составляющими основу жизнедеятельности личности и человеческих общностей. В разные эпохи, в разные периоды развития личности и человечества существовало как бы два сознания: социальное сознание в понимании высшего уровня социального отражения и саморегуляции и ментальное сознание, понимаемое как сознание, связанное с активностью переменных составляющих, тот или иной процесс жизнедеятельности индивида, личности, или с активностью социума и человечества в целом.

Основные характеристики ментального сознания: активность, идеальная форма отражения, рефлексивность и внутренняя связность формируются в процессе развития менталитета личности. **Раскрыть объективные законы, которым подчиняется ментальное сознание (и внутренний мир личности), можно только путем изучения развития личности в социуме как действительного субъекта деятельности, общения и познания.** При этом важно изучить разные виды ментального сознания, их зависимости от внешних периодов развития.

Наиболее продуктивным в отечественной психологии оказался тот подход к изучению общественной детерминации индивидуального сознания, который в качестве основы положил вид деятельности (**ментально-деятельностный подход**). Согласно этому подходу, сознание формируется, развивается и проявляется в деятельности. Был сформирован принцип единства сознания и деятельности, который в течение многих лет направлял как теоретические, так и экспериментальные, прикладные исследования. Продуктивность данного подхода с точки зрения теории менталитета заключается в сближении идеальных образов с ментальными, т.е. конкретными потребностями, мотивами, целями и действиями, которые являются по своей внутренней активности ментальными образованиями.

Подобно любому другому научному принципу, принцип единства сознания и деятельности раскрывает лишь определенную сторону социальной детерминации ментального развития индивида. В этой связи возникает задача определения сферы, границ и условий действия этого принципа, его соотношений с другими принципами, сложившимися в психологии, а также разрешения возникающих в связи с этим противоречий. Довольно широкое распространение получил **подход, утверждающий в качестве основных способностей (или механизмов) социального развития индивида подражание, заражение, внушение и убеждение.** В детерминации ментального развития участвуют своего рода пары диалектически связанных механизмов: подражание и контрподражание, суггестия (внушение) и контрсуггестия, заражение и противоположный ему механизм. Конкретное

сочетание разных механизмов определяется социальными условиями жизни индивида, что отражено нами в сформированном законе развития сознания личности [10, с. 130].

Ментальное сознание, прежде всего, формируется и развивается в неразрывной связи с сознанием социальным (индивидуальные и социальные образы).

Ментальное сознание представляет собой высшую в развитии и самую богатую по содержанию ступень сознания. Оно связано, прежде всего, с волевыми процессами и активным вниманием, с активными мотивами и интересами, установками и доминантами личности. Именно воля и активное мнение, а также активное восприятие являются важнейшими орудиями человеческого «ментального я», этического сознания в позиции и практическом изменении мира.

В личностную сферу ментального сознания наряду с внешними впечатлениями входит и совокупность следов от органических рефлексов. Благодаря сочетаниям, присоединяется известная часть следов рефлексов, возбуждаемых внешними раздражителями (взаимодействие внешних и внутренних образов). В результате этого сплава, органического и внешнего, реакция личной сферы на внешнее раздражение всего находится в прямой зависимости от потребностей и мотивов личности. У человека связь потребностей с внешними раздражениями, осуществляемая личной сферой сознания, относится не к ближайшему удовлетворению потребностей, а к обеспечению более оптимальных жизненных условий его существования.

С развитием социальной жизни менталитет человека не ограничивается следами только сочетательных рефлексов, связанных с органическими потребностями. В тесной связи с нами происходит образование следов, обусловленных теми или иными условиями социальной жизни (социоментальные процессы архетипов сознания). Из личной сферы органического характера развивается социальная сфера менталитета личности, которая лежит в основе нравственных и социальных отношений между людьми. Эта социальная личная сфера менталитета, поднимаясь до оценки социальных отношений, приводит к образованию целостного менталитета, т.е. личности как самобытной ментальной системы.

Соотношение генезиса видов ментального и социального сознания связано с противоречиями в сферах психического развития человека. Было высказано **положение о трех основных функциях психики**: когнитивной, регулярной и коммуникативной. Эти функции в том или ином виде проявляются на всех ступенях психического развития сознания (имеется в виду, прежде всего, ментального сознания), приобретая при этом новые качественные особенности [8, с. 231].

Когнитивная функция только на уровне сознания выступает как познание в полном смысле этого слова, т.е. как активное целенаправленное приобретение знаний.

При этом, прежде всего, имеются в виду **знания как идеальные результаты отражения, созданные в процессе общественно-исторической практики и воплощенные в форму научных, идеологических, этических и других идей, принципов, норм и т.д.** Овладевая ими, индивид вместе с тем усваивает и сложившиеся виды социального сознания.

Основная характеристика регулятивной функции на уровне сознания – его производительность. Поведение индивида реализуется как проявление его воли.

Знаковые системы, в том числе и язык, по Л. С. Выготскому, и являются теми «стимулами-средствами», «орудиями», при помощи которых человек овладевает своим поведением и своими ментальными процессами. Именно благодаря им создается возможность ментальной саморегуляции. Основным условием овладения своим поведением, ментально-поведенческими образами является общение с другими людьми.

Свое наиболее полное развитие коммуникативно-ментальная функция психики получает на уровне сознания.

Коммуникативная форма сознания формируется и развивается в процессе общения между людьми, которое является необходимой «составляющей» жизни общества. Она (функция) реализуется в процессах не только обмена знаниями, но также и взаимной регуляции поведения людей. Именно в общении формируется идеальный план деятельности (и поведения в целом) как ментальной, так и совместной. Общение существенно повышает адекватность опережаемого отражения.

Благодаря коммуникативно-ментальной функции сознания, индивид как бы освобождается от необходимости повторять в своем развитии тот путь, который прошло общество, т.е. ментальность отражает реальное развитие личности.

Таким образом, развитие ментальных процессов сознания, связанных с формированием особенностей личности, включает большое количество составляющих. Среди них можно выделить такие, как психоментальные, поведенческо-ментальные и др.

Развитие ментального сознания личности студента (курсанта) проходит ряд периодов, которые характеризуются активностью, направленной на предмет, способностью к рефлексии, самонаблюдению. Можно выделить следующие процессы и периоды развития ментального сознания.

- Переживаемый процесс, который характеризуется возникновением образов, вызванных осознанными раздражителями из внешнего окружения субъекта или самого субъекта.

- Идентификационный процесс связан с осознанием возникшего образа через сравнение с уже имеющимися в сознании образами по какому-либо признаку или свойству, в результате чего происходит установление их сходства или различия.

- Самоосознанный процесс проявляется в способности к рефлексии, самонаблюдению, т.е. к осознанию собственного сознания.

- Уникальный процесс характеризуется неповторимостью творческой деятельности, результат которой – создание новых материальных и духовных ценностей.

Чем выше уровень устойчивых процессов развития сознания личности, тем качественнее социальная модальность, выражающаяся в адаптированности, и тем сильнее проявлена способность в осуществлении психических процессов, в частности, в последовательной смене совокупности чувственных и умственных образов.

Качественная характеристика интенсивности возрастает, но по мере увеличения уровней устойчивых процессов изменяется в том плане, что чем выше уровень процесса, тем сильнее изменяется внешнее психическое состояние, качественно растет социальная активность, проявляющаяся в творчестве, волевых актах, общении.

Чем выше количественный процесс, тем более осознанное познание переживаемых, идентифицированных, самоосознанных и уникальных чувственных и умственных образов непосредственно предстает перед субъектом в его практической деятельности.

Чем выше сознательно действующая модальность, тем качественнее психическое отражение и тем осознаннее адаптация личности к окружающей действительности.

Под поведением понимается присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью. Поведение не всегда целенаправленно, не предполагает создание определенного продукта, носит зачастую пассивный характер.

Анализ проблемы поведения показывает, что поведенческие акты основаны как на психологических, так и на ментальных механизмах действия. В основе психологических феноменов поведения лежат такие виды поведенческих актов, как биостимуляторный ответ человека на активность внешних стимулов. Ментальные процессы поведения основаны на субъективно-переменном периоде, в основе которого лежат личностные аспекты индивидуального научения и источник познания, а также на взаимоизучаемом периоде, который раскрывает процесс приобретения системы умения, навыков и знаний, позволяющий адекватно отвечать на поведения других объектов и субъектов в соответствии с изменениями в их деятельности, в отношениях, общении, установках, интересах, в мотивах и потребностях. Таким образом, когда речь идет о психических процессах поведения, то имеется в виду, что в основе такого поведения лежат неосознанные или мало осознанные установки, потребности, коммуникативные особенности общенческих процессов. Особенности ментальных процессов обусловлены самоосознанными и осознанными периодами, целеустремленностью поведения. Все это свидетельствует о более высоком уровне регуляции ментальных процессов по сравнению с психическими.

При исследовании поведенческих актов нужно иметь в виду, что мы всегда имеем дело не с отдельными воздействиями, а с системой ментальных воздействий. В качестве причин того или иного поведенческого акта выступает, как правило, не отдельное событие, а социальная система событий или ситуаций. Ситуация, в которой осуществляется поведение, не сохраняется в неизменном виде. Напротив, она изменяется под влиянием поведения ментальной деятельности, благодаря чему возникают новые воздействия на субъекты. Влияние людей на свое собственное развитие и на свои состояния выступает не как непосредственное, оно опосредствуется реальными изменениями той ситуации, в которой живут люди.

Важным для раскрытия причинно-следственных связей в поведенческом акте является понятие «системообразующий фактор». Именно этот фактор определяет в каждом конкретном случае особенности ментального отражения предмета, средства и условия деятельности и поведения, а также уровень и динамику их регуляции.

В поведении людей в качестве системообразующего фактора могут выступать социальные мотивы, цели, задачи, установки, объективно-личностные отношения, эмоциональные состояния и т.д.

Существуют различные точки зрения (подходы) на проблему генезиса индивидуального и социального в ментальной типологии поведенческого акта.

Бихевиаристский подход акцентирует воздействие внешней среды как источника подкрепления, позволяет в основном понять, каким образом ослабевают одни формы ментального поведения и на их месте возникают другие.

Когнитивный подход основан на том принципе, что чувства и действия человека перестают соответствовать ситуации после того, как он начинает расшифровывать ситуацию, пользуясь иррациональными и потому неадекватными соображениями.

С точки зрения **гуманистического подхода** разные формы поведения возникают в результате несоответствия между «реальным Я» и глубинными чувствами человека, соответствующими его «идеальному Я». «Реальное Я» может не достичь соответствия «идеальному Я» – либо из-за того, что под давлением внешних обстоятельств курсант вынужден отказать себе в определенном жизненном опыте, либо потому, что он навязывает себе такие чувства, ценности и установки, которые только отдаляют его «реальное Я» от «идеального», то есть происходит рассогласование менталитета как системообразующего фактора.

Существуют разнообразные виды ментального научения.

Можно выделить три категории научения, различающегося по степени участия организма как целого. Речь идет соответственно о выработке:

- реактивного поведения;
- оперативного поведения;
- поведения, которое требует участия мыслительного ментального процесса в обработке информации.

Когда создаются новые формы **реактивного поведения**, организм пассивно реагирует на какие-то внешние факторы, и в нервной системе как бы незаметно возникают изменения нейронных цепей и формируются новые следы памяти. К таким типам научения относятся: привыкание и сенсбилизация, научения и условные рефлексы.

Оперантное поведение – это действия, для выработки которых нужно, чтобы организм активно экспериментировал с окружающей средой и таким образом устанавливал связь между различными ситуациями. Такие формы поведения возникают при научении путем проб и ошибок, наблюдения, а так же через формирование реакции.

К третьей группе относятся формы поведения, обусловленные когнитивным научением. Здесь речь идет об оценке данной ситуации с учетом прошлого опыта и возможных ее последствий. К такому типу научения можно отнести латентное научение, выработку навыков и особенности научения путем рассуждений.

Деятельность – динамическая система взаимодействия людей с миром, в процессе которого происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализации опосредованных отношений субъектов предметной действительности. Использование деятельности – отличительная черта отечественной психологической науки.

Деятельность – категория ментальная. Различные виды человеческой деятельности формируются и развиваются в процессе исторического развития общества. При всем своем своеобразии деятельность любого отдельного человека (индивида) включена в систему ментальных отношений. Вне этих отношений она вообще не существует. Как именно она существует – это определяется характером ментальных (прежде всего производственных) отношений, которые порождаются развитием производства и не могут реализовываться иначе, как в деятельности конкретных людей.

По своей структуре деятельность можно разделить на несколько уровней: психофизиологический, психологический, социально-психологический и социальный. Каждый выделенный уровень отличается тем, что он соответствует одному из уровней менталитета.

Ментальность деятельности находит свое выражение в следующих аспектах **активности субъекта**: в обусловленности психического образа прошлым опытом, по-

требностями, установками, эмоциями, целями и мотивами, определяющими направленность и избирательность деятельности, в личном смысле, придаваемом мотивами различным событиям, действиям и деяниям.

Всякая деятельность исходит из определенных мотивов и направлена на достижение определенных целей. Отношение «мотив – цель» – это своего рода вектор, задающий ментальную направленность и интенсивность. Для курсанта мотив выступает как непосредственная субъективно переживаемая побудительная сила, как непосредственная причина его деятельности.

Основой мотива является его потребность, то есть объективная необходимость. **Именно в потребностях, выступающих как объективная необходимость, нужно искать активность человеческой деятельности.** Мотив – это форма их субъективного отражения. При этом в мотивах отражаются не только индивидуальные потребности, но и потребности общества (социально-ментальные образы) [6, с.54].

Процесс овладения деятельностью и ее совершенствование развивается как бы по спирали. Сформированный вектор «мотив – цель» реализуется в деятельности (достигнутая цель), создает возможность перевода этого вектора на новый уровень, который также реализуется в деятельности, что создает новые возможности и т.д. В этом движении развивается способность человека, профессиональное мастерство, другими словами – менталитет личности в целом.

Деятельность может иметь различные уровни организации, зависящие от того, как она планируется. **Наиболее элементарный уровень – по «ориентирам».** В этом случае деятельность строится по принципу ответов на возникающие сигналы. Деятельность здесь подчинена ходу внешних событий. Если студент (курсант) действует по ориентирам, то это значит, что он фактически не имеет заранее обдуманного и четкого плана, этот вид деятельности больше напоминает акт поведения. В условиях, когда сигналы, требующие ответных действий, имеют случайный характер и возникают часто, деятельность становится весьма напряженной, иногда даже хаотичной. Такой уровень организации характерен для начинающих, неопытных курсантов.

Более высокий уровень – работа по образцу или по некоторому шаблону. При такой организации курсант имеет достаточно четкий, но стандартный (жесткий) план и стремится выполнять действия всегда в одном и том же порядке. Стандартный план обеспечивает более высокую эффективность и качество деятельности, чем работа по «ориентирам». Однако трудные условия, возникновение неожиданных событий могут дезорганизовать деятельность, протекающую по стандартному плану.

Наиболее высокий уровень – это планирование деятельности с учетом вероятности возникновения тех или иных событий (ментальное развитие образов и представлений). В этом случае курсант намечает общую стратегию деятельности, но без детализации, что дает возможность в зависимости от конкретных условий изменять характер и последовательность действий. Такой способ планирования необходим при выполнении сложных видов деятельности, например при ведении боя.

Вопрос о планировании деятельности имеет два важных аспекта.

Во-первых, при планировании (организации) деятельности нередко исходят из того, что студенту (курсанту) необходимо навязать жесткие и однозначные предписания, сделать его деятельность полностью алгоритмизированной. В этих условиях фактически исключается возможность планирования деятельности, курсанта принуждают работать по «ориентирам». Уже хорошо известно, что такая деятельность не является эффективной, быстро развивает утомление, студент (курсант) теряет интерес к служебно-учебной деятельности, снижается его надежность.

Во-вторых, как показывает опыт, если информация об управляемом процессе передается в форме, которая не дает возможности предвидеть его развитие, а, следовательно, планирование деятельности, то это часто приводит к ошибкам в работе курсанта. Поэтому для обеспечения надежной работы студента (курсанта) информация должна передаваться таким способом, который позволял бы не только оценивать текущее состояние объекта управления и среды, но и предвидеть возможные изменения.

Ментальный анализ деятельности студента (курсанта) показывает, что разработка принципов менталитета деятельности является одной из сложных задач исследования формирования разноуровневых деятельностных образов и представлений.

Как особый вид ментальной деятельности выступает общение.

Ментальная сторона общения связана с выявлением специфики информационного процесса между людьми как активными субъектами, то есть с учетом отношений между партнерами, их установок, целей, намерений, что приводит не просто к "движению" информации, но к уточнению и обогащению тех знаний, сведений, мнений, которыми обмениваются люди. Чтобы понять характер развития ментальных процессов общения, необходимо проанализировать классификации, присущие психологии общения. Наиболее обобщенная классификация выделяет три стороны общения: коммуникативную, интерактивную, перцептивную [7, с. 69-117].

Важной характеристикой коммуникативного процесса, помимо передачи информации, является намерение его участников повлиять друг на друга, воздействовать на поведение другого. Необходимым условием этого выступает не просто использование единого языка, но и одинаковое понимание ситуации, в которой происходит общение.

Интерактивная сторона общения представляет собой построение общей стратегии взаимодействия. Различают ряд типов взаимодействия между людьми, прежде всего кооперацию и конкуренцию.

Перцептивная сторона общения включает в себя формирование образа другого курсанта, что достигается "прочтением" за физическими характеристиками курсанта его психических свойств и особенностей поведения.

Анализ психологических особенностей общения показывает, что оно имеет как бы два уровня построения. **Первый уровень** связан с физиологической, психологической и социальной структурой общения, а **второй** – с ментальной, то есть в общении присутствуют две формы взаимодействий – первая связана с закреплением в материальных видах взаимодействия, а вторая, не закрепленная в материальных взаимодействиях, связана с видами жизнедеятельности личности и человеческих общностей, не закрепленных в материальных продуктах, а возникающих заново на разных этапах и периодах развития людей. **Менталитет, войдя в структуру индивидуального сознания, с большим трудом оказывается доступным рефлексии. Обыденное сознание проходит мимо феноменов менталитета**, не замечая их, подобно тому, как не заметен воздух, пока он при перепадах атмосферного давления не приходит в движение [4, с. 254].

Согласно мнению педагогов, психологов, социологов, одна из основных, широко распространенных норм человеческой культуры воплощается в совместной деятельности. Способность студента (курсанта) взаимодействовать с другими студентами (курсантами), сохранять активность и инициативу в условиях общей дисциплины зависит от структуры и типа активности менталитета будущего специалиста, от занимаемого места в группе и роли в совместной деятельности, в формировании и развитии ментальных взаимоотношений.

У студента (курсанта) как участника совместной деятельности должны формироваться особые, ментальные качества, от которых зависит согласованность действий. Считается, что главная линия согласования действий студента (курсанта) и группы – это наличие общих целей, принятие целей коллектива. Однако практика свидетельствует, что не всегда достигается реальное единство целей. В совместной деятельности возникают проблемы сработываемости, согласованности, ментальной совместимости людей. При наличии общей программы действий усилия каждого могут быть согласованы или не согласованы с усилиями всех (формирование совместнодействующих ментальных образов) [7, с. 138-151].

Совместная деятельность включает ряд специфических ментальных процессов и факторов. Неотъемлемой особенностью групповой деятельности, существенно влияющей на ее организацию, является подражание. Важнейшими внутренними ментальными факторами совместной деятельности является сотрудничество (взаимное содействие) и соперничество. Есть основание полагать, что соперничество и противодействие выполняют роль "катализатора" развития ментальных способностей, а сотрудничество оказывает существенное влияние на специализацию способностей разных участников.

Современная жизнь имеет множество особенностей. Технологические изменения привели к информационному взрыву. В таких условиях особое значение приобретает умение быстро принимать правильное решение. Хотя отдается предпочтение хорошо обдуманному решению, разнообразие форм и быстрый темп современной жизни часто не позволяют тщательно анализировать все относящиеся к делу "за" и "против". Все чаще студенты и курсанты вынуждены использовать другой подход к процессу принятия решений – подход, в основе которого лежат стереотипные способы поведения, вследствие

чего решение уступить (или согласиться, или поверить) принимается на основании отделимого, обычно заслуживающего доверия источника информации.

В учебно-профессиональной деятельности студента (курсанта) нередко возникают ситуации, когда между личными и общественными (служебными) интересами объективно нет соответствия, когда необходимо что-то делать, но для студента (курсанта) в этом нет психологической привлекательности, когда есть приказ, но нет собственной инициативы. Эти способности профессиональной позиции личности студента (курсанта) и составляют ментальные противоречия его труда.

В менталитете совместной деятельности субъектов реализуются отношения двух уровней: отношения, посредством которых складывается и функционирует коллективный субъект, и отношения его членов друг к другу. Эти ментальные отношения соотносятся таким образом: если группа существует как общность учащихся (что проявляется в совместной деятельности и формируется в ней), то на уровне отдельных ее членов преобладают деловые, профессиональные отношения, регулируемые при наличии противоречий и даже отдельных конфликтов. Если же группа представляет собой формальное объединение, то есть, не объединена в деятельности профессиональными задачами, то между ее членами возможны отношения: личные и безличные, конфликтные и дружеские. Но все они складываются стихийно [4, с. 30-32].

В соответствии с этими ментальными различиями каждый член группы строит свою стратегию, а руководитель – стратегию группы в целом. Одни группы ориентируются на менталитет усредненного студента (курсанта), то есть не учитывают индивидуальность личности, ее особенности, возможности: другие строятся с учетом перспективы роста ментальности каждого, развития его особенностей. При последней форме организации группы материальные ресурсы направляются на профессиональный рост одного, воспитание другого, на обучение третьего, а это, в свою очередь, является основным условием роста активности менталитета каждого участника совместной деятельности [7, с. 37].

Таким образом, действия студента (курсанта) строятся не соответственно предмету и задаче. Студент (курсант) подстраивает выполняемое им ментальное действие к действию других студентов (курсантов) (оценка своего ментального образа с точки зрения менталитета группы).

Согласно принципу социального доказательства, студенты (курсанты), для того чтобы решить, чему верить и как действовать в данной ситуации, ориентируются на то, чему верят и что делают в аналогичной ситуации другие студенты (курсанты). Склонность к подражанию обнаружена не только у детей и юношей, но и у взрослых. Эта склонность проявляется при совершении самых разных действий, таких как принятие решения. Принцип социального доказательства может быть применен с целью побудить студента (курсанта) подчиняться тому или иному требованию; при этом данному студенту (курсанту) сообщают, что многие товарищи (чем больше, тем лучше) соглашались или согласились с этим требованием.

Вторым фактором, при наличии которого принцип социального доказательства оказывает действенное влияние, это сходство. Студенты (курсанты) в большей степени склонны следовать примеру тех, кто на них похож.

Среди подходов определения менталитета, кроме ментально-деятельностного, можно выделить еще два: социологический, или культурно-исторический, и информационно-психологический подход.

При социологическом, или культурно-историческом, подходе из поля зрения исследователя выпадают психологически детерминированные отношения человек-среда, составляющие базу для отношений, детерминированных социально: религия, политика и др. Подобный подход позволяет постичь объективное рациональное в менталитете. Однако этот подход не приближает к постижению столь же объективного бессознательного в психологии.

Продуктивным в изучении бессознательного в менталитете этносов может быть **информационно-психологический подход.** Во-первых, он позволяет выявить и измерить глубинные детерминанты профессионального поведения, и, во-вторых, он сопрягаем с информационным подходом к изучению и реализации деятельности.

Над психологическими особенностями восприятия мира надстраиваются стереотипы поведения. Закрепленные в психике, детерминированные природной средой, особенности восприятия мира накладывают отпечаток не только на становление отношений че-

ловека с неодушевленными предметами – ассимиляцию, но и на становление отношений с себе подобными – социализацию.

Менталитет профессиональной деятельности в ходе ее становления и дальнейшего развития не остается неизменным и застывшим. Но чрезвычайно важно отметить, что в профессиональном становлении специалиста, в динамическом развитии его мотивационной сферы, профессиональных установок, ценностных ориентаций, понимания своей статусной роли, менталитет обладает относительной самостоятельностью, репрезентативностью, имеет свою логику формирования.

Ментальность профессиональная определяется интересами личности к определенной деятельности, социальными установками на актуализацию своих потенций, развитие их в процессе своей деятельности, осознание своего социального статуса и идентификацию его с Я-реальным, Я-достигнутым, Я-перспективным.

Процесс формирования профессионального менталитета студента (курсанта) обуславливается синтезом, с одной стороны, возможностей, способностей и активности личности, а с другой стороны, требований деятельности, определяемых особенностями содержания, средств, условий, организации. На основе этого синтеза, включения курсанта в учебно-служебный процесс формируется субъект деятельности.

Профессиональное становление предусматривает включение студента (курсанта) в новую социальную среду со своими нормами общения, поведения, ценностями. Межличностные отношения, складывающиеся в профессиональном коллективе, во многом определяют профессиональный менталитет. Поэтому в состав профессионального менталитета могут быть включены социально-психологические особенности, определяющие место студента (курсанта) в профессиональной группе, его социальный статус.

Наиболее благоприятным период для оказания влияния на студента (курсанта) на ментальном уровне является начальный период обучения. Указанный период имеет отличительные характеристики состояния и отношений студента (курсанта) к учебе и выполнению общественных обязанностей. Как показало исследование, такими характеристиками являются: сравнительная стабильность реакций и отсутствие конфликтности в поведении, высокая дисциплинированность, исполнительность; высокий уровень интереса к деятельности в новых условиях; относительная хорошая результативность и удовлетворенность деятельностью; устойчивость физического состояния и общей работоспособности; повышенная чувствительность к внешним требованиям, обусловленная спецификой вузовской и воинской деятельности; конформность поведения, склонность, прежде всего, ориентироваться на социальное одобрение и принятые в новой среде нормы; полное доверие к внешней информации и направленность только на лучшее выполнение всех поступающих извне указаний и высокая эффективность внешних воздействий.

Резкое изменение в связи с поступлением в высшее учебное заведение условий деятельности и всей системы отношений со средой на какое-то время дезорганизует усвоенные ранее стереотипы реагирования и поведения юноши. Все привычные ответы на внешние воздействия в большинстве случаев становятся неэффективными. Студент (курсант) поневоле ищет новые приемы и вынужден с большим, чем обычно, вниманием и доверием обращаться к внешней информации, исходящей от наиболее значимых для него в новой ситуации лиц.

Практика свидетельствует, что недостаточный учет и неэффективное использование, внутренней готовности начинающих студентов (курсантов) в этот период крайне трудно компенсировать в дальнейшем, и они могут неблагоприятно сказаться на всем процессе формирования профессионального менталитета у будущего офицера.

Но, как показывает исследование, уже через несколько месяцев по мере быстрого угасания новизны и все большей индивидуализации трудностей (начинают сказываться сугубо индивидуальные черты характера, собственного воспитания и учебной подготовки), накопления неудовлетворенности жизнедеятельностью происходит актуализация ранее зафиксированных установок, и тогда курсант оказывается перед необходимостью решать проблемы соотношения внутреннего и внешнего на другой основе.

Анализ научной литературы позволил определить в исследовании процесса формирования менталитета студентов (курсантов) высших учебных заведений **концептуальные позиции, суть которых сводится к следующему.**

Во-первых, формирование профессионального менталитета студента (курсанта) тесно связано с его развитием как личности. Ментальное пространство шире профессионального и существенно влияет на него. Личность человека обычно оказывает позитив-

ное влияние на выбор профессии, на ход профессиональной адаптации, поддерживает профессиональное мастерство. Личность может и препятствовать становлению профессионала в будущем специалисте (отсутствие трудолюбия, неразвитость общечеловеческих способностей, добротных мотивов и др.). Вместе с тем профессиональные качества студента (курсанта) по мере становления начинают оказывать обратное (позитивное или негативное) влияние на личность; успехи в профессии стимулируют личность, а несостоявшийся профессионал – это нередко угасающая личность.

Во-вторых, развитие профессионального менталитета студента (курсанта) осуществляется не изолированно, а всегда под ведущим воздействием макросферы (социально-экономических условий, политики, идеологии, морали общества) и микросферы (конкретного курсантского коллектива). При наличии объективных фактов активная позиция курсанта имеет решающее значение в процессе его профессионального становления, овладения опытом.

В-третьих, развитие профессионального менталитета студента (курсанта) возможно только в учебно-служебной деятельности.

В-четвертых, развитие профессионального менталитета студента (курсанта) - это сложный и противоречивый процесс, требующий от преподавателя большого интеллектуального и эмоционально-волевого напряжения, но это и управляемый процесс.

В-пятых, наиболее способствуют развитию профессионального менталитета студента (курсанта) такие черты личности, как следование профессиональной этике, индивидуальная социальная ответственность, внутренний локус контроля (стремление видеть причины событий своей жизни в себе, а не во внешних обстоятельствах), помехоустойчивость, смысловторчество (способность находить новые позитивные смыслы в своей жизни и работе), внутренняя диалогичность личности, адекватная самооценка и готовность к дифференцированной оценке уровня своего профессионализма.

В-шестых, развитие профессионального менталитета студента (курсанта) означает появление новых качеств в психике, которые раньше отсутствовали или имелись, но в другом виде (например, ряд профессиональных способностей вырастает из общечеловеческих качеств), а также возникновение у него новых видов профессиональной деятельности и профессионального общения, не существующих ранее. Значит, становление профессионала есть «приращение» к психике человека, ее обогащение.

В-седьмых, развитие профессионального менталитета курсанта является динамичным процессом. Этот процесс зависит от внешних условий: изменяется сама профессия, требования общества к ней, меняется соотношение данной профессии к другим профессиям; может преобразовываться мотивационная сфера военной деятельности и ее менталитет, духовные ценности: перестраивается операциональная сфера при проявлении новых технологий; структурные компоненты профессиональной деятельности и профессионального общения (средства, условия, результаты) могут меняться местами – то, что было условием, становится результатом. Развитие профессионального менталитета курсанта зависит и от внутренних условий: изменяются представления будущего офицера о профессии, критерии оценки самой профессии офицера, профессионализма в ней, а также критерии оценки профессионализма в себе. Неучет этих динамичных процессов опасен для будущего профессионала. Проигрывают в жизни те офицеры, которые пытаются упрямо применять в своей профессиональной деятельности каноны, усвоенные ими в учебных заведениях десятилетия назад, не учитывая изменения запросов общества к их профессии, духа времени.

В-восьмых, это многоэтапный процесс постепенного наращивания профессионального потенциала студента (курсанта) от отдельных элементов до системы, в ходе которого осуществляется большей частью развитие у молодых людей профессиональных свойств и качеств, умений и способностей.

Развитие профессионального менталитета студента (курсанта) осуществляется на базе тех установок, психических функций и свойств, качеств и образований, которые сложились у него в предшествующий период жизни.

В-девятых, профессионалом можно считать будущего специалиста, который овладел нормами профессиональной деятельности, общения и осуществляет их на высоком уровне, добиваясь профессионального мастерства, соблюдая профессиональную этику; который изменяет и развивает свою личность и индивидуальность средствами профессии; который стремится и умеет вызвать интерес к результатам своей профессиональной деятельности, гибко учитывает новые запросы общества к профессии.

Становление будущего специалиста не заканчивается полным и окончательным формированием личности профессионала-мастера, а является лишь его важнейшим промежуточным этапом. Хотя конкретно выраженной границы между становлением и зрелостью не существует. Можно говорить лишь в плане различных степеней знаний, опытности. Однажды и на всю жизнь овладеть избранной профессией нельзя.

Библиографический список

1. *Гершунский, В. С.* Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций) [Текст]. – М.: Совершенство, 1998.
2. *Гуревич, А. Я.* Проблема ментальности в современной историографии [Текст] // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – Вып. 1. – М.: Просвещение, 1989.
3. *Дубов, И. Г.* Феномен менталитета, психологический анализ [Текст] // Вопросы психологии. – 1993. – № 5.
4. *Дудецкий, А. Я., Лустина, Е. А.* О преобразовательной ментальности школьников в доперестроечный и послеперестроечный период [Текст] // Социально-психологические проблемы ментальности на рубеже столетий. – Смоленск, 2000.
5. *Душков, Б. А.* Психосоциология менталитета и нооменталитета. Учебное пособие для вузов. Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
6. *Иванников, В. А.* Психологические механизмы волевого регулирования [Текст]: Дис. ... д-ра психол. наук. – М.: МГУ, 1988.
7. *Кричевский, Р. Л., Дубовская, Е. М.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты [Текст]. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
8. *Ломов, Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии [Текст]. – М.: Наука, 1994.
9. *Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г.* Основы теоретической психологии [Текст]. – М.: Наука, 1998.
10. *Смирнова, Н.* Социокультурные факторы динамики российской ментальности [Текст] // Свободная мысль. – 2007. – № 6. – С. 60-71.

Статья поступила в редакцию 27.04.2011.

ТРАВНИКОВ Юрий Львович – преподаватель Ярославского высшего зенитного ракетного училища ПВО (военный институт).

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

УДК 378

А. А. Шингарёва

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

В статье рассматривается влияние процесса профессиональной социализации личности студента в условиях вуза на формирование ценностных ориентаций, как поэтапного и комплексного процесса развития, достижения успеха во всех аспектах учебной и внеучебной деятельности.

Ключевые слова: *ценностные ориентации, социализация, профессиональная социализация, социокультурная среда вуза.*

Как и психологи, социологи отмечают, что ценностные ориентации – продукт социализации индивидов, то есть освоения общественно-политических, нравственных, эстетических идеалов и непреложных нормативных требований, предъявляемых к ним как к членам данных социальных общностей. В ситуациях нравственного выбора ценностные ориентации являются опорными критериями принятия личностью жизненно важных решений [1, с. 444].

Ценностные ориентации формируются при усвоении социального опыта и обнаруживаются в целях, идеалах, убеждениях, интересах с оценочным отношением и других проявлениях личности. В основе отношения человека к объектам окружающей действительности лежит его оценка, выражающая способность этого объекта удовлетворять потребности, интересы или цели человека. Таким образом, ценностные ориентации являются лишь компонентом более сложной структуры отношений личности к условиям ее существования и деятельности [2, с. 237].

Человек рождается как биологическое существо, становится он личностью, усваивая социокультурный опыт поведения, который передаётся в процессе воспитания и развития личности от одного поколения к другому, в процессе социализации. Прививание личности основных культурных особенностей, норм, навыков, умений, ценностных ориентаций и реализация личности в обществе это и есть процесс социализации.

Андреева Г. М. рассматривает процесс социализации, как двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [3].

На различных стадиях социализации индивида большую роль играют социальные институты, то есть конкретные группы, в которых личность приобщается к системам норм и ценностей и которые выступают своеобразными трансляторами социального опыта. Следует отметить, что основы социализации человека закладываются в первую оче-

редь в семье. Именно в семье дети приобретают первые навыки взаимодействия, осваивают первые социальные роли, осмысливают первые нормы и ценности.

Также большую роль в процессе социализации отдают институту школы. Школа обеспечивает ученику систематическое образование, которое само есть важнейший элемент социализации, но кроме того, школа обязана подготовить человека к жизни в обществе и в более широком смысле. По сравнению с семьей школа в большей мере зависит от общества и государства, хотя эта зависимость и различна в тоталитарных и демократических обществах. Но так или иначе школа задает первичные представления человеку как гражданину и, следовательно, способствует его вхождению в гражданскую жизнь. Школа расширяет возможности ребенка в плане его общения: здесь, кроме общения со взрослыми, возникает устойчивая специфическая среда общения со сверстниками, что само по себе выступает как важнейший институт социализации.

Различные социальные институты, с которыми сталкивается человек в процессе своей трудовой деятельности, предполагают, прежде всего профессиональную социализацию.

Профессиональная социализация является поэтапным и комплексным процессом. Начинаясь на этапе выбора профессии, закрепляется в процессе получения образования по выбранной специальности и продолжается после учебы в период профессиональной деятельности. Профессиональная деятельность напрямую зависит от тех знаний умений и навыков, которые будущий специалист получит во время учебы, здесь же формируются зачатки профессиональной идентичности [4].

На формирование ценностных ориентаций личности большое влияние оказывает образование, учебное заведение. Именно в вузе студент проводит большую часть своего времени, усваивает и приобретает необходимые знания и навыки.

Среда вуза представляет собой духовное пространство, в котором происходит взаимообмен общечеловеческими ценностями, и в связи с этим вуз является значимым условием формирования ценностных ориентации личности студента как будущего специалиста [5].

Как отмечает А. М. Осипов, «высшее образование есть не только процесс и результат профессиональной подготовки специалистов, но и сложная общественная сфера с присущими ей функциями, формальными и неформальными организациями, ценностями и способами деятельности, устойчивыми внутренними и внешними связями, в которой в совокупности и реализуются различные формы социализации» [6, с. 96]. Высшая школа должна включать совокупность норм, ценностей, различных областей знаний, субкультур, то есть включать ту социокультурную среду благодаря которой студенты смогут усваивать основные ценности и активно действовать в общественной жизни.

Социокультурная среда вуза - это сфера жизнедеятельности студента, которая объединяет все важнейшие детали его повседневной жизни, общения, в том числе и события, важные не только для него как отдельной личности, но и для всей страны, мира. Она отражает структуру многообразных взаимодействий человека в системе «человек-среда». Развитие личности молодого человека, его ценностных ориентации во многом зависит от того, как протекает его взаимодействие с социально-культурной средой вуза. Это взаимодействие оказывает влияние на его самостоятельный выбор тех или иных жизненных ценностей [7].

В социальной психологии личность рассматривается как взаимодействующий и общающийся субъект. Все приобретенное личностью в процессе социализации, все сформированные у нее социальные установки не являются чем-то застывшим, но подвергаются постоянной коррекции, когда личность действует в реальном социальном окружении, в конкретной группе. Роль реальной, конкретной группы очень велика: социальные детерминанты более высокого порядка (общество, культура) как бы преломляются через ту непосредственную инстанцию социального, каковой выступает группа [3]. Следовательно, можно говорить, что на формирование ценностных ориентаций влияет группа, в данном случае – это студенческий коллектив, однокурсники, друзья, те люди с кем большую часть времени проводит студент. В каждой группе, коллективе, вырабатываются свои нормы, правила поведения, ценностные ориентации, каждый член группы принимает их. Так студенты находятся постоянно в процессе общения, решают общие задачи, проблемы, разделяют свои взгляды и принимают другие нормы и ценности коллектива.

Поэтому большую роль играет участие учебного заведения в организации учебной и внеучебной деятельности студента.

Также большое влияние на формирование ценностного мира студентов оказывает преподаватель. Преподаватель – это субъект, осуществляющий учебно-воспитательную деятельность в учреждениях профессионального образования. За простотой представленного определения скрывается значительная сложность. Особенность деятельности преподавателя высшей школы заключается в том, что эта деятельность является сложноорганизованной и состоит из нескольких взаимосвязанных между собой видов, имеющих общие компоненты. В зависимости от реализации различных видов деятельности, преподаватель вуза осуществляет педагогическую, научно-исследовательскую, профессиональную (по базовой специальности), административно-хозяйственную, управленческую, коммерческую и общественную деятельность [8].

Поэтому в настоящее время уделяется особое внимание компетенциям профессорско-преподавательского состава. Образ жизни преподавателя, его мировоззрение, его положение в коллективе, его результаты работы оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций у студентов. Также в формировании ценностного мира студентов оказывают как профессиональные компетенции преподавателя вуза, так и индивидуальные качества личности такие как целенаправленность, активность, трудолюбие.

Определённое влияние на формирование ценностей в условиях вуза оказывает активная деятельность студента в учебно-познавательной, социально-культурной и внеучебной деятельности вуза. Формами социально-культурной деятельности студентов в вузе, направленной на формирование ценностных ориентации, можно считать все мероприятия, проводимые университетом с целью повышения культурного и образовательного уровня студентов. Университет организует лекции, научно-практические конференции и творческие встречи с ведущими деятелями науки, культуры и искусства, экскурсии, познавательные туры, в процессе которых студенты не только повышают свой образовательный потенциал, но и достигают определенного культурного уровня.

Креативными, творческими формами социально-культурной деятельности студентов в университете являются организация и проведение различных культурно-просветительских мероприятий. Они проводят экскурсии по городу, различным музеям и выставкам, сами организуют тематические выставки, клубы по интересам, конкурсы, научные конференции и т. д. Данный вид деятельности является основополагающим в развитии личности студента, формировании ею ценностного мира. Способность к творчеству является необходимым условием всестороннего развития личности. Именно в процессе креативной, творческой деятельности студента проявляются его потребности и интересы, на основе которых происходит формирование его ценностных ориентации.

Коммуникационная деятельность направлена на распространение приобретенного опыта и знаний в ходе других форм социально-культурной деятельности. Студенты проводят встречи с выпускниками школ, гимназий, колледжей, организуют и проводят праздники для детей и других групп населения и т. п. Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование ценностных ориентации, следует считать культурно-досуговую деятельность. Студент организует свободное от учебной деятельности время согласно своим интересам, ориентациям. Кроме того, досуг является показателем сформированности ценностной системы студента. То, как студент проводит свое свободное время, свидетельствует о его ценностных ориентациях и жизненных интересах [8].

Исходя из вышеизложенного можно говорить о том, что на формирование ценностных ориентаций личности, определённое влияние оказывает профессиональная социализация, как поэтапный и комплексный процесс развития, достижения успеха во всех аспектах учебной и внеучебной деятельности. Ценностно-смысловая сфера студенчества формируется под влиянием всех социальных институтов и является отражением процессов, происходящих в обществе.

Библиографический список

1. Краткий словарь по социологии [Текст] / Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; Сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. – М.: Политиздат, 1988. – 479 с.
2. Краткий словарь по социологии [Текст] / Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; Сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. – М.: Политиздат, 1988. – 479 с.
3. *Андреева, Г. М.* Социальная психология [Текст]. – 3-е изд. – М.: Наука, 1994.

-
4. Воробьева, И. В. Профессиональная социализация будущих специалистов социальной работы: вопросы результативности [Текст] // Социальная политика и социология. – 2006. – №4. – С. 62-71.
 5. Готовцева, Н. Г. Формирование ценностных ориентаций студентов посредством лично-отно- профессиональной самоактуализации в вузе [Текст] // Мир образования - образование в мире.– 2009. – № 4. – С. 179-181.
 6. Осипов, А. М. Общество и образование [Текст]. – Новгород, 1998.
 7. Панкова, Л. И. Основные факторы формирования ценностных ориентаций студенческой молодёжи в социокультурном пространстве вуза [Текст] // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. –2006. – № 6. – С. 104-107.
 8. Матушанский, Г. У., Фролов, А. Г., Завада, Г. В. Определение профессиональных и базовых компетенций преподавателя высшей школы [Текст] // Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики. – 2006. – № 9-10. – С. 70-77.
 9. Антипова Л. А. Педагогические технологии успешной адаптации личности студента в процессе обучения в вузе [Текст] // Казанский педагогический журнал. – 2008. – № 2. – С. 52-56.

Статья поступила в редакцию 27.04.2011.

ШИНГАРЁВА Александра Андреевна – ассистент кафедры Гуманитарных и социально-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (филиал в г. Находке).

УДК 7.01

Ю. Н. Марочкина

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СИМВОЛА

В статье рассматриваются различные определения символа, выделяются его признаки и принципы, проводятся отличия между символом и знаком. Также затрагивается вопрос о знаковости и образности в сущности символа.

Ключевые слова: символ, знак, образность, знаковость, многозначность, загадочность, трансцендентный.

Символ... символизм... Что кроется за этим? Какие тайны привносят в мир эти понятия? На протяжении многих веков люди с помощью символических видений пытались объяснить окружающую действительность, природные явления, законы, по которым существует все вокруг и, наконец, свои мысли, чувства и переживания. Но что же тогда то, посредством чего люди пытаются выразить свои мысли и объяснить реальность?

При первом взгляде на данное явление можно с уверенностью утверждать, что символ всегда скрывает какую-либо тайну, раскрыть которую можно, лишь обладая определёнными знаниями. Именно эта неизвестность и привлекает в символе, заставляя созерцателя обращаться к историческому прошлому для его понимания. Символ – это всегда знак, отправная точка пересекающихся плоскостей различных граней. Невозможно познать его, познав лишь единственную из них. Овладение одной из них ведет за собой логическую цепочку развёртывания сущностей других, которые могут быть прямо противоположны по смыслу, что делает их взаимодополняющими, и даже преобразовывающими друг друга. «Символический. Прознаменательный, прообразовательный, изображательный, содержащий в себе символ; говорится о таких знаках или видах, кои изображают нечто скрытое или по крайней мере темное и мистическое или таинственное» [7;655]. Символ приравнивается к знаку (всякий символ есть знак, но не всякий знак есть символ), имеющему содержание нравственное, духовное, но несущий на себе отпечаток материального, природного мира. Символ изображает реальность заданным знаком, образом, смысл которого заключается в таинственности и загадочности. В этом случае отпадает необходимость вообще использовать термин «символ», так как ему полностью синонимичен другой – «знак». И все что в смысловых заключениях подпадает под область загадочности, относится к изображению посредством знака, получается не символическое, а знаковое изображение реальности. Каким образом разграничить данные понятия с целью наиболее правильного их использования в теоретическом аппарате? Думается, ответ можно найти путем анализа и сравнения объективных и субъективных начал данных явлений.

«Символизм – изображение действительных явлений, мыслей, чувств и отвлеченных понятий в символах, т.-е. в чувственных образах, условно принимаемых за то, что хотят ими выразить. Символь – образ, знак, условно принимаемый за изображение к.-н. иного действительного явления, чувства, мысли или же отвлеченного понятия» [8;354]. В данном определении происходит отождествление символа со знаком, образом, но расширяются отражательные первопричины, к коим могут относиться не только мир природный (материальный), но и эмоциональные, чувственные и разумные свойства, то есть выделяются субъективные и объективные стороны возникновения символических форм. К объективным относятся «действительные явления», под которыми можно понимать как отражение природных проявлений, так и действий со стороны человека. К субъективным сторонам относятся эмоциональные и разумные качества человека, с помощью которых он познает и преобразовывает окружающий его мир, иногда выражая

эти преобразования с помощью символов, знаков. Возникновению же подобных символических форм способствуют условные связи между символом, знаком и причинами, его порождающими – субъективных и объективных начал. Эти связи вбирают в себя лишь отдельные смысловые компоненты отражаемого и отражающего, зачастую лишь намекая на них отвлечённым понятием из совсем других видовых категорий. Подобная структурная система несёт в себе бесконечное количество интерпретационных свойств рассматриваемого понятия «символа». Именно подобный «намеком», который может быть как явным, так и скрытым, и относится к субстанции загадочности символа. «У католиков нет символизма, т.к. католическая литургия не обладает признаком тайны, это зрелище, открытый алтарь. Важнейшее – в тайне» [10;314].

Вариативные свойства символа, раскрывающиеся в его толковании, являются прямым результатом, прежде всего, отражения предметной, внешней его составляющей, но существуют и иные проекции. «Символь, гр. Symbolon. Символомъ называется вообще: 1) олицетворение предмета отвлеченнаго въ виде предмета видимаго...» [6;269]. Здесь затрагивается важная составляющая – намёк на другое значение, нежели буквальное понимание. Символ может быть определён посредством так называемого среза нескольких значений: смысловая составляющая образного представления вбирает в себя элементы из реестра возможных смыслов, что накладывает невидимый, но довольно весомый отпечаток на трактовку символа. Символ – это сокращение, перечень, полная картина, сущность в немногих словах или знаках; картинное изображение, и вообще «чертами, резами, знаками, с переносным, символическим иносказательным значением» [9;190], то есть символ может выражаться как в единице языкового построения (слове), так и в единице образного выражения (знаке). Приравнивание символа к категории, которая содержит в себе и образ и знак, можно найти у С. С. Аверинцева: «Символ художественный (греч. *σύμβολον* – знак, опознавательная примета) – универсальная категория эстетики, лучше всего поддающаяся раскрытию через сопоставление со смежными категориями образа, с одной стороны, и знака – с другой» [2;826]. Образность заключается в визуальной форме символа, а знаковость – в его трактовке. В каждом конкретном символе образность – это единичное проявление в отличие от множественности знаковости (имеется в виду количество смыслов в символе, а не количество знаков, указывающих на символ). При истолковании символической единицы отпечаток образа накладывается на каждое вариативное значение, имеющие право на самостоятельное существование. «Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении...». Он многолик, многосмыслен и всегда темен к последней глубине» [3;54]. Подобное многообразие говорит о возможности как сходства, так и полного противопоставления значений относительно образа и друг друга. «...Свобода от императива эмоциональной гармонии между означающим и означаемым, тяготение к замене связи по эмоциональному соответствию связью по эмоциональному контрасту. Может быть, лучше было бы назвать это взаимно эмоциональной непроницаемостью означающего и означаемого» [1;300]. Помимо эмоциональной составляющей, которая помогает понять тот или иной символ, всегда присутствует и не малое интеллектуальное начало, первостепенным образом оказывающее влияние на смысл. В этом случае между символом и воспринимающим субъектом возникает «символическая структура» (термин С. С. Аверинцева), которая посредством внутренней связи ее элементов раскрывает историческую подоплёку рождения рассматриваемого символа и влияет на индивидуальную трактовку.

Итак, символ – это знак, внешний вектор направления к его смыслу, обладающий загадочной, неизвестной сентенцией, но означает ли это обратную связь: от смысла знака к смыслу символа и как в таком случае разграничить эти два понятия? Символ передает посредством своего существования идею, систему категорий и умозаключений воспринимающего, выстроенных по пути следования от внешней формы к внутреннему содержанию. Знак образно, в силу своего материального очертания, лишь задает траекторию смыслового следования содержащейся в нем идеи, которая интерпретирует символ в огромном информационном поле, отсюда многозначность символа. Существуют ли границы подобного существования данной многозначности? Символ приравнивается к знаку, знаковому выражению, «символ же и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый *текст* (выделение Лотманом), т.е. обладает некоторым единым замкнутом в себе значением и отчётливо выраженной границей, позволяющей

ясно выделить его из окружающего семиотического контекста» [5;192]. Понятие текста в данной дефиниции может звучать как отвлечённая категория, говорящая лишь о том, что она имеет четко определённые границы и единое значение. В данном случае значение, трактовка символа должна чётко вписываться в ясно обозначенные границы его наглядности. Но существуют символы, внешние проявления которых никоим образом не связаны с его смысловыми значениями. Это первая причина, ставящая под сомнение утверждение о существовании границы смысловой многозначности выявляемого понятия. Второй причиной выступает субъективная сторона возникновения символических форм, о которой речь велась выше. То есть всевозможные существующие символы условно можно выстроить в определенную систему, задать классификацию, которая будет обладать принципом системности: существования отдельных элементов лишь во взаимосвязи. Подобных идей придерживался и П. Флоренский, который указывал на закон концентрации символов, «закрывающийся в том, что отдельные символы *etc.* имеют тенденцию сливаться, сочетаться в сложные многообразные группы, причем противоречивость или, во всяком случае, неисходность символов *etc.* уравнивается, «темперировается» [10;424]; на принцип перманентности в их употреблении. Последний на примере математических символов подразумевает то, что символы образуют систему, одно целое, «с которым каждый символ связан неразрывным образом» [12;494-495]. Взятые отдельно, они не имеют никакого смысла. Отсюда безграничность многозначности символа, потому что как только субъект переходит к его трактовке, мгновенно всплывают усложнённые структурные связи: смысл одного символа может находиться в смежном положении по отношению к смыслу другого, что ввиду такого соприкосновения рождает новые вариационные существенные связи, и так до бесконечности. Подобное обновление системы происходит лишь при условии немалой эрудированности воспринимающего субъекта.

Помимо указанных выше принципов, по которым существуют символы, можно выделить и принцип историчности. История человечества, отдельных наций, государств, личности складывает огромный багаж знаний в многоликие системы символов, позволяя широко использовать подобные знания для трактовки отдельных символических единиц.

Многозначность символа через толкование может пониматься не только как существование многочисленных значений, но и как двойственная его природа в единичном наличии. То есть при толковании заданного символического параметра он может пониматься не более чем одним или двумя смыслами. Но иногда можно говорить не только о горизонтали развертывающегося интерпретационного поля, но и о вертикали материального и духовного, что является другой стороной двойственности. Подобных утверждений придерживался русский священник Павел Флоренский («Слово Флоренского – символ, т.е. оно всегда еще что-то» [13;10]), в качестве примера приводя отрывок из Скрижали 1656 года: «Храм убо дом Божий есть; аще и создан есть каменми и древесы... Что являет слово? Являет, яко посвятися Богу ..., и есть дом Самаго Бога, и Той обитает в нем: и раб Его, имже именовася, ту обитает в нем, яко во всеом жилищи, и душею приходит тамо невещество...» [10;516-517]. Слово являет в себе как божественную (духовную) составляющую, так и мирскую сущность; храм – это и дом Божий, и архитектурное строение. Несмотря на религиозную направленность данных суждений, в них чётко прослеживается существование не только материальной, но и духовной, высшей сущности в вещах. «Под символом можно разуместь всякую реальность, которая несет в своей энергии энергию другой, высшей по ценности, по иерархии реальности; тем самым эта первая является носительницей, окном в высшую реальность, и с раздроблением низшей меркнет свет и высшей, не сам по себе, а поскольку закрывается окном» [12;477-478]. Символ уже не знак и не образ, а реальность, которая может быть представлена в разном обличье, несущая в себе отпечаток высшей реальности, нематериальной, духовной, божественной. Символ – это сосуществование высших и низших, видимых и невидимых начал. «Символ есть такая реальность, которая будучи сродной другой изнутри, по производящей ее силе, извне на эту другую только похожа, но с нею не тождественна» [11;424]. Реальность представляет связанную систему символов, но каждая единица внешне разобщена от системы.

Но какая же реальность первична по отношению к возникновению символа? «...К сущности символа относится то, что никогда не является прямой данностью вещи, или действительности, но ее заданностью, не самой вещью, или действительностью, как по-

рождением, но ее порождающим принципом, не ее предложением, но ее предположением, ее полаганием» [4;12]. Другая реальность – это некий порождающий принцип, который не задает символ, а указывает на отдельные его свойства, что позволяет сказать о нераздельности существования в символе формы и смысла, материальных и духовных начал. «Должно быть в вещи нечто, в чем реальность, вся насквозь динамичная, непосредственно раскрывается как смысл, так что символичность и реальность не приставлены друг к другу, а составляют одно живое двуединство, ... вещь объявляется и как реальность, и как смысл, оплотневая на одной стороне и стончаясь в универсальное понятие на другой» [10;279]. Но с точки зрения возникновения символа первоестественную важность задает его смысл, синтезирующее и кумулятивное свойства по накоплению информации которого влияет на форму. Если речь идет о толковании, то здесь необходимое внимание следует уделить, прежде всего, образу, знаку, то есть внешней ипостаси. Отсюда возникает следующий вопрос: почему материальная форма конкретного символа единична, в то время как духовная многочисленна, почему символ не может обладать единственным значением? Это обуславливается тем, что символ – это единственная образно-смысловая категория, позволяющая рассуждать с разнообразной вариативностью предположений, позволяющая отталкиваться от привычного восприятия и понимания вещей, зависящая от интеллектуального развития человека и его духовной сущности. То есть символ – это связь обыденного с неизвестным, которая осуществляется через поиск новых идеалов и стремлений в мире видимом через мир неосознаваемый, трансцендентный. Причиной этому могут служить размышления о смысле жизни, о возможности наличия каких-либо высших знаний, доступных не каждому, приобщение к ним, попыткой объяснить мир.

Таким образом, символ – это образно-смысловая сущностная сторона означаемого, обусловленная внешней знаковою и обладающая многовариативными выражениями означаемого.

Подводя итог вышесказанному, необходимо обозначить следующее:

- символ – это всегда знак, но не каждый знак – символ;
- в символе присутствуют две составляющие: образность и знаковость, которые могут быть как тождественны, так и противоположны;
- символ имеет эмоционально-интеллектуальную природу;
- символ многозначен и трансцендентен;
- символ отвечает принципам системности, концентрации, перманентности и историчности;
- символ – это всегда попытка выявить новые ориентиры в понимании сущности вещей.

Библиографический список

1. *Аверинцев, С. С.* Заметки к будущей классификации типов символа // Проблемы изучения культурного наследия. – М.: Наука, 1985. – 398 с.
2. *Аверинцев, С. С.* Символ художественный // Краткая Литературная Энциклопедия. – Т.6. Присказка – «Советская Россия». Гл. ред. А. А. Сурков – М.: Советская Энциклопедия, 1971. – 1040 с.
3. *Аверинцев, С. С.* Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст-89. – М.: Наука, 1989. – 270 с.
4. *Лосев, А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
5. *Лотман, Ю. М.* Избранные статьи в трех томах. Т.1. – СПб.: Александра, 1992. – 480 с.
6. Новый словотолкователь. 53,900 иностранных слов, вошедших в русский язык. Т.П.Ч.І. – М.: Типография Лебедева, 1880. – 336 с.
7. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, напечатанный по высочайшему его Императорского Величества повелению. Часть третья. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи Наукъ 1806 года. – 1322 с.
8. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – М., 1889. – 509 с.
9. Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля. В 4-х тт. Т.4. Р-У. – СПб.: Издание книгопродавца – типографа М. О. Вольфа, 1882. – 704 с.

10. *Флоренский, П. А.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / Сост. Игумен Андроник (Трубачев); ред. игумен Андроник (Трубачев). – М.: Мысль, 2004. – 685 с.

11. *Флоренский, П. А.* Сочинения. В 4 т. Т.3(1) / Сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000. – 621 с.

12. *Флоренский, П. А.* Сочинения. В 4 т. Т.3(2) / Сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). – М.: Мысль, 1999. – 623 с.

13. *Флоренский, П. А.* Сочинения. В 4 т. Т.4. Письма с Дальнего Востока и Соловков / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1998. – 795 с.

Статья поступила в редакцию 26.04.2011.

МАРОЧКИНА Юлия Николаевна – аспирант Саратовской государственной Консерватории им. Л. В. Собинова.

УДК 37.014.3

С. Ю. Колесникова

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В САРАТОВСКОЙ СЕМИНАРИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1867 ГОДА

В статье на основе анализа архивных документов рассматривается учебный процесс в Саратовской духовной семинарии в течение пятилетнего «переходного» периода, последовавшего за реформой 1867 г.

Ключевые слова: реформа 1867 года, устав, учебный процесс, Саратовская семинария, педагогика, «новые» языки, «обзор философских учений».

По справедливому замечанию известного историка церкви каждая реформа, проводимая в XIX веке в области духовного образования, не столько имела в виду его усовершенствование, «сколько являлась отражением господствовавших в данный момент политических воззрений» [1]. Не стала в этом плане исключением и реформа 1867 г., проводившаяся в русле внутренней политики правительства Александра II. После того, как императором было высказано намерение покончить с крепостной зависимостью, стала очевидна необходимость в реформе народного образования и усиления религиозно-нравственного воспитания народа. Успешное осуществление этих мер было невозможно без участия духовенства [2]. Еще одним толчком к реформированию духовного образования послужили коренные реформы светских учебных заведений, на фоне которых отставание духовных школ становилось особенно заметным.

Планомерная подготовка реформы началась с проведения серии ревизий с целью выяснения полной картины состояния духовно-учебных заведений. После рассмотрения многочисленных проектов и записок о желательных преобразованиях, длительных дискуссий на местном уровне, в прессе и в правительственных кругах, с участием как духовных, так и светских лиц (начиная с А. В. Горского и заканчивая самой императрицей), заседаний двух комитетов (1860 и 1866 гг.), был одобрен Святейшим Синодом и утвержден императором 14 мая 1867 г. новый устав духовных семинарий [3]. В тот же день был подписан указ о создании Учебного Комитета при Святейшем Синоде, учрежденного для обсуждения «вопросов по учебно-педагогической части, и для наблюдения, посредством ревизий, за состоянием сей части в духовно-учебных заведениях» [4]. Окружные академические правления, которые ранее контролировали учебный процесс в семинариях, упразднились. Реформирование семинарий началось после принятия устава и закончилось в 1871 г. Очередность определялась прежним делением на академические учебные округа, причем семинарии Казанского округа находились в этой очереди на последних местах [5].

Саратовская духовная семинария, основанная в 1830 году, к 1867 г. уже успела приобрести репутацию «бурсацкой» [6] и входила в число 16 семинарий, имеющих от 250 до 350 учеников [7]. Различные аспекты ее истории представлены в работах В. М. Покровского, свящ. М. Воробьева, А. С. Майоровой, А. И. Мраморнова, В. И. Кашеева, А. А. Демченко, Е. Н. Ардабацкого. Все эти исследования затрагивают учебный процесс в семинарии в 30-40-е гг. XIX века и в начале XX века, а также рассказывают об известных личностях, которые в ней учились, либо служили (архимандрит Никанор (Бровкович), И. Ф. Синайский, Н. Г. Чернышевский, Г. Е. Благосветлов и др). Учебный процесс в 60-х гг. XIX века и влияние на него реформы 1867 г. оставались вне поля зрения историков. В данной работе мы не будем подробно описывать все перипетии семинарской жизни, а проанализируем *ключевые* моменты учебного процесса после принятия устава в течение «переходного» пятилетнего срока (1867–1871).

Согласно новому уставу, семинария, состоя под управлением Синода, находилась в ближайшем ведении епархиального архиерея. В рассматриваемый период Саратовскую кафедру занимал епископ Иоанникий (Руднев). Круг его обязанностей состоял в наблюдении за исполнением устава, присутствии на экзаменах, утверждении преподавателей в должностях; что же касается его права «входить» в правление семинарии с письменными предложениями об устранении замеченных недостатков, то им он пользовался редко – свои ежегодные отчеты по учебной части ректор обычно начинал словами: «от епархиального преосвященного в продолжение учебного года особых предложений даваемо не было» [8]. Непосредственным начальником семинарии был ректор, который избирался на общем собрании правления семинарии. Первые выборы ректора по новым правилам произошли в 1869 году – им стал Иоанн Смельский, выпускник Казанской академии, прослуживший в семинарии 17 лет. Он был утвержден в должности Синодом 22 августа 1869 года и возведен в сан протоиерея [9]; также за ним временно оставили должность приходского священника, но только «до времени полного преобразования семинарии» [10]. Сохранившиеся в архиве отказы от баллотировки других кандидатов на должность и подробный отчет о самой процедуре дают основания полагать, что выборы не были простой формальностью. Помимо исполнения административных обязанностей, ректору рекомендовалось преподавать один из богословских предметов, но, в принципе, за соблюдением этого правила строго не следили (например, в 1869 году, Смельский кроме Священного Писания преподавал и словесность [11]). Ректор не имел возможности отказаться от преподавания уроков за наставников, не явившихся в класс по болезни или другим обстоятельствам. Согласно одному из отчетов, ректором были даны 142 (!) урока (из 208) за год за других преподавателей, хотя он сам пропустил только один [12].

Помощником ректора по всем частям семинарского управления был инспектор, который также избирался. Он должен был осуществлять «бдительный надзор» за нравственным и физическим воспитанием учащихся и за их поведением, о чем докладывал в еженедельных записках ректору и в ежемесячных донесениях непосредственно архиерею [13]. Среди проступков учащихся преобладали пропуски богослужения и уроков, уход без позволения, грубость по отношению к начальству, а также пьянство и воровство, за что семинаристы рисковали получить выговор и лишиться блюда за обедом. Особенно злостных нарушителей, замеченных в «грубости, лживости и нетрезвости», исключали [14]. Не менее тщательно инспектор следил и за преподавателями, фиксируя буквально по минутам время захода и выхода их из аудитории во время урока [15].

Согласно новому уставу прежние три отделения семинарии (риторики, философии и богословия) должны были заменить шесть классов с годичным курсом каждый. В Саратовской семинарии разделение на классы произошло в 1869 году. В отчетах преподавателями отмечаются плюсы этого нововведения, поскольку вследствие этого разделения «число учеников в каждом классе стало меньше, и уровень развития учеников каждого класса стал однообразнее» [16].

После реформы 1867 г. в семинарию можно было принимать молодых людей «православного исповедания из всех сословий» [17]. На практике, по-прежнему, практически все учащиеся были детьми священников, дьячков и пономарей. Ученики из других сословий упоминаются в отчетах с начала 70-х гг.: «в семинарию поступило 75 учеников, 1 сын отставного кандидата, 1 – вольноотпущенного крестьянина, 1 – государственного крестьянина» [18].

Преподавание учебных предметов должно было производиться на основании учебников и программ, утвержденных Синодом. Таковые имелись не по всем предметам, и здесь многое зависело от инициативы и компетенции того или иного наставника. Определенные трудности возникали с курсами психологии, педагогики и «обзора философских учений». В качестве примера можно привести конспекты лекций двух преподавателей. Один пишет: «Большинство учеников не подготовлены и не развиты, не понимают философской терминологии, <...> учебника нет, поэтому я руководствовался записками прежних преподавателей; сочинений не давал, так как бывший ректор Варфоломей сказал, что давать их совершенно не обязательно» [19]. Другой наставник в своем отчете приводит список литературы, которой он пользовался при подготовке к уроку: помимо сочинений современных авторов (Надеждина, Новицкого, Жерюзе), он упоминает работы Винклера, Карпе и Канца на латинском языке. Надо отметить, что в его списке также фи-

гурируют работы А. И. Галича, который за книгу «История философских систем» в свое время был отдан под суд по обвинению в «неверии, безбожии, в святотатственном нападении на божественность откровения» [20]. Таким образом, в отсутствие утвержденной программы, уровень знаний учеников напрямую зависел от кругозора их учителя.

Очень много зависело от личности преподавателя и в отношении курса литературы и истории. Курс словесности вообще читался достаточно широко, начиная от памятников эпической поэзии и заканчивая современными писателями, такими как Гюго, Жорж Санд, Диккенс. По части русской литературы изучались произведения как светских, так и духовных писателей; семинаристы читали Аксакова, Гоголя, Тургенева, стихи Пушкина, Кольцова, Державина и пр. По истории, помимо «Кратких очерков...» Иловайского и «Начертания русской истории» Устрялова, по инициативе наставника для библиотеки были выписаны «Записки о Московии» Герберштейна, «Домашний быт русских царей» Забелина, «Учебная книга русской истории» Соловьева, сочинения Костомарова и Карамзина [21].

Интересно обстояло дело с курсом педагогики. Она стала частью семинарского обучения еще в 1866 году [22], а программа преподавания была разработана только в 1871 году [23]. Недополучая по части теории, семинаристы не имели недостатка в практике, поскольку в том же 1866 году при семинарии была учреждена Воскресная школа, где должны были преподавать ученики старших классов. Ее посещали как взрослые, так и дети, изучая Закон Божий, арифметику, грамматику и русскую историю [24].

Согласно уставу в учебном курсе по-прежнему много места отводилось иностранному языку. Изучение одного из «новых» языков, французского или немецкого, становилось обязательным в Саратовской семинарии с 1869 года. Поначалу французский преподавал иеромонах Евсевий, поскольку не находилось других желающих (надо сказать, что отсутствие желания объяснялось отнюдь не незнанием языка, а низким окладом – 85 р. 80 коп. в год [25]). В конце концов, вести курс французского согласился домашний учитель, г. Дюран, сам родом француз. После испытания его признали пригодным для преподавания, но он не был утвержден в должности архиереем, поскольку не смог предоставить документ об образовании. Затем французский преподавал кандидат филологического факультета Николай Попов, который через некоторое время был уволен «за неявку из отпуска на вакационное время более четырех месяцев» [26]. Естественно, частая смена наставников не способствовала качественному преподаванию. Хотя семинаристы и не изъявляли большого желания изучать «новые» языки, такая возможность у них была, поскольку в семинарской библиотеке хранилось достаточное количество разных словарей, книг и хрестоматий по языкам, например, немецкая грамматика Ульрихса, или французская – Ноэля и Шапсаля, выдержавшая в XIX веке около 60 переизданий, и сделавшая имена своих авторов практически нарицательными [27].

К существенным минусам реформы 1867 г. можно отнести изменения в преподавании миссионерских предметов. Вплоть до введения нового устава в Саратовской семинарии успешно функционировало миссионерское отделение, основанное еще в 1856 г. [28]. Ученики изучали историю раскола по Саратовской епархии, апологетику, анализировали основные труды старообрядцев, изучали старопечатные книги, рукописи и иконы. В начале 60-х гг. даже были сделаны попытки составления истории саратовского раскола, для чего нескольким преподавателям было разрешено работать в архиве Саратовской консистории [29]. По уставу 1867 г. миссионерские отделения ликвидировались, отныне учение о расколе должно было преподаваться сообразно «с местными потребностями епархии» [30], т. е. сделалось необязательным. В Саратовской семинарии миссионерские предметы продолжали преподавать на средства Братства Св. Креста (из-за небольшого вознаграждения – 1 р. 50 коп. за урок, или по каким-либо другим причинам желающих преподавать учение о расколе в семинарии долго не находилось) [31].

Важной частью учебного процесса были экзамены, проводившиеся 2 раза в год, в декабре и в июле, на которых присутствовали градское духовенство и именитые люди города. Испытания проводились по заранее составленному плану комиссиями, в которые избирали членов педагогического собрания. По каждому предмету назначалась отдельная комиссия из трех преподавателей. После окончания экзаменов составлялся разрядный список учеников. При определении разряда учитывалось несколько пунктов: годовая отметка, экзаменационная отметка, оценка по поведению и сочинения, написанные в тече-

ние года. Вообще, сочинениям предавалось большое значение в семинарском курсе. Их давали семинаристам «с целью занять внимание учеников равно всеми предметами и дать возможность всем преподавателям знать успехи учеников не только по устным ответам, но и по ответам их сочинений» [32]. Темы для сочинений предлагались разнообразные: «значение труда в нравственной жизни христианина», «какие общественные недостатки представлены Лермонтовым в лице Печорина», «почему нам нравится жить летом в деревне, а зимой в городах», «характер Иоанна В. Грозного IVго» и т.п. [33].

Надо отметить, что после введения устава изменилась к лучшему система оценки успехов учеников. Ранее их успехи оценивались в выражениях: «хорошо», «очень хорошо», «порядочно», «не худо», и полностью зависели от фантазии преподавателя. Отчеты об успеваемости составлялись в таких выражениях: «<...> наукам обучались все ученики высшего отделения семинарии и успели лучшие – очень хорошо, средние – хорошо, низшие – достаточно» [34]. Читая подобные отчеты, сложно представить себе, каков был уровень образования семинаристов на самом деле. Согласно новым правилам устанавливалась пятибалльная шкала отметок. Решающей же оценкой при определении разряда, как и прежде, была отметка по поведению.

Подводя итог вышесказанному, мы не можем дать учебному процессу, как и самой реформе 1867 г., однозначную оценку. С одной стороны, положительное влияние нового устава очевидно. Школа сделалась всеобщей, должность ректора стала выборной, важную роль стало играть педагогическое собрание, где обсуждались многие учебные и педагогические вопросы, и поощрялась инициатива отдельных преподавателей; было расширено преподавание некоторых предметов, введена шкала оценок. С другой стороны сам процесс проведения устава в жизнь затянулся на довольно долгое время, что создавало определенные трудности, как в учебном, так и в административном плане. Некоторые предметы стали необязательными, не были разработаны учебные программы и учебники, а конспекты лекций с преподавателей продолжали требовать неукоснительно. Недостаточным оставалось и материальное обеспечение духовных школ: это выражалось как в небольшом, по сравнению с преподавателями светских учебных заведений, жаловании, так и в комплектации семинарских библиотек, которые наряду с редкими книгами на иностранных языках и рукописями, не имели в запасе элементарных учебников и журналов. Тем не менее, несмотря на все плюсы и минусы, можно констатировать, что «переходный» период был для семинарии временем, хотя и неоднозначным, но весьма продуктивным.

Библиографический список

1. Смолич, И. К. История русской церкви. 1700–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/439980.html> (дата обращения 23.04.2011).
2. Римский, С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России 1860–1870-х годов). – М., 1999. – С. 278.
3. Высочайше утвержденный Устав Православных Духовных Семинарий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб., 1871. – Т. 42. – № 44571.
4. Высочайше утвержденное Положение об Учебном Комитете при Святейшем Синоде // ПСЗ-II. – Т. 42. – С. 496.
5. Смолич, И. К. История русской церкви. 1700–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/439980.html> (дата обращения 23.04.2011).
6. Никанор, архиепископ Херсонский (Бровкович). Переезд из Риги в Саратов // Биографические материалы. – Одесса, 1900. – Т. 1. – С. 292.
7. Штаты духовных семинарий // Саратовские епархиальные ведомости. – 1867. – № 15. – С. 766.
8. ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 12. Оп. 1. Д. 4675. Л. 7.
9. Там же. Д. 4684. Л. 6 об–7.
10. Там же. Д. 4569. Л. 11 об.
11. Там же. Д. 4568. Л. 4 об–5.
12. Там же. Д. 5314. Л. 84.
13. Там же. Д. 4443.
14. Там же. Д. 4562. Л. 4 об.
15. Там же. Д. 4213. Л. 6–14.
16. Там же. Д. 4565. Л. 3.

-
17. Высочайше утвержденный Устав Православных Духовных Семинарий // ПСЗ-II. – Т. 42. – С. 498.
18. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4723. Л. 5.
19. Там же. Д. 4581. Л. 21, 48.
20. Сухомлинов, М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. – СПб., 1889. – Т. 1. – С. 328.
21. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4581. Л. 24.
22. Там же. Д. 4382. Л. 3 об.
23. Там же. Д. 4695.
24. Там же. Д. 4561. Л. 8.
25. Там же. Д. 4169. Л. 2 об.
26. Там же. Д. 4675. Л. 2.
27. Салтыков-Щедрин, М. Е. Благонамеренные речи // Собрание сочинений в 20 тт. – М., 1971. – Т. 11. – С. 337, 603.
28. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3468. Л. 21.
29. Там же. Д. 3909. Л. 10 об.
30. Высочайше утвержденный Устав Православных Духовных Семинарий // ПСЗ-II. Т. 42. С. 507.
31. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4716. Л. 1–1 об.
32. Там же. Д. 4565. Л. 4.
33. Там же. Д. 4723.
34. Там же. Д. 4183. Л. 3.

Статья поступила в редакцию 27.04.2011.

КОЛЕСНИКОВА Светлана Юрьевна – студентка V курса Института истории и международных отношений Саратовского Государственного университета.

Информация для авторов

Журнал «Новый университет» выходит в форме ежемесячного альманаха в сериях:

- **Экономика и право.**
- **Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук.**
- **Вопросы естественных наук.**
- **Технические науки.**

К публикации принимаются статьи студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также всех исследователей, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным межстрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала.** Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов.**

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- возраст (если статья подается в рубрику для молодых ученых «Свежий взгляд»),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- ученая степень, ученое звание,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название серии альманаха, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: ujourn@gmail.com.

Мы ждем Ваших статей! Удачи!